

Игнатьева Ольга Анатольевна

**СОЦИОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА
МАКСА ВЕБЕРА:
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Монография

Научное издание

Архей
Санкт-Петербург
2018

УДК 316.012
ББК 60.500.2
И 26

И 26. Игнатъева О. А.

Социология господства Макса Вебера: эвристический потенциал / Научное издание / О. А. Игнатъева - СПб.: Издательство ООО «Архей», 2018. - 171 с.

ISBN 978-5-905316-22-7

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и технологій соц. работы (СПбГУ)

Головин Николай Александрович

доктор философских наук, профессор кафедры теории и технологій соц. работы (СПбГИПСР)

Иваненков Сергей Петрович

Настоящая монография посвящена реконструкции концепции политической власти выдающегося немецкого социолога Макса Вебера с анализом ее последующего влияния на развитие социологии в целом. В книге приводится не только критический анализ идей ученого с точки зрения представителей веберизма, но и сравнительный анализ концепции с теориями современных влиятельных исследователей, таких как М. Фуко, П. Бурдьё и Н. Луман.

В работе предложена авторская методология реконструкции концепции и ее обоснование. Идеи классика актуализированы на основе политических культур ведущих стран Запада, а также России. Выводы, предложенные в настоящей работе, могут быть использованы при создании курсов по политической социологии, теории, истории и методологии социологии, а также при анализе направлений внутренней и внешней политики государства.

ISBN 978-5-905316-22-7

© О.А. Игнатъева, 2018

© «Архей», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ М. ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ...	11
1.1. Реконструкция концепции власти М. Вебера	11
1.2. Влияние концепции власти М. Вебера на социологию	46
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЕБЕРА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И РОССИИ)	78
2.1. Выявление фундаментальных структур властных отношений	78
2.2. Анализ принципов реализации политической власти	106
2.3. Этические аспекты осуществления политической власти	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
ЛИТЕРАТУРА	155

ОБ АВТОРЕ

Игнатьева Ольга Анатольевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, член Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС). В 2001 г. окончила факультет менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. С 2001 по 2006 гг. работала специалистом по внешнеэкономической деятельности. С 2005 по 2006 гг. — координатор в общественной организации «Санкт-Петербург-Каледония». В 2012 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Эвристический потенциал концепции власти Макса Вебера» на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета. В 2009 г. диссертационное исследование автора было поддержано грантом Института общественного проектирования (ИНОП) как важное исследование для современного политического устройства России. В 2008 г. принимала участие в проекте по межкультурной коммуникации при поддержке РГНФ и Правительства Санкт-Петербург. Соавтор книги «Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге» (2009). Сфера научных интересов: методология науки, политическая социология, социология Макса Вебера и его последователей, культурная антропология, политическая культура, политические технологии, международные отношения, международные конфликты, медиа, информационные технологии в социологии.

Data about the author

Ignatyeva Olga Anatolievna — PhD in Sociology, Senior Lecturer of the Department of Theory and Technology of Social Work in St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, member of the St. Petersburg Association of Sociologists (SPAS). In 2001 she graduated from the Management Faculty of St. Petersburg State University. From 2001 to 2006 worked as a specialist in foreign economic activity. From

2005 to 2006 — Coordinator in the public organization “St. Petersburg-Caledonia”. In 2012, she defended her thesis on the topic “Heuristic potential of Max Weber’s concept of power” at the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University. In 2009, the author’s dissertation research was supported by the grant of the Institute of Public Planning (INP) as an important study for the modern political system of Russia. In 2008, she took part in the project on intercultural communication with the support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RHSF) and the Government of St. Petersburg. Co-author of the book “Cultural Assimilator. Training adaptation to life in St. Petersburg“(2009). Scope of scientific interests: methodology of science, political sociology, sociology of Max Weber and his followers, cultural anthropology, political culture, political technologies, international relations, international conflicts, media, information technologies in sociology.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы проведенного исследования, предлагаемой в данной книге, определяется несколькими обстоятельствами: во-первых, наследие классиков социологии в их современном прочтении расширяет возможности социологии в исследовании современного общества и его фундаментальных проблем, к которым относятся властные отношения. Во-вторых, разработка такой проблематики может позитивно повлиять на решение проблем институционализации российской теоретической социологии. Так, московский социолог А. В. Тихонов видит решение этой проблемы в разработке крупного общего теоретико-методологического проекта¹. Разработка данной темы может способствовать появлению такого проекта, вкладу в него, а значит и вкладу в российскую теоретическую социологию, в которой очевиден дефицит теоретической коммуникации специалистов.

«Предлагаемая вниманию читателей реконструкция представляет собой концептуализацию идей Вебера с учетом генезиса, контекста их возникновения и проверки практикой»².

Кроме теоретической актуальности обращение именно к политической социологии М. Вебера вызвано практической необходимостью, связанной с реформами в России, развитием ее политической системы и демократизации властных отношений, что требует теоретического осмысления и оценки. Поскольку сам Вебер был не только теоретиком власти, но и практическим политиком, то анализ предложенных им конкретно-исторических типов господства и рекомендаций, предложенный в данном исследовании, может принести практическую пользу.

Следовательно, теоретическая актуальность данной монографии определяется особенностями современного этапа развития социологии, в том числе российской, а практическая актуальность связана с возможностью использования некоторых положений М. Вебера для совершенствования политической структуры и направлений политики нашего общества.

---

¹ Тихонов А. В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Социологические исследования. 2011, № 6. С. 6–7.

² *Игнатьева О. А.* Автореферат на соискание ученой степени кандидата наук по теме «Эвристический потенциал концепции власти Макса Вебера» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/evristicheskii-potentsial-kontseptsii-politicheskoi-vlasti-maksa-vebera> (дата обращения: 12.01.2018)

Вместе с тем рассмотрение социологии Вебера затруднено тем, что политические идеи не сформулированы им в виде завершенной концепции, содержатся в его работах в несистематизированном, противоречивом виде и описывают состояние общества конца XIX-начала XX вв. В результате этого представители российского веберизма П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов допускают неточность при интерпретации веберовской типологии господства, упоминая только две разновидности традиционного господства (патриархальное и сословное)³, в то время как в работе классика «Хозяйство и общество» выделено четыре таковых: патриархальное, патримониальное, феодальное и сословное⁴. Таким образом, проведенное нами исследование направлено на решение выше обозначенной научной проблемы.

Характеризуя степень разработанности данной проблемы, автор обращается к источникам, опубликованным на русском, английском и немецком языках для выявления аналогичных попыток исследователей этих стран выстроить политические идеи М. Вебера в цельную концепцию.

Необходимо отметить, что в Германии и англосаксонских странах, а именно США и Великобритании, труды выдающегося немецкого ученого до сих пор пользуются огромной популярностью. Работы западных исследователей посвящены либо интерпретации и критике теоретико-методологических особенностей социологии М. Вебера (Р. Бендикс, Дж. Фройнд, В. Моммзен, Й. Вайс, Ф. Паркин, Т. Парсонс, Л. Скафф, Р. Свидберг), либо характеристике отдельных положений его политической теории, либо другим аспектам его творчества. Здесь мы остановимся только на интерпретациях политических идей М. Вебера. В западной социологии наибольшее количество исследований политического наследия классика направлено на анализ его трактовки «рациональной бюрократии» (В. Шлюхтер, М. Лепсиус, Т. Фальпаль (Гейдельбергская школа), В. Моммзен, Д. Битэм и др.) и «харизматического лидерства» (Т. Доу, Ш. Волин, Л. Скафф и др.). Среди наиболее полных исследований политической социологии М. Вебера следует упомянуть историческую интерпретацию его политической теории В. Моммзеном «М. Вебер и политика Германии, 1890–1920» и работу Р. Брайнера «М. Вебер и демократическая политика». Од-

---

³ Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 84.

⁴ Weber M. Economy and Society: an outline of interpretive sociology. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1007.

нако обе они сфокусированы на критике харизматического типа господства, оставляя остальные теоретические положения немецкого классика о власти за рамками исследовательских интересов.

В отечественной науке обращение ученых к творческому наследию М. Вебера связано с активным поиском собственного пути в мировой социологии, ведь, по выражению У. Бека, «М. Вебер не только основал социологию. Он ее еще наверняка переживет»⁵. В российской социологии наиболее полные интерпретации его социологической теории даны в работах «История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс» (П. П. Гайденоко, Ю. Н. Давыдов) и «Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения» (Ю. Н. Давыдов). Признанным специалистом по вопросам его политической социологии является Р. П. Шпакова. Также существует ряд работ, связанных с изучением отдельных положений политической теории М. Вебера: «Теория бюрократии» (М. В. Масловский) и «Вера, власть, бюрократия» (В. П. Макаренко).

Таким образом, реконструкция и апробация концепции власти М. Вебера на организации политической подсистемы в современных обществах до нас не проводилась, и в нашей монографии представлена как авторская методология реконструкции концепции, так и систематизированная социология господства немецкого ученого.

Объектом нашего исследования выступает совокупность теоретических положений, образующих концепцию политической власти в социологии М. Вебера, а его предметом – взаимосвязь между важнейшими теоретическими положениями Вебера о политической власти и господстве.

Цель настоящего исследования состояла в реконструкции концепции политической власти (господства) М. Вебера и проверке ее актуальности политической практикой современных обществ, для чего было необходимо:

- 1) выявить теоретические источники идей Вебера о власти;
- 2) сформулировать единую концепцию власти М. Вебера.
- 3) провести сравнительный анализ концепции власти Вебера и современных концепций власти (Т. Парсонс, М. Фуко, П. Бурдьё и Н. Луман) для выявления значимости идей Вебера в развитии теории власти;

---

⁵ Козловский В. В., Шпакова Р.П., Эттрих Ф. Актуальность социологии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 6.

4) оценить прикладное значение веберовской типологии государства М. Вебера для анализа властных структур современных обществ;

5) определить познавательную эффективность принципов реализации государственной власти М. Вебера в современных условиях;

6) проанализировать значение этики ответственности власти М. Вебера с позиций современной политической практики;

7) оценить эвристический потенциал концепции власти М. Вебера в целом;

8) определить влияние идей М. Вебера о власти на развитие социологии.

Источниковой базой исследования послужили основные социологические работы М. Вебера, содержащие идеи о власти, «Хозяйство и общество», «Политика как призвание и профессия», «Национальное государство и народнохозяйственная политика», «Парламент и правительство в новой Германии», «Рейхспрезидент», «О буржуазной демократии в России», «Протестантская этика и дух капитализма», в которых изложена позиция автора по проблемам политической власти и политической культуры; критические тексты представителей веберизма, посвященные анализу его концепции власти; научные работы других исследователей, привлекаемые для осуществления сравнительного анализа отдельных теоретических положений концепции власти.

В методологическом плане логика исследования предполагает реконструкцию концепции власти М. Вебера с последующим использованием ее результата для анализа властных отношений в современном обществе (на примере Великобритании, Германии и России). При этом применялись системный, сравнительный и историко-генетический подходы, а также общенаучные методы анализа и синтеза. Сама реконструкция концепции власти М. Вебера осуществлялась на основании историко-генетического и системного подходов, так как, с одной стороны, изучался генезис идей о власти немецкого классика, а с другой – формулировалась его концепция как система взаимосвязанных теоретико-методологических положений.

Поскольку в социологии не существует общепринятой методологии реконструкции концепции, то для осуществления нашей задачи был использован опыт историко-теоретического анализа,

проводившегося в работах Ю. Хабермаса, П. А. Сорокина, Г. С. Батыгина и Д. Г. Подвойского, в которых речь шла о реконструкции сложных теорий. В результате удалось установить, что в отличие от реконструкции феномена, т.е. теоретического «воссоздания» процесса, взятого из социальной реальности, под реконструкцией концепции понимается интерпретация идей первоисточника на основе руководящего принципа. Исходя из этого, реконструкция концепции М. Вебера осуществлялась посредством систематизации релевантных идей классика, объединения их в систему на базе выбранного критерия (политическая власть) и установления связей между ними с последующем объяснением их смысла.

Апробация концепции власти Вебера проводилась на основе принципов исторической социологии. Также некоторые постулаты немецкого ученого сравнивались с положениями теоретиков политической культуры, таких как Г. Алмонд, С. Верба, С. Хантингтон и т. д.

Первая глава направлена на формулирование концепции политической власти (господства) М. Вебера с ее последующей интерпретацией представителями веберизма, а также проведение сравнительного анализа данной концепции с наиболее влиятельными политическими теориями современности.

Во второй главе теоретические положения концепции власти Вебера проверяются политической практикой развитых стран (Великобритании и Германии), а также России. Отдельный параграф отведен этике политической ответственности в ее аутентичном и современном понимании.

Настоящая работа способствует развитию теоретической социологии, истории социологии, сравнительного анализа различных теорий и актуализации классического наследия. Результаты исследования, представленные в данной монографии, могут быть использованы в преподавании теории, истории и методологии социологии, политической социологии, спецкурсов и разработке пособий по ним, а также при анализе направлений государственной политики.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ М. ВЕБЕРА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

1.1. Реконструкция концепции власти М. Вебера

Идеи М. Вебера о политической власти привлекали и по сей день привлекают пристальное внимание исследователей в течение многих лет: они либо порождают дискуссии, либо служат основной для построения новых теорий. Академический интерес к ученому как политическому мыслителю инициирован работой В. Моммзена «Макс Вебер и политика Германии в 1890–1920»⁶ (1959). Особо подчеркнем, что после завершения М. Вебером раздела о социологии господства в 1914 г.⁷, вошедшего в последствии в сборник «Хозяйство и общество», его политические взгляды и мнения претерпели существенную эволюцию, что нашло отражение в более поздних работах («Парламент и правительство в новой Германии», «Будущая государственная форма Германии», «Новая Германия», «Рейхспрезидент», «Политика как призвание и профессия»). Этим обусловлена логическая и теоретическая необходимость реконструкции концепции политической власти, чему и посвящен настоящий подраздел.

Поскольку в социологии отсутствует общепринятый алгоритм реконструкции, то необходимо определить содержание данной методологической процедуры⁸. С одной стороны, реконструкция может быть «воссозданием» какого-либо феномена в теории. Например, историко-материалистическая концепция родовой истории К. Маркса концептуализирует процесс общественного развития на основании организующего принципа (способа производства). В данном контексте теоретическая реконструкция сближается с методологической процедурой воссоздания древнего языка или артефакта по аналогии, которая применяется в

---

⁶ *Mommsen W.* Max Weber and German Politics: 1890–1920. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 498 p.

⁷ *Mommsen W.* Max Weber's "Grand Sociology": The Origin and Composition of *Wirtschaft und Gesellschaft: Soziologie* // *History and Theory*. 2000. Vol 39, N 3. P. 380.

⁸ *Ignatjeva O.* Reconstruction of Max Weber's Conception of Power and its Methodological Meaning // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-20-1 / ISSN 2367-5659, 24 - 30 August, 2017, Book 3, Vol 3, P. 580, DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.076

лингвистике и археологии. С другой стороны, реконструкция может пониматься как интерпретация идей автора посредством их систематизации (реорганизации) по определенному принципу с последующим толкованием смысла. Так, например, Ю. Хабермас⁹ реконструирует концепцию социальной эволюции К. Маркса на основе принципов (всеобщие структуры действия, ментальности, институализации права и морали) и создает, таким образом, свою, отличную от первоначальной, схему периодизации истории человечества. П. А. Сорокин, в свою очередь, использует идеальные модели суперсистем для интерпретации социологических теорий современности «для того, чтобы можно было ориентироваться в джунглях различных, часто противоречащих друг другу теорий»¹⁰. Российские социологи Г. С. Батыгин и Д. Г. Подвойский эксплицитно отождествляют процедуры интерпретации и реконструкции, понимая их как «разъяснение и интерпретацию прецедентных текстов»¹¹, «тривиализацию» идей автора. Так, например, они задают свой алгоритм, в соответствии с которым производят реконструкцию социологической концепции М. Вебера в целом, что включает последовательный анализ ситуации в социологии, интеллектуальных влияниях, методологии Вебера, типов политического господства, рационализации, модерна и кризиса современности. Поскольку нас интересует реконструкция концепции, то данный термин будет использоваться во втором значении.

Следовательно, процедура реконструкции социологической концепции, с одной стороны, допускает некоторую независимость исследователя при выборе направлений анализа, а, с другой стороны, является систематизацией идей первоисточника по определенному критерию с их последующим толкованием, т. е. интерпретацией. Таким образом, систематизация идей Вебера в концепцию осуществляется на основании руководящего критерия — политическая власть, при этом структура реконструируемой концепции (типы господства, принципы реализации и этическая сторона политической власти) задается нами самостоятельно, поскольку,

---

⁹ *Habermas J.* Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976. 345 S.

¹⁰ *Сорокин П. А.* Социологические теории современности / Пер. с англ. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 21.

¹¹ *Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г.* История социологии. М.: Высшее Образование и Наука, 2007. С. 4.

по нашему мнению, для понимания сущности данного феномена необходимо его рассмотрение, как в статике, так и в динамике.

Содержание первой части концепции — фундаментальные структуры власти (типы господства) формируется на основании синтеза идей о легитимной политической власти из раздела социология господства работы «Хозяйство и общество», а также работ «Парламент и Правительство в Новой Германии» (май 1918 г.), «Будущая государственная форма Германии» (ноябрь 1918 г.), «Рейхспрезидент» (январь 1919 г.), «Политика как призвание и профессия» (1919 г.). Поскольку раздел о социологии господства является первичным источником в данной совокупности материалов, то для его корректной интерпретации необходимо обратиться к контексту создания работы, т. е. рассмотреть мировоззренческие установки автора и социально-политическую ситуацию в Германии в тот период времени.

Итак, в силу своего происхождения М. Вебер принадлежал к классу буржуазии, что повлияло на его мировоззренческие установки. Он был сторонником либерализма, т. е. поддерживал индивидуализм, свободные рыночные отношения, всеобщее избирательное право и ограничение вмешательства государства и церкви в экономическую подсистему. В публикациях «О буржуазной демократии в России» (февраль 1906 г.) и «Переход России к мнимому конституционализму» (август 1906 г.), посвященных анализу политической ситуации в революционной России, особенно ярко отразилась политическая позиция Вебера, в соответствии с которой он признавал буржуазные партии (кадетов и земских либералов) единственной дееспособной силой, способной установить демократию в обществе. «Российское земство... представляет собой успешно работающий и подлинно демократический орган самоуправления... Земские комитеты и комиссии — воплощение востребованной инициативы «снизу»¹².

Политическая ситуация в Германии (объединение в 1871 г.) в свою очередь повлияла на особенности мировоззрения ученого, обусловив его националистические взгляды, т. е. стремление утвердить право своей страны на международное господство подобно Римской и Британской империям. «Потому что мы народ в 70, а не в 7 миллионов, потому что мы в отличие от тех маленьких

---

¹² Шпакова Р. П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003, № 3. С. 112.

народов можем бросить наш вес на чашу весов истории»¹³. Вебер восторженно встретил Первую мировую войну, так как видел в ней возможность для реализации призвания немецкой нации определять мировую культуру будущего после победы над русской бюрократией и англосаксонским «торгашеством»¹⁴. Помимо национализма, по мнению Р. Бендикса, Вебер также находился под влиянием социал-дарвинизма. «Добавив идеи расизма и псевдо-политические мечты об империи, такие маргинальные фигуры, как Лангбельн и Меллер Ван ден Брук, создали смесь цинической «реальной политики» и претензионного романтизма, который определял настроения в Германии с начала XIX века. Вебер принадлежит к их числу, что становится очевидным из его инаугурационной лекции во Фрайбургском университете»¹⁵.

К моменту написания «социологии господства» немецкий ученый имел опыт участия в Социально-политическом союзе¹⁶ и в Евангелическо-социальном конгрессе¹⁷, которые выступали за постепенные социальные преобразования с целью улучшения положения пролетариата в рамках капиталистической системы. Однако надежды Вебера на карьеру профессионального политика не оправдались из-за тяжелого нервного заболевания (1895-1902 гг.). В 1902 г. он оставил кафедру политической экономии в Гейдельбергском университете и сосредоточился на проблемах методологии науки, а с 1904 г. стал соредактором журнала «Архива социальной науки и социальной политики»: «от активной жизни университетского преподавателя и политика он вынужден обратиться к созерцанию в тихом кабинете ученого... он теперь и как мыслитель отступил за пределы действительности и посвятил себя мышлению о мышлении»¹⁸. Таким образом, раздел «Социо-

---

¹³ *Вебер Марианна*. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 477.

¹⁴ *Вебер М.* Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895-1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 346.

¹⁵ *Bendix R.* Max Weber and Jakob Burckhardt // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30, N 2. P.180.

¹⁶ *Krüger D.* Max Weber and the younger generation in the Verein für Sozialpolitik // *Max Weber and his Contemporaries* / Mommsen W., Osterhammel J. London, 1987. P.71–85.

¹⁷ *Aldenhoff R.* Max Weber and the Evangelic-Social Congress // *Max Weber and his Contemporaries* / Mommsen W., Osterhammel J. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 198–199.

¹⁸ *Вебер Марианна*. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 267.

логия господства», написанный к 1914 г., основывался на собственной методологии Вебера (идеально-типические конструкции, метод понимания и принцип «свободы от оценки»).

Итак, идеально-типическая конструкция в трактовке Вебера — это «ментальная картина, которая сводит в непротиворечивом космосе мысли специфические исторические отношения и события»¹⁹, т. е. устанавливает каузальные связи между историческими (социальными) явлениями. Для конструирования идеальных типов Вебер также заимствует у Г. Риккерта принцип отнесения к ценности и индивидуализирующий принцип образования понятий.²⁰ Метод понимания применяется для постижения смысла социального действия, являющегося предметом понимающей социологии. Данный метод взят Вебером у В. Дильтея, однако в отличие от эмпатии и повторения, немецкий социолог предлагает рациональное понимание, которое наделяет данный метод истинно научным статусом. Для рационального (однозначного) понимания смысла социального действия необходимо сконструировать идеальный тип целерационального действия. Логический принцип «свободы от оценки» подразумевает, что во избежание трансгрессии и ради сохранения чистоты научного знания ученый при исследовании научной проблемы должен уметь отделять констатацию фактов от «оценивающих их позиций». «Под оценкой в дальнейшем следует понимать ... “практическую” оценку доступного влияния наших действий явления как достойного порицания или одобрения»²¹.

Следует отметить, что социологическая методология Вебера содержит ряд противоречий, которые затрудняют ее использование другими исследователями. Например, Вебер пытается обосновать возможность использования индивидуализирующего принципа образования понятий в социологии, хотя, по мнению Г. Риккерта, для нее, как естественнонаучной дисциплины («социальная физика»), применяется генерализирующий принцип образования понятий. Далее, Вебер определяет идеально-типическую конструкцию и как умозрительное построение, и как обобщение

---

¹⁹ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1978. S. 190.

²⁰ Риккерт Г. *Границы естественно-научного образования понятий: логическое введение в исторические науки* / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1997. С. 293.

²¹ Вебер М. *Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке* // *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма.* / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 415.

эмпирического опыта²². В разделе «Основные социологические понятия» сборника «Хозяйство и общество» метод понимания обозначается ученым и как «объясняющее понимание», и как «понимающее объяснение». «Большое заблуждение приписывать Веберу идею о том, что объяснение и понимание — методы, которые абсолютно независимы и противоположны друг другу. Так, он часто ассоциирует их в одном и том же проекте либо как интерпретативное объяснение (*verstende Erklärung*), либо как объясняющую интерпретацию (*erklärendes Verstehen*)»²³.

Стиль изложения Вебера сложен и иногда нелогичен, т. е. вывод не следует из посылок, или посылки не связаны между собой. Например, возьмем предложение, в котором ученый пытается обосновать необходимость установления плебисцитарной демократии в работе «Будущая государственная форма Германии»: «Если же такой роспуск произойдет и тем самым отпадет возможность настоящего имперского парламентаризма — *поскольку за контролируемое отдельными парламентами голосование в Бундесрате имперские министерства не несут парламентской ответственности перед имперской народной палатой (Рейхстагом)* — то очень многое как раз говорит в пользу установления плебисцитарного рейхспрезиденства»²⁴. Итак, здесь присутствуют две посылки (причины), которые «слеплены» в одно целое: 1) «*голосование в Бундесрате контролируется парламентами земель*», 2) «*имперские министерства не несут парламентской ответственности перед имперской народной палатой (Рейхстагом)*». Вывод Вебера из них о том, что плебисцитарная демократия — лучшая форма правления не очевиден; он говорит лишь о личной позиции автора. На сложный стиль изложения Вебера, логические неточности и слабую структуризацию работ указывают многие исследователи его творчества, в том числе Марианна Вебер и В. Момзен. «Вебера нельзя назвать системным теоретиком, творцом некоего концептуального синтеза... Сама же концепция классика немецкой социологии предстает перед изучающими его творчество как своего рода “нецентрализованная паутина”, как сложный

---

²² Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 46.

²³ Freund J. German Sociology in the Time of Max Weber // A History of Sociological Analysis. L.: Heinemann Educational Books, 1979. P. 169.

²⁴ Вебер М. Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 387.

узор, в рисунке которого угадывается единая манера и стиль, но не обнаруживается того, что можно было бы назвать геометрически регулярной симметрией»²⁵.

Прежде чем приступить к характеристике основных структур политической власти (типов господства), необходимо указать содержание понятий власти, господства и легитимности в трактовке М. Вебера. Итак, власть, по его мнению, — «шанс в рамках социальных отношений провести личную волю вопреки желанию другого»²⁶. Вебер полагает, что господство — более социологически точное понятие, так как оно подразумевает повиновение приказу в рамках асимметрических отношений. «Господство — шанс, что приказ определенного содержания вызовет повиновение данной группы людей»²⁷. При этом он уточняет, что господство не означает обязательного наличия административного аппарата, наоборот, властитель может обойтись без него, опираясь на своих сторонников. Бюрократия — не причина, а следствие сложившихся отношений господства-подчинения: «наличие административного персонала означает, что организация всегда до определенной степени основана на доминировании»²⁸. Термин «легитимность» заимствуется Вебером у немецкого теоретика права Г. Еллинека²⁹ и означает здесь доверие общества существующей системе власти. Традиционное, харизматическое и легально-рациональное господство — легитимные типы господства, которые пользуются доверием населения благодаря традиции, харизме и закону соответственно. При переводе понятия «легитимное господство» на английский язык Т. Парсонс применяет слово «авторитет» (*authority*)³⁰, а мы используем термин «политическая власть», которое более подходит российской ментальности.

Для определения содержания традиционного господства концепции Вебера произведем синтез глав «Патриархальное и патримониальное господство», «Феодализм, сословное государс-

---

²⁵ Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. М.: Высшее Образование и Наука, 2007. С. 213–214.

²⁶ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 28.

²⁷ *Ibid.* S. 28.

²⁸ *Ibid.* S. 29.

²⁹ Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб.: Юр. центр–Пресс, 2004. С. 219.

³⁰ Bendix R. *Max Weber: An Intellectual Portrait*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 521.

тво и патримониализм» его сборника «Хозяйство и общество» с работой «Парламент и правительство новой Германии», так как это позволит учесть все разновидности данного типа господства в эволюционном порядке их возникновения. Так, к геронтократическому, патриархальному, патримониальному и феодальному подвидам традиционного господства, описанным в первом источнике, добавляется конституционная монархия из второго источника. В геронтократии обществом управляют старейшины, которые наиболее знакомы с содержанием традиций и их правильной интерпретацией. При патриархальном господстве, как и в предыдущем случае, властитель осуществляет управление без административного аппарата, но получает доминирующие позиции в обществе благодаря праву наследования, а не возрасту. «Патриархизм — это отношения, в которых определенный индивид господствует по праву наследства внутри группы, организованной на экономической и административной основах»³¹. Вера в сакральность обычая со стороны домочадцев, которые не обязательно связаны с патриархом кровным родством, а также их личная зависимость обеспечивают легитимность его власти.

Остановимся подробнее на характеристике патримониализма, так как, по мнению Вебера, при реализации этого подвида господства происходит зарождение бюрократического аппарата, который составляет ядро современного легально-рационального господства. «Патримониализм — традиционное господство, при котором формируется администрация и армия, являющиеся инструментами господства правителя»³². Отношения зависимости приобретают договорной характер, например, господин должен обеспечить защиту от внешнего врага, а подданные в свою очередь обязаны поддерживать господина всеми доступными способами (вплоть до выкупа его из плена и обеспечения приданного для его дочери).

Для управления подчиненными территориями «правитель рекрутирует своих чиновников в начале и далее из числа лично зависимых слуг (рабов и крепостных), для того чтобы быть абсолютно уверенным в их повиновении»³³. Он также формирует штаб из независимых подданных «не только для того, чтобы избежать чувства негодования со стороны свободных подданных, когда те

---

³¹ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 231.

³² Ibid. P. 231.

³³ Ibid. P. 1026.

видят, что несвободные люди поднимаются по карьерной лестнице к власти и более высокому социальному статусу, но также ввиду прямых административных нужд и продолжения существования допатримониальных форм управления»³⁴. Оба штаба управления патримониального господина существуют параллельно и действуют от его имени и в его интересах. При этом преданность господину, а не квалификация позволяет занимать позицию патримониального чиновника, который за свою службу получает бенефиций и право передавать чин по наследству. «По своей природе патримониализм был особым местом для процветания фаворитизма, когда люди, приближенные к правителю, обладали огромной властью, но всегда были в опасности неожиданного и драматического падения по чисто личным причинам»³⁵. Для предотвращения монополизации власти со стороны «аппарата высокостатусных чиновников» патримониальный господин обращается за услугами к лично зависимому штабу управления. При этом на этапе феодального господства и сословного государства он начинает экспроприировать управленческие функции и «средства производства» у независимого штаба.

При *феодализме* отношения между господином и его подчиненными уже носят не только личный, но и договорной характер. Вассал приносит клятву верности (основание легитимности) своему господину и уже не является более простым зависимым. «Полный феодал – это всегда рента, обеспечивающая комплекс прав, собственность, которая может и должна создавать господину соответствующий его положению образ жизни»³⁶. Вассалы отождествляют свою судьбу с судьбой господина, и в блеске его славы они видят и собственное отражение. Кроме того, претензии вассала на власть внутри своего феодала напрямую зависят от легитимности власти феодального правителя, что дополнительно скрепляет их союз.

Более поздней разновидностью феодализма является сословное государство (*Ständestaat*), формирующееся посредством заключения союза между королем и феодалами с целью поддержания порядка внутри страны и обеспечения безопасности от внешнего вторжения. В этот период по просьбе сословий король организывает органы власти для осуществления хозяйственных или политических функций, что ведет к укреплению его власти и

---

³⁴ Ibid. P. 1026.

³⁵ Ibid. P. 1088.

³⁶ Ibid. P. 1072.

централизации государства, а следовательно, к ослаблению власти феодалов. «Довольно часто сословия обращались к правителю с просьбами заинтересованных лиц осуществлять новые управленческие функции, и он удовлетворял эту просьбу посредством учреждения соответствующего агентства»³⁷. Таким образом, по мнению Вебера, усиление королевской власти при сословном государстве способствовало возрождению патримониализма, который оставался доминирующей структурой политической власти в континентальной Европе вплоть до Французской революции.

Анализ политического устройства Великобритании позволяет М. Веберу охарактеризовать в работе «Парламент и правительство новой Германии» еще одну разновидность традиционного господства — конституционную монархию. При данной форме организации политической власти монарх осуществляет представительские и третейские функции. Он не имеет права контролировать бюрократический аппарат, поскольку не имеет соответствующих знаний, и не может участвовать в политике, так как у него отсутствует опыт политической борьбы. Однако для сохранения своего привилегированного положения он должен уметь идти на компромисс и с чиновниками, и с парламентом. «Только политически неодаренных монархов парламентская система исключает ради усиления могущества страны»³⁸. Парламент же, наоборот, обладает реальной политической властью, поскольку имеет право назначать из своей среды чиновников на ключевые (министерские) посты, определять направления внешней и внутренней политики, а также утверждать бюджет. Кроме того, по мнению Вебера, парламент служит местом для формирования ответственных политических лидеров (будущих премьер-министров) посредством их участия в работе комитетов и в политической борьбе. «Жесткая организация партий и прежде всего необходимость для вождей масс участвовать в жестко упорядоченной договоренностями работе парламентских комитетов, а также подтверждать там свою квалификацию, все-таки представляет мощную гарантию того, что эти склонные к цезаризму доверенные лица масс смиряются с жесткими правовыми формами государственной жизни»³⁹.

---

³⁷ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive – Sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1087.

³⁸ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 156.

³⁹ Там же. С. 242–243.

Таким образом, традиционное господство — это структура политической власти, при которой доминирующее положение в обществе занимает одно лицо, в основном по праву наследования, и оно поддерживается силой традиции. При этом в теории Вебера существуют следующие подвиды данного типа господства: геронтократия, патриархизм, патримониализм, феодализм, сословное государство (поздняя модификация феодализма) и конституционная монархия.

Для определения содержания харизматического типа господства в теории М. Вебера произведем синтез главы «Харизматическое господство и его рутинизация» (сборник «Хозяйство и общество») с такими политическими работами того же автора как «Парламент и правительство в новой Германии», «Будущая государственная форма Германии», «Рейхспрезидент» и «Политика как призвание и профессия». Дело в том, что первый источник дает наиболее общие характеристики харизмы и возможности сохранения власти, завоеванной с ее помощью, в то время как остальные вышеназванные работы позволяют рассмотреть харизматическое господство в контексте практической политики (партийная система, плебисцитарная демократия).

Итак, в соответствии с разделом «Социология господства» сборника «Хозяйства и общество» харизма является творческой, преобразующей силой, которая «в революционной и властной манере ломает все ценности, традиционные правила и законы. Было написано..., но я говорю тебе...»⁴⁰. Вебер заимствует понятие харизмы («божьего дара») у немецкого теоретика права Р. Зома⁴¹, хотя в тот период идея «великого человека» пользовалась популярностью в Германии. Например, ее можно встретить в работах Я. Буркхардта⁴² и Э. Фрейда⁴³. Следует отметить, что харизматическое господство основано на вере последователей в особую миссию своего лидера и длится до тех пор, пока он способен подтверждать ее либо героизмом на войне, либо откровениями в религиозных практиках. Для харизматического господства характерно отсутствие формаль-

---

⁴⁰ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1115.

⁴¹ Ibid. P. 1116.

⁴² Bendix R. Max Weber and Jakob Burckhardt // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30, N 2. P. 182.

⁴³ Strong T. Weber and Freud: Vocation and Self-Acknowledgement // *Max Weber and his Contemporaries* / Mommsen W., Osterhammel J. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 478.

ной структуры и постоянной экономической основы. Власть харизматического лидера поддерживает харизматическая аристократия, выбранная им в соответствии с их личными качествами. Принадлежность к данной группе предполагает определенную самоотверженность, так как ее члены должны отречься от своей самости и личных интересов в целях обеспечения единства с харизматическим лидером. «Последователь посвящает себя лидеру, так как видит в нем силы, способные освободить его от сложившегося институционального порядка путем идентификации с личностью лидера и действий в его интересах»⁴⁴. Преданность внутри группы поддерживается как идеальными, так и материальными мотивами. «Ближайшее окружение остается вокруг лидера, поскольку тот поощряет их правом разделять почести, кормиться с одного стола, получать почетные подарки»⁴⁵. Первое время харизматическая общность мирно сосуществует с официальными властями, поскольку не нуждается в постоянном источнике дохода, однако новая система ценностей и строгая дисциплина позволяют первой поставить себе на службу последнюю.

После прихода харизматического лидера к государственной власти возникает проблема ее удержания, так как сроки действия харизмы ограничены, а харизматическая общность заинтересована в сохранении завоеванного положения. Вебер пишет о рутинизации харизмы как способе сохранения власти, который предполагает, с одной стороны, назначение харизматической группы на ключевые административные должности, а с другой стороны, выбор преемника для харизматического лидера. «Рутинизация харизмы — трансформация харизмы в постоянные институты власти»⁴⁶ либо традиционного, либо легально-рационального господства. Приемник харизматического лидера должен соответствовать определенным характеристикам, что служит основанием для получения власти. Также Вебер указывает на такие способы передачи харизмы преемнику как номинация харизматической общностью с последующим плебисцитарным одобрением, наследование, символическая передача и харизматическое образование. Вне зависимости от способа «передачи харизмы» цель остается

---

⁴⁴ *Dow T.* An Analysis of Weber's Work on Charisma // *The British Journal of Sociology*. 1978. Vol. 29, N 1. P. 84.

⁴⁵ *Weber M.* *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1119.

⁴⁶ *Ibid.* P. 1123.

одна — сохранить доминирующие позиции в обществе, завоеванные харизматическим лидером, при поддержке его ближайших сподвижников.

В разделе «Социология господства» Вебер кратко указывает на то, что современным харизматическим лидером выступает лидер политической партии, при этом формой политического устройства является плебисцитарная демократия, в котором доминирует такой лидер. По мнению немецкого ученого, политическая партия является каналом для цезаристской фигуры в двух случаях: 1) в момент образования политической партии, 2) в момент политического кризиса, поскольку в целом и партийные чиновники, и партийные боссы (уважаемые люди) негативно относятся к таким личностям, которые несут угрозу их финансовой стабильности. В случае плебисцитарной демократии харизматическая общность заранее определяет кандидата, власть которого легитимизируется впоследствии посредством всенародных выборов. «Выборы политического лидера носят плебисцитарный и, следовательно, харизматический характер, если вместо действительного выбора между кандидатами, признаются претензии на власть заранее определенного претендента»⁴⁷.

В работе «Парламент и правительство в новой Германии» (май 1918 г.) концепция плебисцитарной демократии представлена более полно, поскольку Вебер пытается разработать лучшую форму политического устройства Германии после Первой мировой войны. По его мнению, лидер, претендующий на должность премьер-министра (за образец политического устройства здесь принимается Британская монархия), должен пройти партийный отбор и обладать сильной волей, рациональным мышлением и риторикой, быть независимым от партийных боссов и иметь поддержку избирателей. При этом идеальным харизматическим лидером современности является человек состоятельный, живущий не за счет политики, но для политики, например, адвокат, который обладает правовыми знаниями, имеет опыт ведения судебных процессов и постоянный источник дохода (практику). Вебер подчеркивает, что в плебисцитарной демократии парламент является реальной силой, способной противостоять верховной власти цезаристского лидера посредством обеспечения правовой основы его деятельности и вотума недоверия. Однако, по мысли классика, и

---

⁴⁷ Ibid. P. 1123.

плебисцитарный лидер, и парламент — это в первую очередь союзники в борьбе против бюрократизации исполнительной власти (административного аппарата). «В качестве органа контроля над чиновничеством...парламент незаменим даже в выборных демократиях. И тем более незаменим в наследственных монархиях, поскольку наследственный монарх не должен ни работать с “чисто” избираемыми чиновниками, ни... сам становиться на чью-либо сторону, чтобы не компрометировать свою особую внутривластную функцию: обеспечивать бесконфликтные решения при недостаточной определенности политического настроения и ситуации»⁴⁸.

Революция 1918 г. в Германии заставила Вебера отказаться от планов по переустройству ее политической системы по типу Великобритании. В ноябре 1918 г. он пишет новую работу «Будущая государственная форма Германии», в которой пытается доказать, что Германия должна стать плебисцитарной демократической республикой, в которой верховная власть принадлежит рейхспрезиденту, избираемому всенародным голосованием. «Поскольку за контролируемое отдельными парламентами голосование в Бундесрате имперские министерства не несут парламентской ответственности перед имперской народной палатой (Рейхстагом), то очень многое как раз говорит в пользу установления плебисцитарного рейхспрезидентства»⁴⁹. Эту же мысль он подтверждает и в работе «Рейхспрезидент» (декабрь 1918 г.). Рейхспрезидент наделяется широкими полномочиями. Он является главой исполнительной власти, обладает правом вето и правом проведения референдума в случаях разногласия с рейхстагом. Эти идеи вошли в конституцию Веймарской республики, фактически закрепив диктатуру одного лица за демократическим фасадом (парламентом), и облегчили захват государственной власти лидером НСДАП. «В демократии народ выбирает вожда, в которого верит. Затем избранник говорит: “А теперь заткнитесь и подчиняйтесь!” Народ и партия не смеют и пикнуть»⁵⁰.

В последней политической работе «Политика как призвание и профессия» (1919) Вебер обозначает фигуру плебисцитарного харизматического лидера, способного работать в рамках совре-

---

⁴⁸ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 239.

⁴⁹ Вебер М. Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 387.

⁵⁰ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Под общ. ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1992. С. 35.

менной бюрократической системы, термином «политик по призванию». «Преданность харизме... выдающегося демагога в народном собрании (ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей»⁵¹. По мнению американского исследователя Т. Доу, харизма из «страстной, преобразующей силы» (в сборнике «Хозяйство и общество») превращается в «харизму страстной ответственности» в рамках легально-рационального господства (в работе «Политика как призвание и профессия»), что делает социологию Вебера еще более двусмысленной⁵². Таким образом, харизматическое господство, основанное на вере последователей в особую миссию лидера, проходит в теории Вебера эволюцию от власти героев, таких как Кромвель и Наполеон, к власти партийных вождей, конкурирующих за пост премьер-министра или рейхспрезидента на плебисцитарных выборах.

Легально-рациональное господство наиболее полно отражено в главе «Сущность, условия и эволюция бюрократического господства» сборника «Хозяйства и общество», в то время как в работах «Парламент и правительство в новой Германии» и «Будущая государственная форма Германии» Вебер разрабатывает механизмы для предотвращения бюрократизации административного аппарата, которая выражается в стремлении чиновников узурпировать власть посредством выборочного предоставления информации. Он полагает, что именно плебисцитарный лидер и парламент могут предотвратить коррупцию, поскольку такой лидер назначает руководящих чиновников (министров), т. е. способствует обновлению управленческого аппарата, а парламент имеет право контроля над деятельностью исполнительной власти. В данном типе господства носителем власти являются выборный политик, например, премьер-министр, который определяет направления государственной политики, и бюрократия, которая реализует их на практике. Обе стороны признают приоритет закона в своей деятельности.

Идея бюрократии заимствована М. Вебером у К. А. Сен-Симона⁵³, который впервые обратил внимание на роль организации

---

⁵¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 487.

⁵² Dow T. An Analysis of Weber's Work on Charisma // The British Journal of Sociology. 1978. Vol. 29, N 1. P. 89.

⁵³ Бачинин В. А., Сандулов Ю. А. История западной социологии. СПб.: Лань, 2002. С. 52.

для развития общества и высказал предположение, что главной характеристикой власти является наличие специальных знаний. Однако именно немецкий социолог стал первым, кто создал целостную концепцию бюрократии. Вебер называет такие ее признаки, как следование внутренним правилам и инструкциям, должностная иерархия, разделение публичной и частной жизни, полная занятость, фиксированная карьера и статус⁵⁴. По мнению ученого, бюрократический аппарат стал формироваться в период патримониализма как личный штаб властителя, составленный из зависимых людей низкого социального статуса (рабы, слуги, челядь). «Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных “частных” носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущим найти политическое применение»⁵⁵.

Бюрократия является воплощением формальной рациональности в сфере управления обществом, поэтому в работе «Парламент и правительство в новой Германии» Вебер называет ее «живой машиной»⁵⁶ по аналогии с капитализмом, который он называет «безжизненной машиной». «Чиновнику вверены специальные задачи, и обычно механизм не может быть приведен в движение или остановлен по его воле, только “сверху”»⁵⁷. Бюрократ действует, как правило, в интересах представителей аппарата управления, а не в интересах масс. При этом управляемые, как правило, не могут освободиться, заменить существующий бюрократический аппарат, так как он основан на экспертной квалификации, функциональной специализации и сплоченности чиновников. Вебер полагает, что объективная «неистребимость» аппарата в его взаимосвязи с безличным характером означает: данный механизм может с легкостью работать на любого, кто знает, как с ним обращаться. «Рационально организованное чиновничество продолжает гладко

---

⁵⁴ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 956.

⁵⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 489.

⁵⁶ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 144.

⁵⁷ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 988.

функционировать после занятия врагом территории; ему просто нужно сменить ключевые фигуры в нем»⁵⁸. Кроме того, такой аппарат делает «революцию» в смысле полной замены представитель старой власти технически невозможной, так как бюрократия контролирует средства коммуникации и имеет рационально организованную внутреннюю структуру. Анонимность бюрократической власти ведет к тому, что в результате политических переворотов она редко проигрывает, так как «легитимность как оценка и мандат, как поддержка и доверие адресована “видимой власти”, ее открытым механизмам и символам»⁵⁹, в то время как «бюрократическое управление есть управление, исключаящее гласность»⁶⁰.

Таким образом, в легально-рациональном господстве основными носителями политической власти являются руководящий политик и бюрократический аппарат, который представляет собой слаженно функционирующую машину. Высокая степень организованности бюрократии, возможность манипуляции служебной информацией, профессиональный опыт открывают возможности для злоупотребления служебным положением, поэтому Вебер пытается решить эту проблему путем разработки кодекса поведения чиновника в сборнике «Хозяйство и общество», а также посредством подробного описания функций плебисцитарного лидера и парламента в борьбе с бюрократизацией в политических работах «Парламент и правительство в новой Германии» и «Будущая государственная форма Германии».

Итак, первая совокупность теоретических положений, образующая концепцию власти М. Вебера, посвящена *фундаментальным структурам власти, сложившимся в обществе* (традиционное, харизматическое и легально-рациональное господство) и классифицирована самим немецким классиком на основании критерия легитимности (традиция, харизма, закон).

Следующая совокупность положений, относящаяся к *тому, как власть осуществляется в обществе*, сформирована на основании анализа работ «Хозяйство и общество», «Политика как призвание и профессия» и ряда политических публикаций М. Вебера:

---

⁵⁸ Ibid. P. 988–989.

⁵⁹ Шпакова Р. П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1997. С. 205.

⁶⁰ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 607.

«Национальное государство и народнохозяйственная политика», «Парламент и правительство в новой Германии», «Рейхспрезидент» и «О буржуазной демократии в России».

Для эффективного функционирования системы политической власти Вебер считает необходимым объединение типов господства, проанализированных выше. Это означает, что традиционное господство должно быть представлено монархом, легально-рациональное — бюрократией, харизматическое — харизматическим партийным политическим лидером. «Сам Вебер считает монархическую форму самой целесообразной, так как она выводит вершину правления из конкурентной политической борьбы, представляет известную устойчивость курса и независимость правительства от партий»⁶¹. Функции института монархии, по Веберу, заключаются в том, чтобы обеспечивать «непрерывность и несокрушимое постоянство государственно-правовых гарантий гражданского порядка»⁶², т. е. стабильность. Образцом смешанного типа политического господства по Веберу является устройство властных отношений в Великобритании.

Стоит отметить, что под воздействием революционного ажиотажа Вебер (1919) отходит от идеи монарха в качестве символа национального единства и заменяет его кандидатурой рейхспрезидента⁶³, избираемого путем всенародного голосования. Данная идея Вебера вошла в Конституцию Веймарской республики и обусловила установление нацистской диктатуры в 1933 г. «Послевоенный парламентский совет был напуган воспоминаниями о той зловещей роли, которую сыграл в конечной фазе Веймарской республики второй рейхспрезидент генерал-фельдмаршал фон Гинденбург... Поэтому Основной закон принял ту концепцию федерального президента, которая в общем и целом соответствует функции монарха в правительственной системе Великобритании»⁶⁴.

М. Вебер утверждает, что исторически сложившаяся двухпартийная система Туманного Альбиона (партия власти и ее оппози-

---

⁶¹ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 236.

⁶² Там же. С. 236.

⁶³ Вебер М. Рейхспрезидент (январь 1919 года) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 399–403

⁶⁴ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 251.

ция) наилучшим образом способствуют рождению харизмы. «Для политического лидерства годятся лишь личности, отобранные в ходе политической борьбы, так как всякая политика, по существу, есть борьба»⁶⁵. Вебер указывает на то, что в системе политической власти Германии уже есть два типа господства: традиционное (император) и легально-рациональное (администрация императора). По мнению Вебера, политическая обстановка в современной ему Германии препятствует реализации харизматического типа господства, так как представляется «демократией, лишенной вождей, то есть господством “профессиональных политиков” без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством “клики”»⁶⁶. Следовательно, по мнению Вебера, для формирования сбалансированной системы политической власти в Германии необходимо создать соответствующие предпосылки: развивать ее партийную систему, сформировать эффективно функционирующий парламент и благоприятствовать политикам по призванию.

В целом ученый придает большое значение роли парламента в политической системе общества, так как полагает, что, с одной стороны, этот орган противостоит «цезаристскому» доверенному лицу масс, а с другой, является органом контроля над чиновничеством. Идея парламентаризма, по мнению американского социолога Л. Скаффа, исследовавшего политические работы М. Вебера, сформирована последним на основании анализа политического устройства Великобритании. Так, Л. Скафф пишет: «Теоретически, парламент мог участвовать в управлении, при условии наделения его обширными властными полномочиями в соответствии с концепцией, заимствованной из британской политической практики»⁶⁷. Действительно, из работы «Парламент и правительство в новой Германии» мы узнаем, что Вебер высоко оценивает политическое устройство Великобритании, анализирует парламентскую практику и предлагает ввести подобный политический институт в новом государственном устройстве Германии⁶⁸. По мнению не-

---

⁶⁵ Там же. С. 227.

⁶⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 516.

⁶⁷ Scaff L. Max Weber's Politics and Political Education // The American Political Science Review. 1973. Vol. 67, N 1, P. 137.

⁶⁸ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 236.

мецкого социолога, парламент — это единственный инструмент противодействия сильной немецкой бюрократии и политическим дилетантам из военных, а также платформа для воспитания политиков по призванию, способных защищать интересы нации. Таким образом, по Веберу, комбинирование типов господства в политической системе государства является одним из слагаемых его успешного функционирования.

Другим слагаемым, по мнению ученого, выступает соответствие состава правящей элиты социально-экономическим реалиям общества, т. е. возможность ее кооптации из числа представителей экономически восходящего класса. Эта позиция сближает Вебера с Г. Моска, который также предусматривает возможность мирного обновления правящей элиты⁶⁹. В своей работе «Национальное государство и народнохозяйственная политика» Вебер утверждает, что опасно и несовместимо с интересами общества, когда политическая власть в капиталистическую эпоху находится в руках класса, переживающего экономический упадок (т. е. юнкеров-феодалов), и еще хуже, когда ею располагают классы политически незрелые (т. е. пролетариат)⁷⁰. Следовательно, для эффективного управления государством необходимо, чтобы в состав правящий элиты входил экономически восходящий класс. Эта идея Вебера близка к марксистской позиции о сущности государственной власти. В частности, Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет: «Государство, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи господства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенных классов»⁷¹.

Еще одним условием эффективного государственного управления является развитие политической культуры населения. Анализируя этот феномен, Вебер сетует на то, что большинство современных ему немцев представляют собой политически пассивную и безвольную массу. «Бисмарк, мастер внешней полити-

---

⁶⁹ *Beethem D.* Mosca, Pareto and Weber: A Historical Comparison // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 150.

⁷⁰ *Вебер М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 36.

⁷¹ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 25 т, Т. 21, М.: Политиздат, 1983. С. 171.

ки, оставил в качестве внутривнутриполитического наследия нацию, лишенную какого бы то ни было политического воспитания, без какой бы то ни было политической воли, нацию, привыкшую к тому, что выдающийся государственный деятель сам позаботится о политике»⁷². Такое поведение управляемого большинства, по мнению ученого, не лучшим образом отражается на качестве исполнения политической власти в Германии, так как отсутствует контроль за ней со стороны гражданского общества. «Фактически они (*демократические свободы*. – *О. И.*) существуют лишь там, где за ними решительная воля нации не дать править собой, как стадом баранов»⁷³.

Вебер полагает, что развитию политической культуры населения способствует политическое воспитание⁷⁴. В качестве примера мировой державы, уделяющей немалое внимание политическому воспитанию индивидов, он приводит Великобританию и в этом видит причину ее экономического процветания. «Мы видим противоположность политическому воспитанию, когда пытаемся сформулировать параграфы вотума недоверия, направленные против мирного социального будущего нации, или же когда *Brachium saeculare* (*светская власть*. – *О. И.*) шарит в поисках руки Церкви для опоры светских властей»⁷⁵. Таким образом, политическое воспитание (политическая социализация) и смена поколений являются основным средством повышения политической культуры населения, а это в свою очередь в основном позитивно отражается на эффективном управлении обществом в целом.

Государственная власть, согласно теории Вебера, реализуется в форме национальной и территориальной политики. Остановимся подробнее на содержании категории государства, которая в данной совокупности положений является ключевой, а затем рассмотрим вышеуказанные направления политики. Подход немецкого ученого к содержанию понятия государства принци-

---

⁷² Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 481.

⁷³ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 131.

⁷⁴ Игнатьева О. А. (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией Красненко О. А.) Верификация концепции власти М. Вебера на примере политической культуры Великобритании и России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4. С. 126.

⁷⁵ Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 38.

пиально иной, чем у его предшественников и современников, многие из которых рассматривают государство как несомненное благо и достижение человеческого разума. Так, Аристотель полагал, что «каждый полис (или государство) является специфической ассоциацией, и что все ассоциации (союзы) образуются людьми для достижения благих целей»⁷⁶. В свою очередь современник Вебера, французский социолог Э. Дюркгейм, считал государство источником нравственности. В жалости видел первооснову любого государства русский религиозный философ В. С. Соловьев, ибо государство появилось у людей для того, чтобы воспрепятствовать установлению на земле ада. Государство «не имеет своей жизни от себя, а получает ее от живущего в нем духа... Поэтому христианство требует от нас не того, чтобы мы отрицали или ограничивали полновластность государства, а чтобы мы вполне признавали то начало, которое может дать государству действительную полноту его значения, — нравственную его солидарность с делом царства Божия на земле, при внутреннем подчинении всех мирных целей единому Духу Христову»⁷⁷.

Нельзя идентифицировать подход Вебера к определению государства и с позицией другого, не менее известного социолога, каковым является К. Маркс. Последний, как известно, давал негативную оценку роли государства в жизни общества, считая его орудием эксплуатации одних классов другими, и надеялся, что когда-нибудь этот инструмент в результате социальной революции окажется «в руках» бесправного большинства — пролетариата. В отличие от Маркса Вебер не считает пролетариат, призванным к роли политического управления страной: «Для великой нации не бывает ничего более разрушительным, чем когда ею руководит политически невоспитанное мещанство, и поскольку немецкий пролетариат еще не утратил этой своей черты, постольку мы являемся его политическим противником»⁷⁸.

Анализируя феномен государства, Вебер акцентирует свое внимание в первую очередь на таких его аспектах, как нация и территория, а также на насилии как специфическом средстве поддер-

---

⁷⁶ *Turner Ch.* *Modernity and Politics in the Work of Max Weber*. L.: Routledge, 1995. P. 153.

⁷⁷ *Соловьев В. С.* *Оправдание добра* // Соловьев В.С. Соч. в 2 т., Т.1., М.: Мысль, 1990. С. 531.

⁷⁸ *Вебер М.* *Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895)* // *Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 36.

жания легитимного порядка внутри него⁷⁹. По мнению англо-американского исследователя Ф. Паркина, для социологии немецкого ученого вообще свойственна терминология принуждения: «Там, где преобладает гармония и порядок, не всегда отсутствует угроза использования силы. Внутри бархатной перчатки всегда находится железный кулак»⁸⁰.

Обратимся к определению государства, данного Вебером в работе «Политика как призвание и профессия»: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»⁸¹. Следовательно, господство, основанное на легитимном насилии, является, по Веберу, главным признаком государства. Важными имплицитными признаками государства являются нация и территория.

В работе «Хозяйство и общество» последовательно проводится идея о том, что нация и государство – это два образования, необходимые друг другу для совместного выживания. При этом нация должна стать государством, чтобы защищать границы своего культурного сообщества от «эрозии» и посягательств со стороны «приветливых» соседей⁸²; в свою очередь и государство должно стать нацией, чтобы заложить основы внутреннего единства. «Нация» — это понятие, которое в результате эмпирических исследований однозначно не определяется. Оно свидетельствует о том, что нация в определенный момент требует наличия чувства солидарности между определенными человеческими группами для сохранения единства»⁸³. В своих работах М. Вебер отводит немало места характеристике молодой немецкой нации, ее проблемам и превосходству не только над славянскими народами, но и над западными соседями: «Все произведения прикладного искусства немцев прекрасны и настолько соединены в единое целое, что

---

⁷⁹ *Игнатьева О. А.* (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О. А.*) Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 3. С. 182.

⁸⁰ *Parkin F.* Max Weber. New Haven & London: Routledge, 1993. P. 71.

⁸¹ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 486.

⁸² *Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006, № 5. С. 194.

⁸³ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 528.

любая другая нация уступает им – это с готовностью признавалось всеми»⁸⁴. Он говорит об особой роли немецкой нации на международной арене, доказывая ее право на мировое господство в виду большой численности населения Германии⁸⁵. Таким образом, можно утверждать, что феномен государства рассматривается Вебером в первую очередь как «национальное государство», в отличие от марксистской традиции, в которой ожидается отмирание государства.

Любое государство для существования и развития должно занимать определенную территорию. Еще в молодости, после окончания юридического факультета в г. Геттингене, Вебер по долгу службы участвовал в политэкономических проектах, относившихся к положению сельскохозяйственных работников в Восточной Пруссии, и пришел к выводу, что территорию Германии (ее культурные границы) нужно защищать от влияния «нижестоящей расы» славян (поляков и русских), выраженного в массовой миграции сезонных сельскохозяйственных работников, соглашавшихся на условия труда, которые являлись непривлекательными для прусских крестьян. В результате восточные территории Германии заселялись чуждыми народами, которые, будучи непритязательны в быту и считающие свое новое положение лучшим по сравнению с тем, что они имели у себя на родине, оставались в новых районах на постоянное жительство, оттесняя коренных немцев в центральную часть молодого немецкого государства. Исходя из этого, Макс Вебер полагает, что для сохранения целостности территории Германии, а следовательно, для поддержания единства немецкой нации необходимо: «Первое – закрытие восточной границы... Другое требование: систематическая скупка земель государством, т. е. расширение государственных земель, с одной стороны, и систематическая колонизация подходящих земель, особенно – государственных земель, проводимая немецкими крестьянами с другой»⁸⁶.

Следует отметить и тот факт, что Вебер видит назначение государства (именно национального государства) не только в том, чтобы защищать свои границы, но и в том, чтобы их расширять⁸⁷,

---

⁸⁴ *Вебер Марианна*. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 253.

⁸⁵ Там же. С. 477

⁸⁶ *Вебер М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 21.

⁸⁷ *Игнатьева О. А.* (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О. А.*) Верификация концепции власти М. Вебера на примере политической культуры Великобритании и России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4. С. 126.

следовательно, эффективная территориальная политика должна носить экспансионистский характер. Он считает, что каждое мощное политическое образование стремится к увеличению своих территорий, и тем самым к росту своего влияния по отношению к другим государствам. Следовательно, пограничные государства представляют собой потенциальную угрозу друг другу, так как нуждаются в дополнительной территории для роста «организма». Эта позиция по отношению к пониманию сущности государства и его власти роднит Вебера с основателем географической школы социологии, одним из родоначальников геополитики Ф. Ратцелем. Последний также считает, что «рост» государства возможен только за счет территории соседних менее развитых стран, а война является следствием этого «роста» и нормальным состоянием для государств-соседей.

Увеличивая свои территории, подобно Британской империи, за счет территориальных интересов других государств, правители и военные лидеры государства-«агрессора» могут увеличить свое влияние и повысить престиж. «Власть для политического сообщества означает власть для него, как и престиж, основанный на этой власти. Для бюрократа и офицера, расширение власти означает занятие больше государственных позиций... и лучшие возможности для продвижения по службе»⁸⁸. Таким образом, Вебер оправдывает территориальную экспансию национального государства расширением его политической власти и увеличением шансов для карьерного роста его коренного населения. Постепенно данная идея перерастает у него в идею мирового господства, которая обретает свое содержание в годы Первой мировой войны, когда великий немецкий ученый начинает понимать ее как «право на распоряжение своеобразием культуры будущего». Вебер надеется, что в результате победы Германии в этой войне она приобретет это желанное право в коалиции со странами Средней Европы, в противном случае «мир многое потеряет, если мировая власть... будет без борьбы разделена между инструкциями русских чиновников, с одной стороны, и условиями англосаксонского “society”»⁸⁹. Таким образом, национальное государство для нормального существова-

---

⁸⁸ Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. P. 911.

⁸⁹ Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 477.

ния, по Веберу, должно стремиться к защите и расширению собственных границ.

На основании вышеизложенного мы можем сформулировать вторую совокупность теоретических положений концепции власти М. Вебера как *принципы реализации политической власти*. Она включает в себя объединение типов господства, обновление политической элиты, развитие политической культуры общества, внутреннюю (национально-этническую) и внешнюю (экспансионистско-территориальную) политику.

Совокупность теоретических положений Вебера, касающаяся анализа *этических аспектов политической власти*, формулируется на основании его работ «Политика как призвание и профессия» и «Протестантская этика и дух капитализма». Следует отметить, что в изложение М. Вебера своей позиции по этому вопросу она носит спорный и неоднозначный характер с точки зрения ее приемлемости в реальной политике. Хотя, конечно, взгляды немецкого ученого на проблему нравственности не лишены оригинальности и заслуживают анализа в качестве составной части его концепции власти. В этических аспектах политической власти можно выделить как минимум два широких блока проблем: выбором между целью и средствами политики и требованиями к субъекту политической власти. Этого деления мы и будем придерживаться при рассмотрении выделенного нами пункта, связанного с этическими проблемами политической власти.

Политические мыслители разных времен и народов признают наличие противоречия между морально одобренной целью осуществления политической власти (онтологического добра) и средствами ее достижения. Некоторые из них решают данную дилемму в пользу реализуемой цели, ибо любая деятельность, в том числе и политическая, оправдывается только ее эффективностью. Среди сторонников подобного подхода можно упомянуть Н. Макиавелли («Государь»), Т. Гоббса («Левиафан»), С. Г. Нечаева («Катехизис революционера»). Другие мыслители (И. Кант, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. С. Соловьев), наоборот, полагают, что любое политическое действие должно быть обусловлено нравственными нормами, т. е. нравственной приемлемости используемых средств отдается приоритет над эффективностью осуществления политической власти. Такое решение проблемы — в духе христианской этики, которая предполагает, что христианские цели должны

достигаться христианскими средствами. Например, И. Кант утверждает, что «истинная политика не может сделать шага, не пригнув морали»⁹⁰.

Сам М. Вебер также является представителем неокантианства наряду с Г. Риккертом, В. Виндельбантом, которое наделяет религиозную сферу исключительным статусом ориентира для других сфер культуры⁹¹. По мнению Ч. Тернера, Вебер поначалу пытается поддерживать целостность этого этического императива, но в конце концов отказывается от этой попытки. «Вебер действительно наделяет “политическое” исключительным статусом. В то время как религия, сексуальность, искусство, наука и даже экономическая сфера могут быть определены в терминах отличий, свойственных им, “политическое” является единственной сферой, которую он не определяет в терминах системы ценностей, установленных неокантианством»⁹².

Видимо, анализируя современную ему политическую реальность и историческое прошлое, ученый осознает, что политическая власть не всегда может эффективно реализовывать благие цели благими средствами. «Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: “Не противостоять злу насилием”, то для политика имеет силу прямо противоположное: ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты»⁹³. В качестве иллюстрации справедливости данного утверждения можно привести пример изоляционистской политики из истории Великобритании, проводившейся в период между Первой и Второй мировыми войнами с целью поддержания мира мирными средствами. «Многие демократы Запада и США отпрянули с поля репрезентации самого по себе, став сбивчивыми и двусмысленными защитниками разоружения, ненасилия, мира “любой ценой”. Это сформировало культурный фрейм изоляционистской политики Британии и США... Возможно, агрессивные амбиции мили-

---

⁹⁰ *Кант И.* К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т., Т 7. М.: Чоро, 1994. С. 49.

⁹¹ *Игнатьева О. А.* (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О. А.*) Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 3. С. 185.

⁹² *Turner Ch.* *Modernity and Politics in the Work of Max Weber.* L.: Routledge, 1995. P. 149.

⁹³ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 521.

таристского нацизма сделали невозможным поддержание этой двусмысленности, в которой пребывали Британия и США вплоть до начала Второй мировой войны и ее середины⁹⁴. Таким образом, М. Вебер, формально находясь в стане последователей И. Канта в отношении вопросов осуществления политической власти, фактически является сторонником первой группы мыслителей, которые признают приоритет целей политики над использованием нравственных средств⁹⁵. «Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на “этику убеждения”, либо на “этику ответственности”»⁹⁶.

Мы полагаем: для того, чтобы лицо, наделенное властью, делало правильный выбор между онтологическим добром и онтологическим злом при определении общественно важных целей, нужно повысить именно нравственные требования к тем, кто стремится взять «бразды правления» в свои руки. Такой же точки зрения придерживался и Платон. В своем «Государстве» он последовательно доказывал, что власть в обществе должна принадлежать мудрецам-правителям, ведущим аскетический образ жизни и не предающимся земным благам, при этом лучшей формой правления может быть только аристократия (т. е. власть избранных). Наш отечественный социолог П. Сорокин также считал необходимым ужесточение тестирующего механизма по отношению к тем, кто управляет обществом, приводя примеры из жизни правящих элит Древнего Китая и Индии. «В Индии аристократия и аристократическая элита оказываются просеянными через два самых серьезных сита: семья и школа. Ее тестировали биологически, интеллектуально и нравственно. В результате мы имеем самую могущественную аристократию, отобранную биологически и социально»⁹⁷. Нельзя считать, что Вебер придерживается про-

---

⁹⁴ *Alexander J.* On the social construction of moral universals: the “Holocaust” from war crime to trauma drama // *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice*. Cambridge, 2004. P. 202.

⁹⁵ *Игнатьева О. А.* (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О. А.*) Верификация концепции власти М. Вебера на примере политической культуры Великобритании и России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2009. № 4. С. 128.

⁹⁶ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 521.

⁹⁷ *Сорокин П. А.* Социальная стратификация и мобильность // *Человек. Цивилизация. Общество* / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 413.

тивоположной точки зрения по этому вопросу. Действительно, он признает, что «именно специфическое средство легитимного насилия исключительно как таковое в руках человеческих союзов и обуславливает особенность всех этических проблем политики»⁹⁸. Однако его подход к решению данной проблемы носит уникальный, и даже в некотором смысле метафизический, характер.

Вебер считает, что заниматься политикой могут не все, а только те, кто соответствуют определенным требованиям. Однако в качестве основного критерия он выделяет не нравственность, а *призвание к политике!* Идея политического призвания, по мнению американского социолога Ш. Волина, заимствована Вебером у Платона. «Наивысшая доступная форма политики — это душа... Это указывает на то, что Вебер находился под влиянием концепции Платона о душе»⁹⁹. Так, Платон называет высшую ступень политики — «душой», которая состоит из «разума», «потребности» и «страсти», а Вебер характеризует «политика по призванию» как лицо, наделенное такими качествами, как «дистанция/глазомер» (объективность), «страсть» и «ответственность». «Страсть — в смысле ориентации на существо дела... ответственность именно перед этим делом... глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям»¹⁰⁰. Таким образом, можно отметить ряд соответствий: платоновский «разум» ассоциируется с веберовской «дистанцией/глазомером», а понятие «страсть» употребляется обоими мыслителями в одинаковом контексте.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер приводит подробный анализ возникновения идеи призвания (*Beruf, calling*) в ее религиозном смысле, и мы считаем необходимым рассмотреть генезис этой идеи для того, чтобы продемонстрировать, с какой религиозной, глубиной подходит Вебер к определению политического призвания. «Призвание» берет свое начало от *Beruf* Лютера. «Совершенно очевидно, что в немецком слове *Beruf* и, быть может, в еще большей степени в английском

---

⁹⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 525.

⁹⁹ Wolin S. Max Weber: Legitimation, Method, and the Politics of Theory // Political Theory. 1981. Vol. 9, N 3. P. 410.

¹⁰⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 517.

calling наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив — представление о поставленной Богом задаче... Следовательно, в понятии *Veruf* находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов христианства на *praecepta* и *consilia*, — догмат, который единственным средством быть угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его “призванием”¹⁰¹.

Однако наиболее полную разработку идея “призвания” получает не в трудах Лютера, а в трудах Кальвина, трансформируясь в идею «избранности». В религиозном контексте избранность как право на спасение четко делила верующих на две категории: «избранных» и «прочих», которые влачили «одинокое» существование, лишённые возможности исповеди и потустороннего блаженства. «Бог решением своим и для проявления величия своего предопределил (*predestinated*) одних людей к вечной жизни, других присудил (*foreordained*) к “вечной смерти”... И угодно Богу тех, коих он определил к вечной жизни, и только их в назначенный и подходящий час призвать посредством слова и духа Бога... Он вынет из их груди каменное сердце... и даст им сердце живое, Он обратит их волю и предназначит их для блага всемогуществом своим»¹⁰². При этом для основоположника учения о предопределении — Кальвина — ответ на вопрос о собственной избранности был очевиден. Он — орудие Бога, а значит, избран ко спасению.

Проблема определения признаков избранности приобретает первостепенную важность для последователей Кальвина. «Для них *certitudo salutis*¹⁰³ в смысле установить факт избранности приобрела абсолютную, превышающую все остальные вопросы значимость, и в самом деле, повсюду, где господствовало учение о предопределении, обязательно вставал вопрос о существовании верных признаков, указывающих на принадлежность к кругу *electi*¹⁰⁴»¹⁰⁵. Конечно, абсолютно безгрешный образ жизни человека

---

¹⁰¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 43–44.

¹⁰² Там же. С. 80–81.

¹⁰³ Уверенность в спасении (лат.).

¹⁰⁴ Избранные (лат.).

¹⁰⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 86.

мог бы доказать, что он принадлежит к кругу избранных, однако со временем представители данного направления религиозной мысли избирают другой путь — путь достижения материального успеха в определенной профессии, как основного признака призвания (избранности), а мирская аскеза и личная ответственность становятся для них основными средствами реализации своего предназначения. «Частная собственность и крупные предприятия складывались веками, а возрастающее богатство было вознаграждением за неустанный труд поколений, за их бережливость, за особые коммерческие и организаторские таланты»¹⁰⁶. Таким образом, если деятельность приносит материальный успех, то индивид внутренне призван к ней, избран для нее.

Применительно к политической сфере общества это, по мысли Вебера, означает, что только тот, кто наделен соответствующей харизмой и отвечает таким требованиям, как глазомер, дистанция по отношению к себе и другим, ответственность является призванным заниматься политикой и, соответственно, способен надлежащим образом управлять обществом. «Ибо здесь коренится мысль о призвании (*Beruf*) в его высочайшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (*ekklesia*) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычной или установления, но потому, что верят в него»¹⁰⁷.

В вопросах выбора не только нравственно одобренных средств, но и нравственно одобренных целей политики при характеристике политика по призванию немецкий ученый демонстрирует явный волюнтаризм, так как переносит акцент с вышеобозначенной дилеммы на страсть как характеристику и самой политической деятельности, того, кто должен ею заниматься. «Политик подчинен другому закону... Его специфический этос — страсть, ответственность, глазомер. Страсть в смысле безудержной самоотдаче делу, Богу или демону, который является его властелином»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁶ *Шпакова Р. П.* Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003, № 3. С. 110.

¹⁰⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 487.

¹⁰⁸ *Вебер Марианна.* Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. М., 2007. С. 563.

Развивая свою этическую теорию о праве на занятие политической деятельностью, Вебер и себя причисляет к кругу лиц, избранных к ней. Вебер занимался практической политикой недолго. В начале своей карьеры он участвовал в прикладных исследованиях о положении сельскохозяйственных рабочих в восточных районах Германии, результаты которых зафиксированы в работе «Национальное государство и народнохозяйственная политика» (1895). Затем он представлял Германию при подписании Версальского мирного договора. И, наконец, в качестве члена Национально-демократической партии Германии помогал составлять конституцию Веймарской демократической республики.

Категория политической ответственности заслуживает особого внимания, так как именно на ее основе Вебер строит свою «этику ответственности», которой должен следовать тот, кто призван осуществлять политическую власть. В современном понимании политическая ответственность подразумевает совпадение обещаний политиков с их практической деятельностью, а также адекватное осознание политиками реальных проблем, стоящих перед обществом. «Ответственность власти — это эффективное руководство страной, обеспечивающее ее движение вперед в экономике, социальной, духовно-нравственной, культурно-образовательной, научно-технической, оборонной и других сферах»¹⁰⁹. Содержание понятия политической ответственности может быть расширено за счет этического компонента, в результате чего оно трансформируется в категорию нравственной ответственности субъекта власти, которую следует понимать не как ответственность за чистоту своих поступков, но как способность взять ответственность на себя за жизнь другого человека.

Сам М. Вебер понимает политическую ответственность как «ответственность перед политической деятельностью»: «Она (страсть — *О.И.*) не сделает вас политиком, если, являясь служением “делу”, не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности»¹¹⁰. Категории ответственности соответствует категория вины, которую Вебер характеризует следующим образом: «Поэтому я теперь могу сказать: это копанье в чувствах вины, которое я часто встречаю, — болезнь.

---

¹⁰⁹ *Серебрянников В. В.* Ответственность власти // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996, № 8. С. 16.

¹¹⁰ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 517.

Совершенно такая же, как в области религии самобичевание, в сексуальной — мазохизм».¹¹¹ Сопоставляя понимание Вебером понятий вины и ответственности, мы можем говорить скорее о политической безответственности созданного Вебером образа политика по призванию, чем об его ответственности за последствия политического выбора.

Такое понимание Вебером политической ответственности политика по призванию соответствующим образом отразилось на практической политической деятельности самого ученого в период Версальской конференции 1918 г., когда он пытался возложить вину за разжигание Первой мировой войны и военные преступления Германии на Россию, которая давно уже была «вне игры». Вебер пишет: «Но главная ответственность падает на империалистическую Россию, целью которой являлся панславизм, развал Австро-Венгрии, распространение своего влияния на Балканах, завоевание турецких проливов... Только как в оборонительную войну против царизма вступил немецкий народ единодушно и решительно в борьбу 1914 г.»¹¹².

К сожалению, подобное понимание политической ответственности (ответственности власти) Вебер, видимо, заимствует из лютеранского, а не из кальвинистского религиозного контекста, для которого свойственно более строгое понимание данной категории ввиду невозможности покаяния. Это и неудивительно — ведь и сам исследователь является в первую очередь носителем лютеранского религиозного мировоззрения. В соответствии с данным направлением религиозной мысли верующему достаточно принять «простодушный вид» кающегося за непредвиденные последствия своих действий в мистическом общении с Богом, и этого будет достаточно для отпущения грехов. «В лютеранстве же *unio mystica* (единение с Богом — *О. И.*) сверх того сочеталось с глубоким ощущением греховности и осознанием себя недостойным милости Божьей, что должно служить предпосылкой *poenitentia quotidiana* (ежедневного покаяния — *О. И.*), направленной на сохранение в душе лютеранина смирения и наивного простодушия, необходимых для прощения грехов»¹¹³. Кроме того, ответственность за ряд сво-

---

¹¹¹ Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. М., 2007. С. 508.

¹¹² Там же. С. 538.

¹¹³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 88.

их действий лютеранин вообще может переложить на кого-нибудь другого, например, на государство. «Лютер освободил отдельного человека от этической ответственности за войну и переложил ее на власть, повиновение которой, кроме как в делах веры, никогда не могло считаться грехом»¹¹⁴. В этом контексте становится отчасти понятной бессмысленная жестокость и безнравственность немцев в годы обеих мировых войн. Быть может, нежелание М. Вебера нести ответственность перед будущими поколениями за свою трактовку этики «аморального» политика побуждает его в конце произведения «Политика как призвание и профессия» сделать краткую ремарку о том, что «этика ответственности» и «этика убеждения» — категории друг другу не полностью противоречащие: «И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”»¹¹⁵.

С «высоты» сегодняшнего дня мы полагаем, что решение этических проблем власти (выбор между целями и средствами, где этическое значение целей не определено; обладание средством насилия) в духе Вебера, который возлагает на политика по призванию огромные надежды в плане правильного выбора и поведения, совершенно недопустимо. Только государственный деятель, соответствующий высоким нравственным требованиям, может эффективно управлять государством и отвечать за последствия своих действий. Следует отметить, что нравственный уровень правящей элиты в целом очень сильно влияет на управляемое большинство и может направлять государство на разные пути развития. Этот тезис подтверждается и историей самой Германии в XX в., когда примерно одинаковый уровень нравственности народа при разном уровне нравственности представителей власти приводил к совершенно разным результатам развития общества: к бюргерскому самодовольству благополучного мещанства (Веймарская республика), к бесчеловечной пассионарности нацизма (политический режим А. Гитлера), к всеобщему прозрению и очищению нации покаянием (формирование ФРГ при участии Великобритании и США).

---

¹¹⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 524.

¹¹⁵ Там же. С. 527.

Однако отношения власти с обществом имеют двухсторонний характер, поэтому ответственность за эффективное управление страной несет и само население, которое должно обладать активистской политической культурой и быть способным контролировать субъекта власти и противостоять его произволу, инициируя досрочный отзыв парламентариев, роспуск парламентов и судов и т. д. в том случае, если очевидны злоупотребления и вредоносность осуществляемой политики. Таким образом, двухсторонние политические отношения предусматривают и двухстороннюю политическую ответственность.

Завершая наш анализ, мы кратко обозначим нравственные проблемы политической власти, выдвинутые М. Вебер в самостоятельную теоретическую категорию. Они заключаются в дилемме выбора между целью и средствами политики, а также в особых требованиях, предъявляемых субъекту власти. Однако пути решения данных проблем, предложенные великим немецким ученым, по крайней мере, с позиций сегодняшнего дня мы считаем неэффективными и даже вредными для существования и развития общества. Итак, третья совокупность теоретических положений, составляющая концепцию власти, — это этические аспекты политической власти, проанализированные выше.

Для того чтобы концепция власти представляла собой систему теоретических положений, а не просто их совокупность, необходимо установить связи между ними. Итак, классификация идей Вебера проводилась на основании их релевантности критерию «политической власти», а синтез — по направлениям структуры властных отношений, фактической и этической сторон реализации политической власти. При этом политическая власть имеет целью эффективное управление обществом, а, следовательно, предполагает наличие соответствующей организационной структуры и проведение политики, в которой содержательные и этические аспекты должны быть сбалансированы.

Таким образом, выявленные в результате анализа составляющие концепции власти (теоретические положения о фундаментальных структурах власти, принципы реализации политической власти и этические аспекты осуществления политической власти) связаны между собой идеей реализации политической власти¹¹⁶.

---

¹¹⁶ *Игнатьева О. А.* Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. 2012. № 2. С. 72.

Содержание концепции составляют традиционный, харизматический и легально-рациональный типы господства (фундаментальные структуры власти), объединение типов господства, кооптация экономически восходящего класса во власть, необходимость развития политической культуры, проведения национально-этнической и территориально-экспансионистской политики (принципы реализации власти), «этика убеждения» и «этика ответственности», а также нормативные требования к субъекту власти (этические аспекты осуществления политической власти).

1.2. Влияние концепции власти М. Вебера на социологию

Феномен власти многообразен, поэтому его трудно охарактеризовать в рамках одного понятия¹¹⁷. Однако исходя из избранной нами исследовательской стратегии, мы принимаем определение власти, данное Вебером, в качестве исходного и в некотором смысле образцового: «Власть обусловлена просто шансом действующего лица на то, чтобы навязать свою волю другому индивиду даже при условии сопротивления со стороны последнего»¹¹⁸. Наша задача состоит в том, чтобы определить влияние идей М. Вебера о власти на развитие социологии. Решение данной задачи предусматривает как выявление связей между идеями Вебера и идеями его последователей (веберизм), идеями других современных социологов, например, так и сравнительный анализ веберовской и наиболее влиятельных современных концепций власти (М. Фуко, П. Бурдьё и Н. Луман).

Начнем с интерпретации и критики политических идей М. Вебера в работах его последователей, т. е. представителей немецкого, англосаксонского и российского веберизма. «Веберизм — обозначение, которое охотно используют американские социологи для характеристики социологического направления, связанного с М. Вебером»¹¹⁹. Попытками интерпретации политической теории М. Вебера являются работы В. Моммзена «М. Вебер и политика

---

¹¹⁷ Луман Н. Власть. / Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. С. 25.

¹¹⁸ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 122.

¹¹⁹ Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберизма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 2. - С. 25.

Германии, 1890-1920» и Р. Брайнера «М. Вебер и демократическая политика». Однако обе эти интерпретации сфокусированы на критике харизматического типа господства. При этом в своем анализе В. Моммзен устанавливает связи между формальной рациональностью, бюрократизацией, харизматическим господством Вебера и протофашизмом К. Шмитта. «Учение Вебера о харизматическом лидерстве вместе с радикальным пониманием назначения демократических институтов способствовало подготовке немецкого общества к восторженному принятию политической программы А. Гитлера»¹²⁰. Р. Брайнер также сосредоточен на анализе харизматического типа господства, однако в отличие от В. Моммзена американский исследователь видит эвристический потенциал у концепции плебисцитарной демократии Вебера, при условии если она служит дополнительным средством политики, а не подменяет собой исполнительную и законодательную власть¹²¹.

Далее остановимся подробнее на представителях гейдельбергской школы (В. Шлюхтер, М. Лепсиус и Т. Фальпаль). По мнению В. Шлюхтера, актуальность социологии Вебера определяется наличием в ней исследовательской программы, в которой интерпретатор выделяет такие разделы, как критический и эвристический рационализм, идеальные типы, объясняющее понимание, методологический индивидуализм, многоуровневый анализ, ориентацию на ценности, дискуссию о ценностях, классовую и межсословную борьбу и личность. В контексте нашего исследования о власти остановимся подробнее на трех разделах исследовательской программы Вебера, сформулированной Шлюхтером: ориентации на ценности, классовой и межсословной борьбе и типе личности, сформированном в результате этой борьбы. В. Шлюхтер полемизирует с общепринятой точкой зрения о том, что «этика ответственности» Вебера основана на ценностно нейтральной ориентации на успех. Он полагает, что, наоборот, «этика ответственности» — это расширение этики убеждения, в основе которой лежит ориентация на нормативно значимое действие. «Утверждают, будто этика убеждения имеет ценностно-рациональное основание, а этика ответственности — целерациональное. Это неверно, так как тогда этика ответственности была бы этикой успеха... Ни

---

¹²⁰ *Mommsen W.* Max Weber and German Politics: 1890-1920. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 392.

¹²¹ *Breiner P.* Max Weber and Democratic Politics. N.Y.: Cornell University Press, 1996. P. 78.

та, ни другая не основаны исключительно на споровке или смекалке, следовательно, в конечном счете, на успехе»¹²². Однако в соответствии с позицией самого Вебера этика ответственности предполагает приоритет цели над средствами, поэтому с утверждением В. Шлюхтера о ценностной детерминации данного действия трудно согласиться.

Далее В. Шлюхтер видит за понятием социальной солидарности понятие социальной борьбы, поэтому он полагает необходимым рассматривать общество в качестве констелляции противоборствующих социальных порядков, координацию которых осуществляет государство как административный и фискальный орган власти. Немецкий исследователь справедливо полагает, что Вебер добавляет новую категорию в классовую стратификацию, созданную К. Марксом, — социальное сословие, характеризующееся стилем жизни и социальным престижем. На этом основании Шлюхтер дополняет понятие классовой борьбы сословной борьбой. В этой борьбе формируется определенный тип личности, которая в силу определенных характеристик и типа поведения оказывается наиболее успешной, т. е. способной выжить в условиях классовой и сословной конкуренции. В данном контексте нетрудно заметить аналогию между анализом личности и борьбы, проведенным В. Шлюхтером, и общей идеей социал-дарвинизма. «Социальное неравенство как следствие борьбы за утверждение вертикального и горизонтального неравенства, исключений и включений, ведет согласно Веберу, к отбору человеческих типов»¹²³. Однако мы полагаем, что В. Шлюхтер преувеличивает роль категории борьбы в социологии Вебера, так как, например, в контексте политической теории немецкий классик говорил о необходимости парламентской борьбы для оттачивания харизматических качеств будущего политического лидера, причем очевидно, что «харизматичность» предполагает наличие уникальных, а не типовых характеристик личности.

Еще один представитель гейдельберской школы, М. Лепсиус, также фокусирует внимание на особенностях исследовательской программы Вебера, но формулирует ее по-другому, чем В. Шлюхтер. По мнению М. Лепсиуса, она представляет собой алгоритм «руководящие идеи — рационализация действия — социальный

---

¹²² *Mommsen W.* Max Weber and German Politics: 1890–1920. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 46.

¹²³ *Ibid.* P. 47.

институт» и предназначена для анализа институционализации общественной жизни. При этом, как уточняет Т. Фальпаль, «в понимании Лепсиуса руководящие идеи являются, в конечном счете, эффективными ценностными позициями, которые поначалу не имеют непосредственной релевантности для действия, а требуют определенной конкретизации. Только через формирование критериев рациональности, которые делают определенные руководящие идеи релевантными для определенных ситуаций и определенных деятелей, руководящая идея приобретает свое значение для действия»¹²⁴.

С точки зрения Лепсиуса, институционализация любой социальной сферы происходит в соответствии с вышеобозначенным алгоритмом, т. е. через рационализацию действия. Однако в наиболее полной мере институционализация в соответствии с формальным критерием рентабельности воплощена сегодня в экономической сфере общества. «Современный капитализм — не продукт вечного стремления к прибыли, а специфическая ориентация на рентабельность экономического действия. Однако рентабельность — это результат специфического критерия рациональности действия, направленности на учет капитала, сравнение итогового и исходного баланса»¹²⁵. При этом социальная сфера является институционализированной, если выполняются такие условия рационализации социального действия, как наличие процедур, сферы их применимости, вознаграждений и санкций.

В контексте критериев рациональности немецкий исследователь рассматривает и социальное развитие общества. По мнению М. Лепсиуса, с одной стороны, обновление содержания критериев рациональности, влияющих в конечном счете на социальное устройство, происходит в результате классовой борьбы, так как она «есть борьба за способ и степень рационализации критериев рациональности и их значимости»¹²⁶. С другой стороны, уточнение данных критериев происходит в постоянном дискурсе «священников» (политиков) и «пророков» (ученых). «Саморефлексия критериев рационализации и их сочетаний достигается лишь совместными

---

¹²⁴ Фальпаль Т. Образование политических институтов в ходе европейской интеграции // Проблемы теоретической социологии. Вып.7. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2009. С. 242–243.

¹²⁵ Лепсиус М. Р. Об институционализации критериев рациональности: исследовательская программа Макса Вебера // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2009. С. 60–61.

¹²⁶ Там же. С. 64–65.

усилиями обеих сторон – прагматиков и этиков, “священников” и “пророков”»¹²⁷. Таким образом, если, по Лепсиусу, общество развивается на основе обновления критериев рациональности, то типологию господства М. Вебера можно рассматривать как эволюцию структуры властных отношений от традиционного к легально-рациональному устройству. Однако данный подход несколько противоречит идеям о власти самого Вебера, который допускал возможность одновременного существования в одной системе нескольких типов политической власти.

Т. Фальпаль, следующий представитель гейдельбергской школы, применяет вышеназванную исследовательскую программу «ценность – рационализация действия – социальный институт» для анализа процесса институционализации на региональном уровне на примере образования Европейского союза. По мнению исследователя, в основе данного международного объединения находятся две руководящие идеи (ценности): супранациональность и национальный интерес. Следовательно, все политические институты Евросоюза могут быть классифицированы на основании с вышеназванных ценностей на те, которые защищают интересы сообщества (Еврокомиссия, Европейский парламент и Европейский суд) и те, которые представляют интересы национальных государств (Совет ЕС и Европейский совет). Следовательно, именно ценности задают контекст рационализации действия и специфику политического института. «Лишь связь руководящих институциональных идей и “единиц действия” в определенных контекстах обеспечивает институционализацию руководящих идей, релевантную действию»¹²⁸.

Таким образом, общими чертами в подходе к интерпретации работ Вебера у представителей гейдельбергской школы (В. Шлюхтер, М. Лепсиус, Т. Фальпаль) являются наличие исследовательской программы с последующим применением ее к анализу процесса образования социальных институтов, а также акцент на ценностях в качестве детерминанты социального действия и социальных институтов. Применительно к политической сфере

---

¹²⁷ Лепсиус М. Р. Об институционализации критериев рациональности: исследовательская программа Макса Вебера // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2009. С 67.

¹²⁸ Фальпаль Т. Образование политических институтов в ходе европейской интеграции // Проблемы теоретической социологии. Вып.7. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2009. С. 244.

общества рационализация действия на основе приоритетных ценностей ведет к формированию легально-рациональных структур как на государственном, так и на международном уровне.

Следует отметить, что веберизанство в Германии не ограничивается рассмотренным нами направлением. Другим интерпретатором творчества М. Вебера, внесшим значительный вклад в популяризацию и осмысление его идей о власти, является В. Моммзен. В работе «Век бюрократии»¹²⁹ он утверждает, что в отличие от К. Маркса Вебер предвидел бюрократизацию всех форм социального взаимодействия и превращение человека в «винтика» системы, особенно при социализме, поэтому выдвинул альтернативную концепцию власти, основанную на харизме. По мнению В. Моммзена, Вебер — «отчаявшийся либерал», для которого харизма является единственной силой, способной противостоять «железной клетке». Однако именно идея о том, что закаленный в политической борьбе харизматический лидер должен взять под контроль бюрократию, сближает позицию немецкого классика с идеологией фашизма и отдаляет от демократических идеалов, к которым, как подчеркивает В. Моммзен, Вебер относился с пренебрежением.

Моммзен также является инициатором издания сборника «Макс Вебер и его современники» (1987), в котором представлены статьи немецких и англо-американских исследователей, посвященные анализу как политических и экономических идей Вебера, так и определенных этапов его творческого пути. В рамках данного сборника Моммзен публикует сравнительный анализ политических воззрений М. Вебера и его ученика Р. Михельса, указывая на наличие в их творчестве общих тем: бюрократизации и плебисцитарной демократии. Однако в отличие от Михельса Вебер выступает за плебисцитарную демократию с учреждением парламента для ограничения власти административного аппарата, положительно оценивает бюрократизацию политических партий, так как последняя означает приход к власти профессиональных политиков вместо уважаемых людей. Михельс, наоборот, считает, что бюрократизация политической партии ведет к ухудшению качества политических лидеров, которые начинают проявлять конформизм с целью сохранить свои позиции. Также Михельс полагает, что в плебисцитарной демократии парламент не нужен, так

---

¹²⁹ *Mommsen W.* The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 76–77.

как «парламентские выборы являются актом фальсификации народной воли»¹³⁰. Таким образом, В. Моммзен еще раз имплицитно указывает на влияние идеи Вебера о харизматическом господстве в рамках плебисцитарной демократии на приход к власти фашистских режимов.

Рассмотрение англо-американского критического осмысления работ Вебера начнем с Р. Свидберга, который предлагает новую интерпретацию «Хозяйства и общества», а следовательно, новое прочтение разделов, посвященных веберовской социологии власти. Он полагает, что без тщательного анализа бюрократии в рамках организации нельзя считать подход к пониманию концепции бюрократии, сложившейся на Западе, исчерпывающим. «Два аспекта работ Вебера по бюрократии не были исследованы в более ранние периоды: общая теория организации Вебера, в которой бюрократия является составной частью, и его анализ современной фирмы»¹³¹.

Политические, экономические и религиозные организации, для которых бюрократия является способом упорядочения внутренних взаимоотношений, проходят в своем развитии, по мнению Свидберга, определенные этапы: традиционно-коммерческий, политический, рациональный. При этом в современном обществе преобладает целерациональное действие, так как стремление к максимизации прибыли детерминирует поведение индивида в рамках капиталистической системы. Взаимодействие с социальными институтами других подсистем является следствием погони за экономической рентабельностью. «Суть концепции капитализма Вебера в том, что индивид, движимый своими экономическими интересами и пытающийся получить прибыль, одновременно ориентирует свои действия по отношению к разным социальным институтам»¹³².

В данном контексте Свидберг предлагает рассматривать политические идеи Вебера с точки зрения рациональности, поскольку индивид взаимодействует с институтами власти только для того, чтобы они способствовали его экономическому процветанию.

---

¹³⁰ *Mommsen W.* Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // *Max Weber and his Contemporaries* / Mommsen W., Osterhammel J. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 134.

¹³¹ *Swedberg R.* The Changing Picture of Max Weber's Sociology // *Annual Review of Sociology*, 2003. P. 295.

¹³² *Ibid.* P. 298.

Способность крупных корпораций влиять на политическое руководство позволяет максимизировать их прибыли за счет проведения выгодной внутренней и внешней политики (налоговые льготы, войны). Таким образом, Р. Свидберг подразумевает, что анализ политического господства целесообразен только в его увязке с экономической сферой общества. Однако с такой интерпретацией идей Вебера о власти согласиться нельзя, так как немецкий классик создает свою политическую теорию для утверждения величия немецкой нации на международной арене, о чем он пишет в работе «Национальное государство и народнохозяйственная политика», а не для реализации коммерческих интересов частных лиц или корпораций, т.е. британский ученый ошибочно определяет терминальные цели социологии власти немецкого классика.

С. Баррет, Ш. Стокхольм и Дж. Берке полагают, что социология власти М. Вебера противоречива: так, с одной стороны, три разновидности господства, основанные на типе социального действия, являются примером микроотношений, но, с другой стороны, данную классификацию можно применить к макроуровню власти («структурная власть»), если учесть, что за личными отношениями «господин-подчиненный» следует их институционализация. «Во-первых, Вебер явно утверждает, что его типы власти — даже — харизматический — являются скорее социологическими, чем психологическими категориями. Во-вторых, ничто не мешает тому, чтобы использовать харизматическое, традиционное и бюрократическое господство для описания институтов и общества»¹³³. Однако, по-нашему мнению, применимость социологии власти Вебера для анализа как микро-, так и макроотношений свидетельствует не о противоречивости, а об универсальном характере концепции. Кроме того, является общепризнанным фактом то, что общая социология немецкого классика дала начало и феноменологическому, и структурно-функциональному подходам.

Американский социолог Ш. Волин также указывает на противоречивость политических идей Вебера, но уже в методологическом контексте конструирования понятий. Так, с одной стороны, немецкий ученый старается соответствовать требованиям позитивизма об «объективности» научного познания, что выражается в использовании им «принципа свободы от оценочных суждений».

---

¹³³ Barrett S., Stokholm S, Burke J. The Idea of Power and the Power of Ideas: A Review Essay // *American Anthropologist*. 2001. Vol. 103, N. 2. P. 475.

Однако, с другой стороны, его концепция власти не свободна от субъективного, идеалистического элемента, который находит свое воплощение в героическом этосе харизмы, позднее в призвании. «Вводя в социологическую теорию “страстного субъекта”, Вебер также желал уступить и позитивистам, называя это элементом “допустимой произвольности” научных исследований, но он также надеялся пересмотреть концепцию призвания для того, чтобы предотвратить превращение субъективности в субъективизм»¹³⁴. Мы считаем данную критику обоснованной, так как другие исследователи также подтверждают противоречия социологической методологии М. Вебера. Например, Д. Фройнд пишет: «Большое заблуждение приписывать Веберу идею о том, что объяснение и понимание – методы, которые абсолютно независимы и противоположны друг другу. Так, он часто ассоциирует их в одном и том же проекте либо как интерпретативное объяснение (*verstende Erklärung*), либо как объясняющую интерпретацию (*erklärendes Verstehen*)»¹³⁵.

Исследуя «харизму» М. Вебера, Ш. Волин предлагает выделять в ней три элемента: дар (героический, мистический), определенный образец поведения и выбор. «Из этих рассуждений мы можем сделать вывод, что в идее харизмы заключено три элемента: “одаренная” выдающаяся личность с героическими или авантюристскими качествами; нормативный образец поведения, которому она должна следовать и который дает ей власть; элемент выбора как для харизматической фигуры, которая подчиняет себя выбранному идеалу, так и для тех, кто должен решить, следовать за ним или нет».¹³⁶

В свою очередь американский социолог Т. Доу подчеркивает, что существенными характеристиками харизмы являются «дар» и экстаз (воодушевление). «Объединяя харизму и экстаз, Вебер подразумевает стихийный и демонический характер данного понятия»¹³⁷. Также он анализирует эволюцию харизмы в работах Вебера: от харизмы как революционизирующей силы в «Хозяйстве

---

¹³⁴ Wolin S. Max Weber: Legitimation, Method, and the Politics of Theory // Political Theory. 1981. Vol. 9, N 3. P. 409.

¹³⁵ Freund J. German Sociology in the Time of Max Weber // A History of Sociological Analysis. L.: Heinemann Educational Books. 1979. P. 169.

¹³⁶ Wolin S. Max Weber: Legitimation, Method, and the Politics of Theory // Political Theory. 1981. Vol. 9, N 3. P. 417.

¹³⁷ Dow T. An Analysis of Weber's Work on Charisma // The British Journal of Sociology. 1978. Vol. 29, N 1. P. 84.

и обществе» до харизмы политической ответственности в работе «Политика как призвание и профессия». Он критикует Вебера за то, что тот пытается поместить харизму в лице политика по призванию в рамки бюрократической структуры, так как харизма – это разрушающая сила. «И еще это противоречивое определение, так как помещение харизмы внутри структуры повседневной жизни удаляет из нее экстраординарные характеристики»¹³⁸. Мы полагаем, что в работе «Политика как призвание и профессия» харизма (призвание) обладает меньшей интенсивностью, чем в сборнике «Хозяйство и общество», поэтому ее включение в состав легально-рационального господства допустимо. Кроме того, сегодня отсутствие харизмы или отличительных свойств лишает политика лидерских позиций и делает его неконкурентоспособным. Об этом говорил и современный теоретик политической власти П. Бурдьё¹³⁹.

Американский исследователь Л. Скафф, продолжает анализ харизматического лидерства М. Вебера в контексте плебисцитарной демократии. Он полагает, что данная концепция нивелировала стремления немецкого классика к демократизации государственной власти посредством формирования парламента, предоставления избирательного права среднему классу и допуска к управлению страной политиков по призванию. Практическая реализация идеи плебисцитарной демократии в государственном устройстве Веймарской республики способствовала появлению авторитарного лидера, подчинившего административный аппарат, ослабившего парламент и манипулирующего общественным мнением. «Призывы к национальной гордости, контролю над бюрократией и более сильному парламенту были основаны на надежде, что через политическое воспитание появятся разные категории граждан и другое политическое устройство. Но на практике научное знание привело к установлению веберовской “плебисцитарной демократии”, в которой политически образованная нация сталкивалась с манипуляциями со стороны политического лидера»¹⁴⁰. С данной позицией Л. Скаффа нельзя не согласиться, поскольку, например, плебисцитарный «вождизм» привел к установлению диктатуры

---

¹³⁸ Ibid. P. 92.

¹³⁹ Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социологический анализ Пьера Бурдьё / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001. С. 126.

¹⁴⁰ Scaff L. Max Weber's Politics and Political Education // The American Political Science Review. 1973. Vol. 67, N. 1. P. 140.

НСДАП. Основной Закон ФРГ, принятый после окончания Второй мировой войны, был направлен на предотвращение возможности прихода к власти новых плебисцитарных лидеров. После окончания Второй мировой войны новое правительство Германии наделило федерального президента теми же функциями, что были у монарха Великобритании для предотвращения узурпации власти¹⁴¹.

Таким образом, веберовские концепции бюрократии и харизмы до сих пор пользуются исследовательским вниманием критиков и интерпретаторов его творчества в англосаксонских странах, так как, с одной стороны, позволяют описать сложившиеся социальные отношения в рамках капиталистической системы, а с другой стороны, обозначить путь для развития уникальной индивидуальности в рамках формально-рациональной структуры.

Обзор российской критики, посвященной политическим идеям М. Вебера, мы начнем с работы В. П. Макаренко «Вера, власть, бюрократия». В ней анализируется один из типов господства — легально-рациональное с позиций исторического материализма. Оценивая теоретические положения немецкого социолога о бюрократии и парламенте как системообразующих основах капиталистического общества, Макаренко ставит под сомнение их роль в политическом управлении в трактовке Вебера. Во-первых, взгляд на бюрократию как формальную рациональную организацию исполнительной власти, не участвующую в политической борьбе и служащую покорным орудием в руках политического лидера или парламента, является идеализацией реального легально-рационального устройства. «Капиталистическое государство никогда не стремилось преодолеть власть бюрократического аппарата. Он приспособлен к контролю общества со стороны правящих групп и образует барьер против демократического движения масс»¹⁴². Например, на практике бюрократия, с одной стороны, стоит на страже интересов господствующего класса, в том числе представленного в парламенте: «Бюрократия становится средством преодоления социального сопротивления решениям, которые всеми гражданами не поддерживаются»¹⁴³. С другой стороны, если предположить,

---

¹⁴¹ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.:Памятники исторической мысли, 1996. С. 251.

¹⁴² Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. С. 241.

¹⁴³ Там же. С. 231.

что выразителем интересов общества является парламент, то бюрократия как организация исполнительной власти теряет всякий смысл, так как, по мнению К. Маркса, когда интерес становится всеобщим, тогда возможно упразднение бюрократии. Во-вторых, парламент на практике не является выразителем интересов всего общества, потому что законы, принимаемые им отражают в первую очередь интересы класса капиталистов. «Известно, что все демократии имеют исторически ограниченный характер. Их достоинствами могла пользоваться только привилегированная часть общества. Парламент был выразителем, а бюрократия исполнителем воли этой части»¹⁴⁴.

Кроме того, на основании анализа взаимоотношений между администрацией и парламентом в канадских провинциях, проведенного С. Липсетом, В. П. Макаренко делает вывод о том, что в настоящее время происходит возрастание роли исполнительной власти по сравнению с законодательной, так как часть населения стремится реализовать свои интересы через непосредственные контакты с бюрократией в обход парламентских процедур. При этом в централизованных государствах доступ к высшим должностям чиновников имеют только привилегированные группы населения, которые получают возможность влиять на проводимую государственную политику в своих интересах, а в государствах со слабой централизацией власти разные слои населения могут воздействовать на административный аппарат. В качестве примера первого типа (сильная администрация и слабый парламент) российский исследователь приводит политическую систему Франции, для которой было характерно наличие сильного бюрократического аппарата, пополняемого выпускниками элитарных учебных заведений, и слабого парламента, не имевшего четких представлений о социальных потребностях общества. Таким образом, с одной стороны, бюрократия воспроизводила социальную структуру общества, а с другой стороны, способствовала росту революционных настроений в обществе, так как интересы большинства населения в данной структуре управления не учитывались.

В то же время США, по мнению В. П. Макаренко, являются примером децентрализованного государства, в котором демократический принцип соблюдения баланса между парламентом и правительством

---

¹⁴⁴ Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. С. 232.

сохранен. «Ситуация равновесия означает, что существует максимально возможное для данного места и времени реагирование на комплекс социальных потребностей при минимуме бюрократических извращений. Начиная с Монтескье, такая ситуация была идеалом либерально-демократических концепций»¹⁴⁵. Относительно слабая централизация государственной власти в США на протяжении продолжительного периода времени (до Первой мировой войны) связана с тем, что здесь отсутствовали традиции абсолютизма, характерные для Европейских государств, страну заселяли выходцы из Великобритании, в которой значительную роль в управлении государством играл парламент, чиновники выбирались населением штатов, и страна не участвовала в международных конфликтах, сосредоточившись на решении внутренних проблем. «Государство до сих пор стремится сохранить определенную нейтральность в конфликтах между капиталом и трудом... Сохранение мнимой надклассовости государства способствует тому, что отдельные члены администрации могут входить в контакты с различными группами давления и представлять различные социальные интересы»¹⁴⁶.

С точки зрения Макаренко, в капиталистическом обществе XX в. изменилась и роль самого парламента. Если веком раньше основная цель данного политического института была в том, чтобы легитимировать право на власть зарождающегося капиталистического класса, то сегодня проблема заключается в том, чтобы сохранить сложившуюся структуру господства. При этом самой влиятельной группой давления как на законодательную, так и на исполнительную власть становятся капиталистические корпорации. «Ни одна социальная группа в настоящее время не имеет таких возможностей пропаганды своих взглядов, которые имеют корпорации со множеством занятых в них специалистов... Их сила определяется финансовыми средствами, а также тем, что в них занята большая часть рабочей силы, проживающей в том или ином регионе»¹⁴⁷. Таким образом, по мнению Макаренко, реальное положение бюрократии и парламента в капиталистическом обществе отличается от идеально-типического представления о легально-рациональном господстве в рамках социологии М. Вебера, так как не удается преодолеть проблему бюрократизации власти, и парла-

---

¹⁴⁵ Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. С. 232

¹⁴⁶ Там же. С. 237.

¹⁴⁷ Там же. С. 240.

мент не может быть наилучшим способом выражения интересов общества, в силу некомпетентности его состава и классовой принадлежности.

К сожалению, анализ бюрократии Вебера в трактовке Макаренко не лишен некоторой предвзятости, обусловленной господством коммунистической идеологии в период написания работы, что снижает его объективность, так как отечественный исследователь пытается обосновать необходимость и возможность сосредоточения всей полноты государственной власти в рамках административного аппарата: «Современное общество представляет сложную систему. Для руководства ею требуются специалисты высокого класса. Из них должна состоять государственная администрация. Она выполняет свои функции во имя всеобщего блага общества». Это, по сути, ведет к еще большей бюрократизации системы, особенно социалистической, о чем предупреждал и М. Вебер.

Веберовская категория легитимной власти стала предметом исследования для Р. П. Шпаковой, так как она, базируясь на этой категории, пыталась найти ответы на вопросы о том, как стабилизировать политическую систему России переходного периода и как обеспечить активную поддержку проводимой политики со стороны общества. Анализируя работы М. Вебера, Р. П. Шпакова особо подчеркивает, что легальный порядок поддерживается не только силой правовых установлений, служащих формальным закреплением сложившихся общественных отношений, но и внутренним убеждением масс о том, что такое распределение прав и обязанностей в обществе справедливо и что правитель заслуживает доверия. Тем самым российский исследователь подчеркивает, что сущностная, внутренняя характеристика власти раскрывается именно через понятие легитимности и только легитимная власть может существовать продолжительный период времени. «Признание массами политической власти, господствующей в обществе политико-правовой идеологии и, добавим, уважение к ним — весомое звено в цепи причин, от которых зависит динамическое равновесие социальной системы»¹⁴⁸.

Р. П. Шпакова указывает, что в трактовке М. Вебера категория легитимности характеризует отношения доверия внутри привилегированной группы общества «господин — его администрация»,

---

¹⁴⁸ Шпакова Р. П. Легитимность политической власти // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1997. С. 190.

подкрепленные силой традиции, закона или харизмы, при этом доверие власти со стороны общества остается за рамками исследовательского внимания Вебера, так как немецкий ученый в целом негативно оценивал политическое сознание масс. «Легитимность всех типов политической власти в концепции Вебера подведена под общий знаменатель отчуждения масс от власти, от всей сферы политических столкновений... Массе отведена функция почтительного повиновения, безотчетного подчинения вождю, монарху, «правилу закона»»¹⁴⁹. Именно такая узкая трактовка социального основания категории легитимности, по мнению Р. П. Шпаковой, обуславливает умеренный интерес к ней в академических кругах. «Узость сферы приложения, субъективно-эмоциональный характер содержания легитимности в изложении Вебера помогают понять причину отсутствия научных дискуссий по поводу и самой категории, и этого ее изложения... Но это никоим образом не дает повод для освобождения и в дальнейшем от ее научного анализа и оценки возможностей применения»¹⁵⁰.

В рамках исследования категории легитимности Р. П. Шпакова проводит анализ феномена бюрократизации, опираясь на теоретические разработки немецкого классика. Возникнув с целью управления хозяйственными вопросами господина, бюрократия постепенно превращается в закрытую статусную группу со своим образом жизни, недоступным для широких масс. Этот стиль жизни, а также его оправдание на основе разного рода политических мифов, апелляции к социально значимым целям и власть секретности поддерживает господствующее положение бюрократии в обществе. Так, например, М. Вебер утверждает, что ни массы, ни парламент не могут противодействовать бюрократии должным образом, поэтому остается надеяться только на харизматического лидера, который окажется способен подчинить себе этот «механизм». Отказывая в политической зрелости широким слоям населения, Вебер признает только одну возможную форму демократии – «плебисцитарную», однако Р. П. Шпакова придерживается иной точки зрения. По ее мнению, в настоящем демократическом государстве отношения власти строятся по принципу взаимного уважения как управляющих, так и управляемых, только такие от-

---

¹⁴⁹ Шпакова Р. П. Легитимность политической власти // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1997. С. 190. С. 195.

¹⁵⁰ Там же. С. 195–196.

ношения способствуют стабильному развитию общества. «И тогда демократию можно будет понимать как неустанную совместную деятельность власти и общественности в одном направлении, а именно – по пути сокращения дистанции между ними, изначально заложенной в понятии “легитимность” еще Вебером»¹⁵¹.

В целом, Р. П. Шпакова считает, что трактовка легитимности власти, предложенная М. Вебером, требует сегодня значительной доработки, поскольку она отражает состояние социально-политических отношений конца XIX–начала XX в., имеет ограниченную социальную основу («господин – штаб управления»), включает иррациональную категорию «харизмы» и не рассматривает право как основание легитимности.

П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов в своем исследовании творческого наследия М. Вебера отходят от советской традиции критического анализа зарубежных концепций с позиций исторического материализма и пытаются дать свою интерпретацию идеям немецкого социолога с привлечением работ западных исследователей. Так, при анализе выявленного Вебером легально-рационального типа господства, они указывают на то, что он соответствует идеалу правового государства, принятого на западе. Однако в трактовке Вебера такому господству, осуществляемому формально-рациональной бюрократией, не хватает легитимности, так как оно нейтрально по отношению к ценностям. Следовательно, для идеологического подкрепления права на власть данный тип господства должен быть дополнен либо монархией, либо политическим лидером, избираемым прямым голосованием (плебисцитом). «Парламентарная демократия, признаваемая классическим либерализмом единственным правомерно законодательным (легитимирующим) органом в правовом типе западноевропейского буржуазного государства, не имеет в себе достаточной легитимирующей силы в глазах масс, а потому она должна быть дополнена или наследственным монархом (чьи права, разумеется, ограничены парламентом), или плебисцитарным путем избранным политическим лидером»¹⁵². Однако данная трактовка идеи Вебера о балансе власти в современном государстве российскими исследователями несколько искажает ее первоначальный смысл,

---

¹⁵¹ Шпакова Р. П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петербурга, 1997. С. 211–212.

¹⁵² Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 90.

так как в работе «Парламент и правительство в Новой Германии» Вебер прямо заявляет о необходимости сочетания всех трех типов господства для стабильного и эффективного управления государством¹⁵³.

Для подтверждения возможности двойственного понимания некоторых категорий социологии Вебера (идеальные типы, метод понимания, рациональность) П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов приводят полемику между Й. Винкельманом и В. Моммзенем в отношении типа социального действия, как основы легально-рационального господства. Так, Й. Винкельман пытается доказать, что именно ценностно-рациональное действие является основополагающим в современном правовом государстве, так как его ценностными ориентирами служит охрана естественных прав личности. «Современное правовое государство построено не по чисто функциональному принципу, в основе его лежат определенные ценности, в свое время возведенные идеологами либерализма и коренящиеся... в естественном праве личности на суверенитет, на равенство с другими личностями перед лицом государственно-правовых учреждений»¹⁵⁴. Однако В. Моммзен доказывает, что Вебер считает основой легально-рационального господства именно целерациональное действие, так как последний рассматривает теории естественного права как идеологическое орудие для порабощения плебисцита харизматическим лидером. Российские исследователи принимают точку зрения Моммзена по данному вопросу, но пытаются оправдать заблуждение Й. Винкельмана тем, что сам Вебер противоречиво относится к рациональности. С одной стороны, он трактует ее как важную ценность, характеризующую современную науку, экономику, политику и истинно свободного человека на Западе, с другой стороны, в методологическом плане он старается придерживаться принципа свободы от ценностей¹⁵⁵ и постепенно его отношение к рациональности как основополагающей ценности западного общества изменяется в худшую сторону.

В контексте рациональности П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов рассматривают и «этику ответственности» Вебера, противопоставленную «этике убеждения»: ««Этика ответственности», предпо-

---

¹⁵³ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 236.

¹⁵⁴ Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 92.

¹⁵⁵ Там же С. 95.

лагающая трезвую оценку ситуации, жестко-рациональную формулировку альтернативных возможностей, сознательный выбор одной из возможностей и ее неуклонное проведение в жизнь, а также личную ответственность за этот выбор, всегда была руководящим принципом деятельности самого Вебера»¹⁵⁶. К сожалению, с данным утверждением российских исследователей согласиться нельзя, так как внимательное прочтение работы «Политика как призвание и профессия», «Протестантская этика и дух капитализма», а также биографии Вебер создает противоположное представление о степени ответственности немецкого классика. Например, участвуя в Версальской конференции, М. Вебер как практический политик пытался переложить ответственность за разжигание первой мировой войны на другие страны: «Но главная ответственность падает на империалистическую Россию, целью которой являлся панславизм, развал Австро-Венгрии, распространение своего влияния на Балканах, завоевание турецких проливов. Только как в оборонительную войну против царизма вступил немецкий народ единодушно и решительно в борьбу 1914 года»¹⁵⁷.

П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов также указывают на противоположные тенденции в оценке идеи Вебера о плебисцитарно избираемом политическом лидере и его «этике ответственности» в западной социальной мысли, так как «харизматиком является у него всякий, кто способен воздействовать на массу с большой эмоциональной силой»¹⁵⁸. «Поскольку социолога, по Веберу, должно интересовать не субъективное различие (скажем, подлинной религиозности от псевдорелигиозности и т. д.), а объективный результат действий того или иного исторического лица, то веберовская социология с необходимостью несет в себе некоторую двусмысленность»¹⁵⁹. Ученые считают, что Вебер, с одной стороны, предвидел возникновение тоталитарных режимов и описал их с использованием харизматического идеального типа (К. Ясперс), с другой стороны, что он создал теоретическую основу для легитимации таких режимов (К. Левит). Действительно, некоторые политические идеи М. Вебера, вошедшие в конституцию Веймар-

---

¹⁵⁶ Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 93–94.

¹⁵⁷ Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 538.

¹⁵⁸ Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 91.

¹⁵⁹ Там же. С. 87.

ской республики, имели негативные последствия для немецкого общества. Например, «учитывая горький опыт Веймарской республики, президенту отводятся представительские функции и роль посредника и третейского судьи, стоящего над политической борьбой отдельных партий»¹⁶⁰.

Российские исследователи при характеристике традиционной власти допускают неточность в интерпретации «Хозяйства и общества» М. Вебера, так как утверждают, что данное господство бывает только двух видов, хотя по тексту немецкого классика их четыре — патриархальное, патримониальное, феодальное и сословное¹⁶¹: «Вебер различает две формы традиционного господства: чисто патриархальную структуру управления и сословную структуру»¹⁶².

Завершая анализ веберовских идеальных типов господства, П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов полагают (со ссылкой на В. Моммзена), что немецкий ученый предпочел карьере ученого карьере политика, так как не мог принимать быстрые и спонтанные решения. «Как добросовестный ученый, Вебер не оставлял неразоблаченной ни одной иллюзии — и при принятии любого решения он просчитывал слишком много “ходов вперед”, больше, чем это допустимо для политика. В этом была его пронизательность, но и его просчет: он слишком переоценивал возможности рациональной “раскладки”, не оставляя места для “непредусмотренных”, “случайных” моментов, которые — как ни парадоксально — в данном случае позволяют реально действующему человеку быть увереннее и решительнее в своих действиях»¹⁶³. К сожалению, данное утверждение не выдерживает критики, так как в биографии Вебера данный момент объясняется наличием заболевания, которое на протяжении долгого периода времени мешало Веберу заниматься не только практической политикой, но и активной преподавательской деятельностью, поэтому Вебер отказался от преподавательской деятельности в пользу исследовательской работы и разработки методологии науки¹⁶⁴. И только в конце жизни, когда болезнь

¹⁶⁰ Патрушев А. И. Германия в XX веке. М: Дрофа., 2004. С. 314.

¹⁶¹ Weber M. Economy and Society: an outline of interpretive sociology. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1007.

¹⁶² Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 84.

¹⁶³ Там же. С. 96–97.

¹⁶⁴ Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. С. 267.

отступила, он смог участвовать в Версальской конференции, в составлении конституции Веймарской республики и даже подумывал о высших политических должностях.

Ю. Н. Давыдов в своей более поздней работе «Макс Вебер и современная теоретическая социология» использует идеальный тип легально-рациональной власти для характеристики бюрократии, сложившейся в советское время в России. На основании анализа обширного исторического материала он приходит к выводу, что ее основными характеристиками являлись репрессивность, вездесущность и стремление к доминированию. «В отличие от авторитарной бюрократии, содержательной целью которой было сохранение традиционных структур общественной жизни, а также от рационально-буржуазной бюрократии, пекущейся лишь об обеспечении — чисто формально определяемой — эффективности производства полезной продукции (“благ”), тоталитарная бюрократия хотя и определяет свою высшую цель содержательно — Власть, “во Имя” (ну, скажем, Коммунизма), но практически расшифровывает ее как абсолютно формальную — Власть ради ... Власти, т.е. исключительно ради своего самовозвышения»¹⁶⁵.

Однако, несмотря на свое могущество, члены тоталитарно-бюрократического аппарата были незащищены, и их господствующее положение могло в любой момент принести им неприятности. «Утвердить себя, свою специфическую функцию основного орудия политической власти, проникавшей во все поры общества, это парадоксальное социальное образование могло одним-единственным способом: увеличивая (и без того непомерную) власть своего “Вождя”. Однако чем “абсолютнее” была эта власть, тем менее гарантированным было простое существование каждого нового поколения (точнее — “призыва”, объявляемого после очередной “чистки” аппарата) тоталитарной бюрократии»¹⁶⁶.

В контексте анализа тоталитарной бюрократии Ю. Н. Давыдов исследует такое социальное явление, как «харизматический лидер» бюрократии, т. е. человек («вождь»), способный управлять этой формально-рациональной машиной, которая совмещает в себе как законодательную, так и исполнительную власть. «Что же касается “вождя” тоталитарного, т. е. ничем, никакими обязаннос-

---

¹⁶⁵ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. С. 442.

¹⁶⁶ Там же. С. 447.

тиями или обязательствами неограниченного типа, то единственным способом утверждения его абсолютной власти над бюрократией — им же созданной и опекаемой — было для него постоянное “перетряхивание” (“чистка”) бюрократического аппарата...Ибо бюрократический аппарат тоталитарного типа, имеющий высшим принципом расширение и распространение своей власти, точно так же склонен к пожиранию своего творца, как он — к истреблению своих (действительных и мнимых) “преемников”, возникающих в недрах того же самого “аппарата”»¹⁶⁷.

Свою интерпретацию веберовского учения о роли бюрократического аппарата при социализме дает российский историк А. И. Патрушев. Он указывает на негативное отношение М. Вебера к социализму, но не по тем причинам, которые приписывали ему сторонники марксизма (чрезмерная бюрократизация государственной власти), а ввиду неспособности социалистической экономики быть более эффективной, чем капиталистическая. «Отождествляя социализм с исключительно плановым хозяйством, что вполне соответствовало и ортодоксальным представлениям марксизма, Вебер полагал, что экономическая политика в его системе определяется предписаниями, исходящими из ценностных представлений органов партийно-государственного управления»¹⁶⁸.

По мнению А. И. Патрушева, преимущество идеально-типической конструкции бюрократии в том, что Веберу удалось выявить наиболее общие черты данного типа власти, а недостатки в том, что немецкий социолог не уделил надлежащего внимания дисфункциям формально-рационального штаба управления. «В стороне, к сожалению, остались проблема конфликта внутри самого бюрократического аппарата, вопросы неформализованных отношений и несанкционированных типов поведения, только в общих контурах очерчена интересная проблема взаимосвязи между бюрократизацией и профессионализацией»¹⁶⁹.

А. И. Патрушев критикует за неточную интерпретацию идеальных типов Р. П. Шпакову и В. П. Макаренко, которые отказывают данному методологическому инструменту в научной

---

¹⁶⁷ *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. С. 445–446.

¹⁶⁸ *Патрушев А. И.* Расколдованный мир Макса Вебер. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 162.

¹⁶⁹ Там же. С. 165.

значимости. «Различие лишь в том, что В. П. Макаренко на этом основании отвергает вообще какую-то ценность веберовской теории бюрократии, а Р. П. Шпакова признает ее значимость, но объясняет это отказом Вебера от теории идеальных типов»¹⁷⁰. А. И. Патрушев вступает в полемику с В. П. Макаренко по поводу интерпретации концепции рациональной бюрократии М. Вебера. Так, он не соглашается с утверждениями Макаренко, что данная категория — чистая абстракция и что она создана для противопоставления культур Запада и Востока. Он обвиняет своего оппонента в том, что тот «не замечает противоречивости в собственных оценках. Если концепция бюрократии Вебера является... абстракцией, очищенной от социальной действительности и антиисторической, то, следовательно, она вообще не может служить противопоставлению Запада и Востока, так как невозможно привязать ее к какой-то исторической эпохе или географическому региону. Если же она выступает как специфическое проявление и отличие современной европейской культуры, то, значит, в ее основе лежит вполне определенная социально-историческая действительность»¹⁷¹.

По мнению российского социолога М. В. Масловского, анализ бюрократии в понимании М. Вебера не может быть полным, если он проводится только в рамках легально-рационального идеального типа господства, так как это понятие гораздо шире. Необходимо рассматривать как рациональную, так и патримониальную бюрократию, а также обращаться к политическим работам М. Вебера, характеризующим реальное состояние административного аппарата в Германии и России того времени. «Идеальный тип рациональной бюрократии представляет собой лишь один из элементов более общей концепции бюрократии, содержащейся в работах Вебера... С другой стороны, не менее важным дополнением идеально-типической модели служит веберовский анализ государственной бюрократии в статьях, посвященных политическому положению в России и Германии начала XX века»¹⁷². Во-первых, организация «штабов управления» при традиционном и легально-рациональном типах господства значительно отличается друг

---

¹⁷⁰ Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебер. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 163.

¹⁷¹ Там же. С. 163–164.

¹⁷² Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997. С. 37.

от друга, а также имеет разное происхождение. Так, например, в отличие от рациональной бюрократии патримониальная бюрократия характеризуется личной преданностью господину, а следовательно, для того, чтобы стать ее членом не профессиональная квалификация, а личное расположение руководства и связи имеют приоритетное значение.

Масловский указывает на то, что патримониальная бюрократия возникает с целью государственного управления, а рациональная с целью хозяйственного управления. Однако с этим утверждением нельзя согласиться, так как, по мнению Вебера, изначально лично зависимый и сословный штабы управления сосуществуют некоторое время и даже дублируют функции друг друга. «В то время как в “сословном” союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной “аристократии”, ... здесь он господствует, опираясь на челядь... Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу»¹⁷³.

Функционирование реального бюрократического аппарата не совпадает с идеально-типической конструкцией, так как на практике возникают дисфункции, связанные с влиянием человеческого фактора. Например, если в теории формальная рациональная бюрократия должна быть бесстрастным, слаженно функционирующим орудием в руках главы государства, действующего в интересах общества, рекрутироваться из всех слоев общества и следовать «кодексу чести», то на практике проявляются тенденции бюрократизации государственного аппарата, о которых Вебер упоминал как в сборнике «Хозяйство и общество», так и в своих политических работах. Так, рациональная бюрократия становится закрытой статусной группой, члены которой рекрутируются из привилегированных социальных классов, для нее характерен определенный стиль жизни, она чувствует свое превосходство по отношению к другим слоям общества, а следовательно, стремится сохранить свое господствующее положение посредством расширения сферы влияния. Специальные знания, получаемые чиновниками при осуществлении своих функций, а также «служебная тайна» позволяют ограничить доступ широких слоев населения, политиков, парламента и монарха к источникам информации.

---

¹⁷³ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 489.

М. В. Масловский полагает, что наибольший вклад в анализ статей М. Вебера по политической обстановке в России и Германии начале XX века внес Д. Битэм¹⁷⁴, выявивший на основании сравнительного анализа бюрократии обеих стран общие характеристики управления государством, при котором господствуют чиновники: слабый парламент, слабый монарх и вездесущая бюрократия. «С точки зрения Вебера, “господство чиновников” представляло собой тенденцию, которая присутствовала в любой бюрократической администрации, но могла реализоваться лишь в тех случаях, когда не существовало эффективных средств контроля за деятельностью аппарата»¹⁷⁵.

Далее М. В. Масловский критикует Ю. Н. Давыдова за то, что тот применяет термин «тоталитарная бюрократия» к административному аппарату советского периода, поскольку это понятие подходит только для характеристики раннего периода управления в СССР, в дальнейшем власть бюрократического аппарата превратилась в «господство» чиновников, о котором писал Вебер в своих политических работах. По мнению Масловского, «тоталитарная бюрократия» Ю. Н. Давыдова фактически является патримониальной бюрократией М. Вебера. «Для характеристики сталинского режима, по-видимому, могут использоваться понятия патримониализма и патримониальной бюрократии»¹⁷⁶. Предположение российского социолога о том, что власть советского административного аппарата послевоенного периода является «господством бюрократии», обосновывается мнением М. Вебера о социализме и организации власти при нем, а также исследованием Л. Н. Паниной и В. В. Кочеткова «Типы господства и развитие демократии», которые считают, что советская система во многом воспроизводит бюрократическое господство, характерное для развитых стран мира¹⁷⁷. Однако Масловский критикует данную работу за отсутствие тщательного сравнительного анализа политических систем СССР и стран Запада и за игнорирование политических статей Вебера по положению дел в Германии и России.

---

¹⁷⁴ *Beethem D.* Max Weber and the theory of modern politics. Cambridge: Polity Press, 1985. 304 p.

¹⁷⁵ *Масловский М. В.* Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997. С. 50–51.

¹⁷⁶ Там же. С. 53.

¹⁷⁷ *Панина Л. Н., Кочетков В. В.* Типы господства и развитие демократии // Вестник МГУ. Сер.7: Философия. 1993 № 2. С. 62.

Российский исследователь социологии М. Вебера Е. И. Кравченко предлагает интересную точку зрения на легальное господство, обусловленное как рациональными, так и иррациональными мотивами. С одной стороны, рациональность означает возможность действовать в соответствии с заранее продуманным логически выстроенным планом, с другой стороны, иррациональность, часто отражающаяся в харизме, предполагает спонтанность и отсутствие всякого плана действий. Однако, по мнению исследователя, которое подтверждается ссылкой на работу М. Вебера, в долгосрочной перспективе иррациональность может приобрести черты рациональности, а рациональность, наоборот, оказаться неоправданной. «Вебер фактически утверждает, что и легальное господство, и рациональное служение любому делу в основе своей иррациональны, ибо покоятся на личном убеждении человека (кем бы он ни был, властителем или подчиненным) в ценности своего дела, призвания, политического режима. Не строгие умственные построения, а верования, доверие избранному движут его действиями»¹⁷⁸.

Таким образом, среди российского веберизма наиболее востребованы идеи Вебера о бюрократии и легитимности власти, что объясняется практическим интересом исследователей, — необходимостью построения стабильной демократической системы на современном этапе развития России, а также оценки советского опыта построения государства.

Отношение к работам М. Вебера со стороны представителей других направлений социологии весьма неоднородно. Одни используют идеи Вебера для создания собственных концепций, например, учение выдающегося немецкого ученого о бюрократии получило развитие в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Другие, например марксисты, критикуют Вебера. Так, Д. Лукач называет историю немецкой интеллектуальной мысли дорогой иррационализма, ведущей от Шеллинга к Гитлеру через Вебера и других социологов¹⁷⁹. Во-первых, Вебера обвиняют в том, что вместо эмпирических исследований и количественного анализа данных, он конструирует теории, пытаясь на их основе предсказывать будущее. Во-вторых, в эпистемологическом плане немецкий классик является неокантианцем, который допус-

---

¹⁷⁸ Кравченко Е. И. Макс Вебер. М.: Весь мир, 2002. С. 113.

¹⁷⁹ Lukacs D. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin, 1955. P. 474–488.

кает возможность концептуализации социальной реальности разными способами. В-третьих, его сравнительная социология и политические работы направлены на оправдание господства капиталистического класса. И, наконец, ценностный релятивизм Вебера ведет к иррациональному мышлению, что несовместимо с научным требованием объективности знаний. «Вебер постулирует вселенную конфликтующих ценностей, среди которых научный выбор невозможен; это открывает дорогу иррационализму, ведущему к империализму и в конечном итоге к фашизму»¹⁸⁰.

Американский социолог Т. Парсонс, способствовавший популяризации трудов М. Вебера в англосаксонском научном сообществе и использовавший его концепцию социального действия для создания структурно-функционального подхода, тем не менее, разрабатывает теорию власти, отличающуюся от таковой у немецкого ученого. По мнению Парсонса, власть — это «циркулирующий медиум», роль которого в политической подсистеме общества можно сравнить с ролью денег в экономической подсистеме. Например, подобно деньгам, не имеющим самостоятельной ценности и являющимся стандартным средством обмена, власть является средством достижения коллективных целей, основанных на господствующей в обществе системе ценностей, и может переходить от одной политической группировки к другой в случае утраты доверия.

«Мандат» на власть предполагает легитимацию лидерских позиций и право на установление обязательств, которые должно исполнять все общество. Т. Парсонс выделяет четыре способа управления поведением подчиненных: посредством позитивных и негативных санкций в рамках ситуационного канала и посредством позитивной и негативной аргументации в рамках интенционного канала. Также он разделяет понятия власти, авторитета и насилия. Для него авторитет — это институционализированная легитимация, которая поддерживает власть политического лидера, а насилие — это крайнее и примитивное средство поддержания власти, к применению которого прибегают только в случае потери доверия в обществе. «Угрозу применения насилия или принуждение не следует называть должным применением власти, но это редкий случай, когда власть, теряя свой

---

¹⁸⁰ Roth G. Political Critiques of Max Weber: Some Implications for Political Sociology // American Sociological Review. 1965. Vol. 30, N 2. P. 216.

символический характер, превращается в средство исполнения желаний, а не обязательств»¹⁸¹.

Итак, можно обозначить следующие различия трактовки власти М. Вебером и Т. Парсонсом. Во-первых, в отличие от немецкого ученого Т. Парсонс не определяет власть через ее репрессивный характер, т. е. обладать властью, с его точки зрения, не значит применять карательные санкции. Принуждение и возможность насилия присутствуют там, где существует конфликт интересов, а Парсонс сознательно оставляет без внимания иерархический, а следовательно, конфликтный характер власти. Во-вторых, в отличие от М. Вебера, для которого увеличение власти одних возможно только за счет уменьшения прав других, Т. Парсонс разрабатывает свою трактовку власти в рамках концепции «ненулевой суммы», т. е. управление осуществляется для всеобщего блага, а следовательно, выигрывают обе стороны взаимодействия.

Наиболее авторитетные подходы для характеристики современной политической власти разработаны М. Фуко, П. Бурдье и Н. Луманом. Так, М. Фуко создает свою теорию современной власти по принципу противопоставления классическим подходам, характеризующим власть в рамках классического репрессивного «режима власти-знания». Современный дисциплинарный режим «власти-знания» является более гуманным, так как отменены практики телесных наказаний, а основной целью пенитенциарных учреждений является не изоляция, а исправление. Однако это не означает ослабление власти, так как в рамках ее сотрудничества с наукой выработаны более изощренные техники подчинения и манипуляции, как индивидами, так и обществом. При этом М. Фуко полагает, что власть и знание нельзя рассматривать по отдельности, так как институционализация власти сопровождается утверждением определенной иерархии знания, а последнее, в свою очередь, создает новые способы легитимации власти.

Дисциплинарный режим «власти-знания», по мнению М. Фуко, обладает определенными техниками, позволяющими изучать и моделировать поведение как отдельного индивида, так и общества в целом. С одной стороны, на микроуровне власть использует «микрофизику», направленную на тестирование нюансов человеческого тела, например сексуальности. Гуманитарные науки поз-

---

¹⁸¹ *Parsons T. On the concept of political power // Proc. Amer. Philos. Soc. 1963. Vol. 107, N 3. P. 250.*

воляют доводить эту технику до совершенства, тем самым формируя легко управляемых и покорных индивидов. Дисциплинарная власть связана с феноменом «политического тела», т. е. «ансамбля материальных элементов и техник, которые служат инструментами, путями коммуникации и базовыми пунктами отношений власти и знания»¹⁸². С другой стороны, на макроуровне дисциплинарная власть использует технику «биополитики», позволяющую оценивать, увеличивать и рационально использовать человеческие ресурсы.

В контексте характеристики современной власти Фуко полемизирует как с Вебером, так и с Парсонсом. Так, по его мнению, репрессивный характер классической власти означает безвольность подчиненной стороны, однако это не так, «там где есть власть, там всегда есть и сопротивление, которое никогда не находится по отношению к этой власти во внешней позиции»¹⁸³. Далее Фуко утверждает, что власть нельзя определять как «циркулирующий медиум», потому что «она никогда не локализуется здесь или там, она никогда никому не принадлежит, ею никогда нельзя владеть по образцу того, как владеют благами или богатствами»¹⁸⁴.

В целом, если сравнивать подходы М. Вебера и М. Фуко к пониманию политической власти, то можно выделить следующие общие черты в этих концепциях. Во-первых, возникновение бюрократии, индустриального предприятия и дисциплинарного государства есть следствие развития капитализма, основной ценностью которого является рациональность (рентабельность). Однако Вебер анализирует рациональность как способ мышления современного западного общества, в то время как Фуко исследует формы рациональности на практике, его интересуют техники управления людьми. «Начиная с XVII века эта власть над жизнью развивается в двух основных направлениях... Первое фокусируется на теле как машине, его дисциплинировании, оптимизации способностей, использовании сил, параллельном увеличении его полезности и покорности, интеграции в систему эффективного экономического контроля... Второе направление, возникшее поз-

---

¹⁸² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. М.: AdMarginem, 1999. С. 37.

¹⁸³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 259.

¹⁸⁴ Foucault M. Two lectures // Power / Knowledge. NY: Pantheon Books, 1980. P. 78.

же, фокусируется на особенностях тела, тела как основы биологических процессов – размножения и долголетия – с целью изменения данных показателей»¹⁸⁵. Во-вторых, дисциплина является общей характеристикой исследуемых Вебером (армия, бюрократия, университет) и Фуко (школа, больница, тюрьма) объектов. Однако в отличие от Вебера, который изучает формальную организацию социальных институтов с использованием официальных источников, Фуко полагает, что суть режима «власти-знания» можно обнаружить только посредством «археологии», которая позволяет вскрыть дискурсивные практики непривилегированных социальных слоев населения. И, наконец, и типы господства (М. Вебера), и режимы «власти-знания» (М. Фуко) являются системами эксплуатации, охраняемыми государством и поддерживаемыми соответствующей структурой управления.

П. Бурдьё предлагает принципиально иной подход к концептуализации политической власти. В рамках своей теории он вводит понятие агента социального действия, влияние которого определяется его местоположением в социальном пространстве и наличием символического капитала и габитуса, который рассматривается как система сознательно приобретенных индивидом диспозиций, помогающих ему ориентироваться в социальном пространстве и определяющих его принадлежность к социальному классу. При этом социальный агент, по мнению П. Бурдьё, действует как в «реальности первого порядка» (объективной, экономической), так и в «реальности второго порядка» (субъективной, интеллектуальной). Таким образом, социальное пространство многомерно – оно «вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур»¹⁸⁶.

П. Бурдьё также определяет социальное пространство как совокупность специфических социальных полей (экономического, политического, религиозного и т. д.), характеризующихся автономностью, иерархией, специфическими интересами и капиталом. Категория политической власти в анализе Бурдьё непосредственно связана с «политическим полем» и «полем власти». Так, «политическое поле» определяется им как поле соперничес-

¹⁸⁵ Foucault M. The History of Sexuality Volume I: An Introduction. NY: Pantheon Books, 1978. P. 139.

¹⁸⁶ Бурдьё П. Социология политики. / Пер. с франц. М: Socio-Logos, 1993. С. 38.

тва партийных, государственных и общественных организаций за право определения доминирующих идей и общественного мнения по актуальным социальным проблемам. Для того чтобы агент мог успешно действовать в «политическом поле», он должен отличаться от других; стать похожим, означает выбыть из игры. «Перестать различаться – это проблема центра в поле политики – значит перестать существовать, и нет ничего более опасного, чем сходство, растворяющее вас в тождестве»¹⁸⁷. А в «поле власти» собственники разных капиталов борются за обладание государственной властью, т. е. за право контроля над всеми видами капитала, так как государство господствует над всеми социальными полями.

Итак, несмотря на оригинальность концепции власти Бурдьё, мы попробуем установить сходство по некоторым позициям между ним и М. Вебером. Во-первых, понятие государства у обоих означает поддержание господства за счет возможности использования репрессивных мер. Например, по мнению Бурдьё, понятие государства связано с контролем над физическим капиталом принуждения (армией, полицией), т. е. предполагается «установление государственной монополии физического и символического насилия неотделимо от становления поля борьбы за монополию привилегий, связанных с этой монополией»¹⁸⁸. Вебер же определяет данный политический институт как союз господства одних над другими, поддерживаемый возможностью применения насилия¹⁸⁹. Далее можно установить определенное сходство в определении власти. Понятие власти у П. Бурдьё связано с символическим превосходством, которое дает право доминирования в соответствующем социальном поле. Доминировать — значит определять условия игры и поведение других агентов. В этом смысле данная трактовка власти сближается с определением Вебера, для которого власть — это возможность провести свою волю, несмотря на сопротивление¹⁹⁰. Также оба социолога понимают государственный (бюрократический) аппарат как формальную, анонимную структуру, применяемую для управления в интересах общества (нации).

---

¹⁸⁷ Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социологический анализ Пьера Бурдьё / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001. С. 126.

¹⁸⁸ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 1999. С. 163–164.

¹⁸⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 490.

¹⁹⁰ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. S. 122.

В отличие от М. Вебера, который понимает власть как возможность (способность) к волевому действию, Н. Луман концептуализирует данный феномен как коммуникативное средство, и это сближает его Т. Парсонсом, для которого власть является «циркулирующим медиумом». По мнению Н. Лумана, «власть может быть понята только как символически генерализированное коммуникативное средство... Функция генерализации такого коммуникативного средства, как власть, заключается именно в том, чтобы делать возможными подобные обходные пути, не уничтожая при этом возможность идентификации кода власти и коммуникативных тем»¹⁹¹. Власть присутствует в любой самореферентной системе (политике, науке, экономике), так как «там, где люди коммуницируют друг с другом, всегда существует вероятность того, что они будут ориентироваться на возможность причинения взаимного вреда и тем самым оказывать друг на друга влияние»¹⁹².

Политическая власть функционирует в обществе благодаря коммуникативному коду «альтернативы избежания», которая подразумевает возможность использования репрессивных мер и имеет негативные последствия для подчиненного. По мнению Н. Лумана, «возможность распоряжаться контингентией, сказать “да” или “нет” относительно желаемых кем-то ролей является базисом власти. Эта возможность превращается в основу власти в том случае, если образуются интересы, имущественные состояния или должности, лишение (или умаление) которых функционирует как альтернатива избежания»¹⁹³. Наличие данной коммуникативной альтернативы сближает позиции Н. Лумана и М. Вебера относительно понимания сути власти, так как для последнего она носит потенциально репрессивный характер¹⁹⁴. Однако в отличие от классика социологии Н. Луман считает, что использование принудительных мер или реализация «альтернативы избежания» в практической политике является нежелательным действием, так как это подрывает авторитет власти и доверие к ней.

Для определения особенностей власти Н. Луман использует бинарную схему «правомерный - неправомерный», так как, по его мнению, «составной частью медийных кодов являются двой-

---

¹⁹¹ Луман Н. Власть. / Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. С. 25.

¹⁹² Там же. С. 139.

¹⁹³ Там же. С. 40.

¹⁹⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 490.

ные парадигмы, способствующие дифференциации общественных систем. Они облегчают и кондиционируют отрицания внутри специфического схематизма и благодаря этому делают возможной системно-специфическую реализацию релевантных для всего общества функций»¹⁹⁵. В целом подходы к концептуализации власти М. Вебера и Н. Лумана трудно сопоставимы, так как для последнего общество является совокупностью коммуникаций, а не социальных отношений. Кроме того, в отличие от Вебера, Н. Луман анализирует власть как коммуникативное средство, а не как способность преодолевать сопротивление.

На основании вышеприведенного анализа видно, что теоретические положения М. Вебера о легитимности власти, бюрократии и харизматическом лидерстве сохраняют наибольшее влияние на современную политическую социологию. Об этом свидетельствуют работы последователей М. Вебера и других социологов, например Ю. Хабермаса и Э. Гидденса. Наименее востребованы идеи Вебера об экспансионистской политике, этике ответственности и плебисцитарной демократии. При этом современные концепции власти построены в основном по принципу противопоставления классической теории. Тем не менее существует некоторое сходство между идеями М. Вебера и позициями современных теоретиков власти по ряду моментов (рациональность, дисциплина, власть как система эксплуатации (М. Фуко); определение власти и ее характер, бюрократия (П. Бурдьё); потенциальная репрессивность власти (Н. Луман)).

---

¹⁹⁵ Луман Н. Власть. / Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. С. 70.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЕБЕРА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И РОССИИ)

2.1. Выявление фундаментальных структур властных отношений

Типология властных отношений, разработанная Вебером, как отмечалось выше, включает традиционный, харизматический и легально-рациональный типы господства. Некоторые исследователи полагают, что таким образом немецкий ученый отразил эволюцию властных структур общества, хотя сам Вебер утверждает, что данные типы власти могут сосуществовать. Так, в работе «Политика как призвание и профессия» Вебер указывает, что легально-рациональное господство сосуществует с харизматическим в рамках одной системы: «Одновременно с подъемом вышколенного чиновничества возникали также... “руководящие политики”... появлялся единый ведущий министр чиновников... в Англии... получил развитие “кабинет” во главе с единым парламентским вождем»¹⁹⁶. В работе «Парламент и правительство в новой Германии» Вебер говорит о возможности сосуществования вышеупомянутых типов господства с традиционным, так как монархия при смене «цезаристского» партийного лидера и выборах в парламент обеспечивает «непрерывность и несокрушимое постоянство государственно-правовых гарантий гражданского порядка»¹⁹⁷. Наша очередная задача сводится к определению практического значения веберовской типологии господства для анализа властных структур современных обществ (на примере Великобритании, Германии и России).

Начнем с традиционного господства и рассмотрим его особенности на примере упомянутых государств. В Великобритании институт монархии подвергся более чем тысячелетней эволюции от власти кельтских родоплеменных вождей до современного статуса монарха. Источником этих изменений служили как столкновения с культурами завоевателей (римлян, англов и саксов, нор-

---

¹⁹⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 496.

¹⁹⁷ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 236.

маннов) на ранних этапах становления английского государства, так и экономические и политические вызовы, характерные для более поздних периодов его развития. Ныне здравствующая королева Елизавета II является представительницей уже не первой и не единственной правящей династии Туманного Альбиона. Первый представитель ее рода Георг-Людвиг (Георг I) был приглашен парламентской партией вигов в 1714 г. из Ганновера для того, чтобы пресечь возможность возвращения к власти католиков Стюартов, проводивших политику в интересах Франции. Пуританская идеология, носителями которой являлась молодая английская буржуазия, допускала возможность смещения монарха в случае, если политика последнего противоречит интересам общества. «Королевская власть непосредственно учреждена не богом, т. е. имеет не божественное происхождение, а сформирована в результате договора между народом и королем. Так в рамках пуританизма родилась чисто политическая теория “общественного договора”, согласно которой народ имеет право и даже обязан свергнуть короля, если он нарушает договор, правит во вред обществу»¹⁹⁸.

Новая, не очень состоятельная немецкая династия была довольна своим положением в Англии, получая ежегодное содержание от парламента и не вмешиваясь в большую политику, отдав ее на откуп профессионалам. С ее приходом возник кабинет министров, а из него выделился премьер-министр¹⁹⁹ (начало XVIII в.) как альтернативный и реальный правитель Великобритании. Руководимая одаренными государственными деятелями, закаленными в партийной борьбе, страна переживала бурный экономический подъем и усилила свое международное влияние. 17 июля 1917 г. король Георг V провозгласил свою династию Виндзорской, тем самым подчеркнув ее приверженность интересам новой родины и отход от немецких истоков.

На протяжении XX в. роль монарха в вопросах государственного управления еще более снизилась. Например, уже в период правления Елизаветы II политическая некомпетентность монарха при выборах в качестве нового премьер-министра А. Хьюма и неспособность ее преодолеть симпатии к партии тори привели к тому, что право выбора премьер-министра монархом теперь ограничено только одной кандидатурой — действующим лидером пра-

¹⁹⁸ Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. С. 73.

¹⁹⁹ Сэр Р. Уолпол был первым премьер-министром Великобритании.

вающей политической партии. И так, сегодня британский монарх имеет следующие права: назначать премьер-министра, быть надпартийным арбитром, получать информацию по всем вопросам государственной политики, давать советы главе правительства, награждать за заслуги перед государством. Кроме того, король (королева) является главой Содружества и англиканской церкви. Таким образом, можно утверждать, что монарх сохранил только представительские функции, в то время как реальное управление страной перешло в руки к премьер-министра и бюрократии. «В Англии... реальная власть находится у джентльменов в котелках, а в золоченой карете восседает символ величия страны»²⁰⁰.

Несмотря на незначительную роль современной монархии Великобритании в реальном государственном управлении и ряд внутрисемейных скандалов и драм, ее рейтинг в обществе остается довольно высоким. Опросы общественного мнения, проведенные в 2006 г. накануне пятидесятилетнего юбилея со дня коронации королевы Елизаветы II, показали, что 90% населения страны желают сохранить данный политический институт. «Монархия — это традиция, связанная в сознании британцев с имперским могуществом их страны, ушедшим в историю, и одновременно единственный институт, символизирующий преемственность власти. По мнению ряда конституционных историков, при проведении социальных и политических реформ корона благодаря ее постоянству и нейтральности служит одним из стабилизирующих факторов общественной жизни, конституционным прикрытием для радикальных преобразований и углубления демократии»²⁰¹. На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что жизнеспособность института британской монархии связана, с одной стороны, со способностью суверенов сдерживать свои политические амбиции и идти на компромисс, а с другой стороны, с политической волей британского общества.

В отличие от Великобритании формирование традиционной власти и становление государственности в Германии было обусловлено продолжительным периодом феодальной раздробленности, при этом в результате революции 1918 г. институт монархии до нашего времени не сохранился. В X в. немцы были ближе других

---

²⁰⁰ Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 185.

²⁰¹ Остапенко Г. С. «Всенародная бабушка» королева Елизавета II // Международная жизнь. 2006, № 6. С. 157–158.

европейцев к созданию единого германского государства. «Именно германские племена переняли и взрастили традицию Римской империи и наследие Карла Великого, а когда империя Каролингов рухнула под натиском нового варварского вторжения, немцы стали единственным элементом стабильности в Северной и Центральной Европе»²⁰². В 962 г. Оттон I вынудил Папу Римского короновать себя с целью получения титула императора (кайзера). Монархия в это время была выборной, ее власть над разрозненными воинственными германскими племенами поддерживалась силой и хитростью. «Позже франкских королей стали именовать римскими, а их государство с XIII в. называлось Священной Римской империей, а с XV в. – Священной Римской империей германской нации»²⁰³. Реформация нанесла непоправимый ущерб германской государственности. Охваченная религиозными войнами, Германия распалась на мелкие княжества, что и было закреплено Вестфальским мирным договором 1648 г. «В стремительно изменявшейся Европе было очевидно, что судьба разобщенного государства в самой ее середине сколь незавидна, столь и неблагоприятна...»²⁰⁴. В период раздробленности от Германии «отпали» Швейцария и Австрия, часть рейнских областей была включена в состав Франции.

Только в 1871 г. при императоре Вильгельме II и под руководством «железного» канцлера О. фон Бисмарка оставшиеся немецкие территории были объединены в единое государство Германская империя (кайзеровская Германия). Однако политические амбиции кайзера Вильгельма II не позволили своевременно модернизировать политическую систему по образцу Великобритании²⁰⁵, что привело к низложению монархического института. Таким образом, традиционное господство, представленное властью монарха, в современной Германии, не существует, однако должность федерального президента, введенная Основным Законом ФРГ в 1949 г., фактически дублирует политические функции современного британского монарха: «президенту отводятся представительские функции и роль посредника и третейского судьи, стоящего над политической борьбой отдельных партий»²⁰⁶.

---

²⁰² Крейг Г. Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 12.

²⁰³ Патрушев А. И. Германия в XX веке. М.: Дрофа., 2004. С. 10.

²⁰⁴ Крейг Г. Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 14.

²⁰⁵ Вебер М. Рейхспрезидент (январь 1919 года) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 399.

²⁰⁶ Патрушев А. И. Германия в XX веке. М.: Дрофа., 2004. С. 314.

Как и в Германии, в современной России отсутствует тип традиционного господства. Проанализируем, были у России шансы сохранить монархию как символ устойчивости политической системы, используемый британцами. По мнению англо-американских специалистов по истории нашей страны (Р. Пайпса, Р. Такера, Т. Самуэли, З. Бжезински), русские цари стремились к сосредоточению максимума власти в своих руках, что нашло свое выражение в одном из их титулов «Самодержец Всея Руси». «Центральной и существенной чертой российской политики был ее преобладающий автократический характер. В отличие от западноевропейских соседей Россия не прошла через продолжительную феодальную фазу. За свержением татарского ига последовал рост все более самоуверенного и доминирующего самодержавия. Собственность и люди принадлежали государству, персонифицированному в лице Самодержца (функции которого соответствовали этому откровенному и гордому названию)»²⁰⁷.

Победа над Наполеоном в условиях доминирования русского царя не только во внутривосточных, но и во внешнеполитических делах, привела к тому, что с начала XIX в. за Россией закрепилось звание «жандарма Европы». Однако растущие амбиции династии Романовых не подкреплялись объективными факторами. В отличие от многих стран Европы, особенно Великобритании, которые переживали фазу капиталистического развития, Россия все еще оставалась феодальной страной с правом собственности на людей — крестьян. Русско-английский конфликт по поводу обладания проливами Босфор и Дарданеллы в середине XIX в. продемонстрировал наступившую слабость международных позиций России, а следовательно, и самого самодержавного строя. В этом конфликте Россия не могла найти себе союзников — в конце концов и турецкий паша после визита в Великобританию отказался от альянса с Россией. «Противодействовали державы разных весовых категорий — феодальная и капиталистическая. Россия не могла предложить ни товаров, ни идей, от отсталого крепостного строя порядочные люди шарахались в негодовании и испуге»²⁰⁸. Англия, обычно не державшая регулярной армии, наоборот, без труда находила себе «солдата на континенте». Уровень развития

---

²⁰⁷ *Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past // In the Dynamics of Soviet Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P. 339.*

²⁰⁸ *Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в Европейской дипломатии. // Новая и новейшая история 2006, № 5. С. 191.*

ее политической и экономической систем привлекал много желающих к сотрудничеству. Так, в ходе восстания 1848–1849 гг. в Австро-Венгрии «венгерские революционеры разве что не молились на британский кабинет, ожидая от него поддержки. Эмиссары революционной власти обещали корону независимой Венгрии одному из сыновей Виктории и все мыслимые блага, вроде режима наибольшего благоприятствования в торговле, порто-франко на Дунае и другие прелести»²⁰⁹.

Традиционное господство в форме самодержавия (в конце XIX–начале XX в.) все больше и больше входило в противоречие с социальными и экономическими реалиями — в России стал развиваться капитализм, для которого неограниченная власть монарха была тормозом. «Идеалтипически самодержавие — это власть-насилие, власть как насилие, безо всяких там ограничений, сдержек и противовесов. Там (на Западе — *О.И.*), в каких бы формах и обликах она не появлялась миру, всегда и прежде всего — договор, конвенция, список условий, прав и обязанностей сторон, декларация об ограничениях и т. п. Да, и насилие тоже, но строго обузданное императивом права рационально-дозированным “рассеянием” (распределением)».²¹⁰ Однако суверен не желал ограничивать свои полномочия легальными установлениями, т. е. быть уже не самодержцем, а конституционным монархом, как в Великобритании. Лихорадочные попытки отодвинуть призрак надвигающейся революции, отразившиеся в подавлении буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., участии в Русско-Японской войне и Первой мировой войне без изменения содержания внутренней политики России и ее государственного устройства, в том числе и ограничения вседозволенности царя, привели в 1917 г. к катастрофе, когда политическая система России потеряла один из компонентов смешанного господства, который был призван обеспечить ее устойчивость.

Революция 1905–1907 гг., в ходе которой был принят Манифест 17 октября 1905 года, могла бы стать шансом для выживания института монархии в России, но уже в качестве конституционной, а не абсолютной. Однако самодержец, по словам М. Вебера,

---

²⁰⁹ *Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в Европейской дипломатии. // Новая и новейшая история 2006, № 5. С. 196.

²¹⁰ *Пивоваров Ю. С.* Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. Политические исследования. 2006, № 1. С. 12.

хитро обойдя новый закон, обманул не только молодые демократические силы, но и самого себя. «Можно, видимо, с уверенностью... утверждать: ни единого мгновения со стороны царя вообще не существовало намерения достичь действительно продолжительного и честного согласия с этими людьми, которых он всего только за шесть месяцев до того характеризовал в крайне непарламентских выражениях».²¹¹ Последние Романовы вообще стремились не к сохранению института монархии в свете новой политической реальности страны, а к сохранению своей династии в веках устойчивых самодержавных рамках. Игнорирование политической и экономической реальности, нежелание уменьшить свою роль в вопросах управления страной привело к ликвидации не только царской династии, но и института монархии как такового.

М. Вебер с интересом следил за ходом первой русской революции, так как полагал, что она может дать России шанс стать сильным геополитическим соседом Германии. При этом фокус его внимания, несмотря на все желание немецкого ученого оставаться объективным к политическим силам, действовавшим в России в то время, сосредотачивался на революционной деятельности капиталистических партий (т. е. на революционной деятельности социального класса, к которому принадлежал и сам Вебер) — кадетов и земских либералов. «Либерализм находит свое призвание (Beruf) в том, чтобы в будущем, как и прежде, бороться и с бюрократическим, и с якобинским централизмом и работать над распространением в массах старой основной индивидуалистической идеи “неотчуждаемых” прав человека, которые для нас западноевропейцев столь же “тривиальны”, как черный хлеб для того, кто слишком сыт, чтобы его есть»²¹². Прообразом «гражданского общества» для Вебера (в смысле спонтанной организации людей «снизу», т. е. самоуправления) становились земские комитеты в России. «Российское земство... представляет собой успешно работающий и подлинно демократический орган самоуправления... Земские комитеты и комиссии — воплощение востребованной инициативы “снизу”. Практика их работы давала Веберу яркий пример того, что «у России есть мощный внутренний потенциал плодотворных демократических преобразований для становления в стране гражданско-

---

²¹¹ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 130.

²¹² Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Россия // Социологические исследования. 1992, № 3. С. 124.

го общества»²¹³. Из этого утверждения следовало, что немецкий ученый, по крайней мере, не лишал дееспособности в плане восприимчивости демократических свобод либеральные слои России и видел в них ядро возможного формирования «гражданского общества» в нашей стране. Поражение демократических сил в революции 1905–1907 гг. Вебер расценил как временное, как агонию царского режима и, как показало время, не ошибся: «По соображениям собственной безопасности теперешняя система не может принципиально изменить методы своего управления. В соответствии со своей политической традицией она должна и дальше допускать действия таких политических сил — сил бюрократизации управления и полицейской демократии, благодаря которым будет разрушаться сама себя и толкать на сторону врагов своего экономического союзника — собственность... Так что остается еще вопросом: чей путь в революции 1905 г. оказался в большей степени путем самоотрицания — путь либералов-земцев и конституционных демократов или властей предрержащих, которые предпочли союзу с умеренными либералами перспективу бюрократизации, явно утрачивающей чувство меры и ощущение реальности»²¹⁴.

Следовательно, в годы революции 1905–1907 гг. у России был шанс сохранить монархию в качестве конституционной, однако нежелание Николая II ограничить свои властные полномочия в соответствии с требованием времени стали причиной его низложения. В своих мемуарах один из представителей русской аристократии, русский военный атташе во Франции граф Игнатьев А. А., дал следующую оценку недальновидному поступку последнего российского императора: «Но сам-то царь, кто он теперь для меня? Витиеватые слова манифеста, оправдывающие отречение от престола, для меня не убедительны. Русский царь “отречься” не может. Уж на что жалкой фигурой казался мне всегда Павел I, но и тот нашел в себе мужество сказать в последнюю минуту своим убийцам...: “Вы можете меня убить, но я умру вашим императором”... Как бы мы судили солдата, покинувшего строй да еще в бою? И что мы можем думать о «первом солдате» Российской империи, главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, покидаю-

---

²¹³ Шпакова Р. П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003, № 3. С. 112.

²¹⁴ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Россия // Социологические исследования. 1992, № 3. С. 124–125.

щем в разгар войны свой пост, не помышляя даже о том, что станет с его армией?»²¹⁵.

Сегодня две ветви дома Романовых претендуют на российский престол: потомки Александра II в лице Марии Владимировны Романовой и потомки Николая I в лице Дмитрия Романовича. Время покажет, смогут ли они вновь стать правителями в нашей стране. Однако, скорее всего, даже в случае реставрации института монархии, роль нового суверена будет сведена к представительским и высшим арбитражным функциям, как в современной Великобритании. Пока же Россия является президентской республикой, т. е. ее форма правления соответствует рационально-бюрократическому господству в терминологии Вебера.

Харизматическое господство представлено в политической системе современных стран партийным лидерством, а иногда и руководством на общегосударственном уровне. Проанализируем возникновение и эволюцию харизмы на примере глав государств Великобритании, Германии и России.

Путь к партийному лидерству в Великобритании можно уложить в следующий алгоритм: стать членом партии, стать парламентарием от какого-либо избирательного округа, быть избранным или назначенным в качестве лидера определенной партии. Кроме того, логическим завершением и одновременно наградой за талант и затраченные усилия партийному лидеру служит право занять должность премьера-министра в случае победы его партии на выборах в парламент. Великобританию принято относить к странам с двухпартийной системой, которая к тому же, имеет давнюю историю. Первые политические фракции (тори и виги) возникли там уже в 1676 г., а в начале XX в. либералы уступили свое место в партийном тандеме лейбористам. Сегодня Великобританию лишь с большими оговорками можно называть страной с двухпартийной политической системой. Например, на выборах 1997 г. в Палату общин наряду с лейбористами (418 мест) и консерваторами (165 мест) также прошли представители Либерально-Демократической партии (46 мест), Социал-демократической партии Северной Ирландии (3 места), Шотландской национальной партии (10 мест), Уэльская национальная партия (2 места), Североирландская национальная партия (2 места), Демократической юнионист-

---

²¹⁵ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю: мемуары. в 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1960. С. 273.

ской партии (2 места). В целом в связи с возрастанием влияния Либерально-демократической партии²¹⁶, продемонстрированным на парламентских выборах 2001 и 2005 гг., многие британские аналитики склонны говорить о современной Британии как о стране с тремя или двумя с половиной партиями: лейбористской, консервативной и либерально-демократической. В настоящее время их лидерами являются соответственно Джереми Корбин, Тереза Мэй и Тим Фэррон. Обладание харизмой облегчает данный путь, примером чего служит карьера Т. Блэра.

По Веберу, харизма «рождается от великой нужды или вдохновения» и поэтому, является, в первую очередь, переориентацией образа мыслей, приобретением способности видеть реальность вне пределов обыденного сознания²¹⁷. В своей книге²¹⁸ Блэр также указывал на тот факт, что именно нужда, пережитая им в детстве в результате внезапной болезни отца, дала мощный толчок к самосовершенствованию своей личности. В это время он развил в себе столь необходимые для будущего политика качества: самодисциплину, организованность и ответственность. М. Вебер считает, что харизма, заключающаяся в уникальных характеристиках личности, воздействует на «воображение плебисцита» и делает его покорным воле такого лидера. Пример Т. Блэра подтверждает эту формулу, так как его фотогеничная внешность, ораторское искусство и организаторские способности с самого начала стали главным аттрактором для прессы и избирателей. По оценкам некоторых аналитиков, именно эти качества, хотя и не только они, стали решающими в оглушительной победе лейбористов на парламентских выборах 1997 г. Среди других свойств харизмы Блэра можно назвать его самоуверенность, честолюбие, расчетливость и предприимчивость. По мнению бывшего чрезвычайного посла Великобритании в России Э. Вуда именно предприимчивость, а также терпение и бережливость являются залогом успеха британской нации²¹⁹.

Будущий премьер-министр Великобритании демонстрировал предприимчивость на протяжении всего периода своей поли-

---

²¹⁶ В 1988 году виги объединились с социал-демократами в либерально-демократическую партию (ЛДП).

²¹⁷ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 142.

²¹⁸ Blair T. New Britain. My vision of a Young Country. L.: Forth Estate, 1996. P. 30.

²¹⁹ Вуд Э. М. Британия и Россия: некоторые размышления британского дипломата // Международная жизнь. 1998, № 8. С.13.

тической карьеры. Так, после окончания Оксфордского университета он поступил на службу в юридическую контору одного из лидеров Лейбористской партии, тем самым изменив политическим взглядам своей семьи, но приобретя влиятельного покровителя в лице своего нового начальника. Затем он дважды баллотировался на должность члена парламента, но оба раза безрезультатно. Тогда, внимательно изучив конъюнктуру избирательного «рынка», он обнаружил, что в графстве Дарем открыт новый избирательный округ Седжфилд, и в нем нет кандидата от Лейбористской партии. Выставив свою кандидатуру в этом округе, он, наконец, был избран в Палату общин и с тех пор представлял данный округ вплоть до своей отставки с поста премьер-министра в 2007 г.

Предприимчивость помогла Тони Блэру сделать карьеру в теновом правительстве лейбористов. Занимая разные министерские посты (министр энергетики, министр занятости населения, министр внутренних дел), он с энтузиазмом и добросовестностью заполнял лакуны и устранял слабые места в избирательной программе лейбористов, помогая в создании их нового имиджа. 21 июля 1994 года Т. Блэр был избран лидером Лейбористской партии на вакантное место, освободившееся в результате внезапной смерти Джона Смита. 2 мая 1997 года, после победы лейбористов на парламентских выборах, он стал самым молодым за последние 185 лет после графа Ливерпула (1812) премьер-министром Великобритании.

Блэр трижды приводил свою партию к победе на парламентских выборах (1997, 2001, 2005). Однако его незапятнанная политическая репутация, также являвшаяся мощным аттрактором для избирателей, сильно пострадала в последние годы его правления из-за скандалов, связанных с нелегальной продажей аристократических титулов и привилегий, а также с непопулярной войной в Ираке. Под давлением своей партии, а также ввиду нависшей угрозы импичмента Блэр был вынужден 24 июня 2007 года отказаться от позиции лидера лейбористов и спустя три дня досрочно ушел в отставку с поста премьер-министра, оставив после себя своего земляка-преемника Г. Брауна. Так расцвела и угасла харизма одного из ярких политических лидеров современности. Проанализированный выше пример позволяет нам сделать вывод, что харизма является залогом успеха на пути к партийному лидерству и высшим государственным должностям. Следовательно, партийный

лидер может олицетворять харизматическое господство и сегодня. Однако в Великобритании подобное лидерство не всегда является результатом действия харизмы, так как партийный лидер может быть просто назначен предшественником, исходя из его личных симпатий или интересов. Как это имело место в случае с приходом к власти Гордона Брауна.

Харизматическое господство в современном государстве, по мнению Вебера, представлено властью партийного лидера²²⁰, хотя позиции формального главы государства как в Великобритании²²¹, так и в Германии также предполагают наличие определенной доли харизмы. «Его (бундспрезидента – *О.И.*) авторитет основан не на власти, а на том, каким именно образом он представляет государство в целом внутри страны и на международной арене, ибо... для каждого президента даже в узких конституционно-правовых рамках все-таки остается немалый простор для выражения на данном посту своих личных способностей и качеств»²²². В случае победы партии на выборах ее лидер становится главой правительства, т. е. в условиях Германии канцлером. Мы предлагаем рассмотреть идею харизматического господства Вебера на примере К. Аденауэра, основателя современной политической системы Германии (ФРГ).

К. Аденауэр, харизматический лидер послевоенной Германии, родился в семье прусского военного. Он провел детство в атмосфере деспотической отцовской муштры²²³. «В многочисленных интервью Аденауэр всячески пытался подчеркнуть, как сильно он любил своих родителей (хотя и подчеркивал строгость отцовской дисциплины). Однако при этом всегда интонации его голоса становились еще суше, чем обычно... Много говорилось о родительском кодексе поведения, мало – о родительской любви... Прусская дисциплина, а вовсе не рейнское эпикурейство, правила бал в доме отца»²²⁴.

В отрочестве произошла «переориентация основных направлений мышления» будущего основателя ФРГ с католической на

---

²²⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 487.

²²¹ Weber M. Economy and Society: an outline of interpretive sociology. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1148.

²²² Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 254.

²²³ Уильямс Ч. Конрад Аденауэр, отец новой Германии. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 17.

²²⁴ Там же. С. 17–18.

протестантскую веру, рассматривающую в качестве миссии человека на земле самореализацию посредством преобразования объективной реальности, а не поиск удовольствий. И хотя внешне Аденауэр не изменил семейным католическим традициям, внутренне он был носителем протестантской религиозной системы ценностей. «Конрад оставался верным внешней стороне католицизма: он регулярно посещал мессы, постился в положенные сроки, ходил на исповеди, и все же... “Он в глубине души — протестант” — так отзывались уже об Аденауэре-канцлере те, кто его хорошо знал»²²⁵. Аскетический труд, самодисциплина и самоконтроль, а также удачная женитьба позволили сделать головокругительную политическую карьеру Аденауэру, поднявшись с низов общества до вершины политического олимпа. Он смог реализовать свою миссию — сформировать новое эффективное государственное устройство Германии (ФРГ), взяв за основу англо-американскую систему политических ценностей и дополнив их лучшим из культурного наследия своей страны.

К. Аденауэр пришел к власти как лидер ХДС, партии, образованной после падения нацистского режима с целью объединения христиан лютеранской и католической конфессий в духе универсальных религиозных ценностей. Это был единственный случай за всю последующую историю ФРГ, когда ХДС получил большинство в парламенте и смог самостоятельно сформировать правительство. Перед Аденауэром стояла сложная задача: объединить разрозненные части Германии, входившие в оккупационные зоны Великобритании, США и Франции, и выбрать такие направления политики, которые бы сделали ФРГ экономически сильным государством, обладающим международным престижем. И он смог ее выполнить.

После падения диктатуры НСДАП западные союзники, в особенности Франция, отводили Германии роль сырьевого придатка в послевоенной системе международных отношений. Подчиненное положение проигравшей страны подчеркивал и протокол, в соответствии с которым проводились встречи оккупационного Совета и представителей национальной власти. Обе стороны разделяла красная дорожка, которая подчеркивала статус победителей и подчиненное положение побежденных, так как последние не имели права переступить данную разделительную черту. Лидерские

---

²²⁵ Уильямс Ч. Конрад Аденауэр, отец новой Германии. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 33.

качества Аденауэра, в частности способность пренебрегать установленными правилами, позволили на первом этапе становления новой Германии произвести перелом в сознании лидеров США, Великобритании и Франции. «Прекрасно зная, что он не должен вставать на ковер, Аденауэр, тем не менее, непринужденно встал на него и зачитал приветственное слово... Своим бесцеремонным поступком Аденауэр сразу дал понять, что ФРГ считает себя равноправным партнером стран Запада»²²⁶.

Однако политика Аденауэра, как тонкого дипломата, не являлась конфронтационной по отношению к западным союзникам по антигитлеровской коалиции. Наоборот, он принимал все их условия, преследуя только одну цель: всеми возможными способами укреплять положение Германии. Так, он согласился с введением международного управления промышленностью Рура, предложенного Францией, и в свою очередь предложил военную помощь США и Великобритании для отражения нарастающего влияния коммунистов на континенте. Данное предложение позволило ФРГ восстановить армию при условии ее интеграции в НАТО и получить государственный суверенитет (1952). Наблюдая за увеличением международного престижа ФРГ, СССР предложил ее канцлеру объединиться с ГДР при условии отказа от дальнейшей интеграции со странами Запада. Однако политика Аденауэра носила прозападную ориентацию по принципу «лучше свобода без единства, чем единство без свободы», поэтому об изменении избранного курса, эффективность которого подтверждалась практикой, не могло быть и речи: «Правительство ФРГ и канцлер Аденауэр были убеждены в том, что объединение с Западом для ФРГ гораздо важнее, чем создание слабой Германии, нейтральный статус которой делает ее беззащитной перед возможным вторжением с Востока»²²⁷.

Новая политическая система — парламентская республика с сильной властью бундесканцлера — и избранные направления политики оправдали себя. К 1957 г. ФРГ уже являлась политически независимым, экономически развитым государством, равноправным членом Европейского экономического сообщества и НАТО. Правильность выбранного Аденауэром курса была подтверждена в 1989 г., когда произошло объединение Западной и Восточной Германии под эгидой ФРГ: подтверждается она и сегодня, когда ФРГ

---

²²⁶ Патрушев А. И. Германия в XX веке. М: Дрофа., 2004. С. 314.

²²⁷ Там же. С. 322.

наряду с Францией является экономическим и политическим столпом Европейского союза. 1957 г. стал вершиной политической карьеры К. Аденауэра и одновременно началом угасания его политической харизмы, связанного с рядом политических событий (возведение Берлинской стены и политический скандал в рядах правящей коалиции ХДС/ХСС). Итак, в современной политической культуре Германии носителем харизматической политической власти является бундес-канцлер, глава правящей коалиции.

Обратимся к недавнему прошлому России, для того чтобы проанализировать феномен харизмы на примере Президента Б. Н. Ельцина — архитектора современной политической системы России, — который благодаря своей харизме смог получить верховную власть в стране и с именем которого связан новый этап в ее развитии. В отличие от современных политических лидеров он не обладал фотогеничной внешностью или ораторским даром подобно Т. Блэру или Б. Обаме, его харизма заключалась в другом — он был борцом против системы, обличителем своих товарищей по коммунистической партии, воплощением ценностей демократии и нового будущего страны. «Мое мнение. Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должны ощущать в равной степени каждый без исключения»²²⁸. Именно этот образ привлек к личности Ельцина значительную часть советского электората и помог ему стать сначала народным депутатом, а затем Президентом России после распада СССР. «И он, и я, любой сегодня только в том случае сможет осуществлять роль народного депутата, если будет слушать народ, а не аппарат, выполнять требование людей, а не партийно-бюрократической номенклатуры»²²⁹.

Когда-то М. Вебер сказал, что харизма рождается либо от великого воодушевления, либо от великой нужды. В случае с первым Президентом России справедливо второе. Он родился в одном из сел Свердловской области, и его детство пришлось на годы коллективизации и сталинских репрессий. Б. Н. Ельцин вспоминает: «Детство было очень тяжелое. Еды не было. Страшные неурожаи. Всех позагоняли в колхоз — тогда было поголовное раскулачивание. К тому же кругом орудовали банды»²³⁰. Семья была вынужде-

---

²²⁸ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: Ассоциация «Новый стиль», 1990. С. 169.

²²⁹ Там же. С. 7.

²³⁰ Там же С. 19.

на искать работу в городе и потом долгое время проживала там в бараке на двадцать комнат-коммуналок, что серьезно отразилось на поведении будущего политического лидера. Организаторские способности и умение отстаивать свое мнение проявились у Ельцина рано. Закалке характера способствовало также отцовское и дедовское воспитание. После окончания средней школы он поступил на строительный факультет Уральского политехнического института и был вовлечен в общественную работу по спортивной и комсомольской части. Именно умение идти на контакт с простыми людьми, общаться в коллективе сыграло важную роль в росте авторитета Ельцина в глазах его будущих избирателей. В своей автобиографии «Исповедь на заданную тему» он особенно подчеркивает важность таких контактов для становления своих лидерских качеств и противопоставляет себя в этом своему политическому оппоненту М. С. Горбачеву. «С самого начала работы стал проводить регулярные встречи с различными категориями трудящихся... В застойный для страны период такие встречи были скорее исключением, чем правилом»²³¹.

После вступления в ряды КПСС начался карьерный рост Ельцина по партийной линии. Вскоре он стал первым секретарем Свердловского обкома партии. На рабочем месте и в партии он был активен, выступал за разные нововведения, демонстрировал хорошие организаторские качества, твердый характер и этим самым обратил на себя внимание Политбюро ЦК КПСС. В начале 1985 г. Ельцина пригласили на работу в Москву в качестве заведующего отделом строительства ЦК КПСС, а в конце того же года он стал первым секретарем МГК. Выбор его кандидатуры Горбачевым Ельцин объяснял так: «Он, видимо, учел и мой почти десятилетний опыт руководства одной из крупнейших партийных организаций страны, и плюс производственный стаж... К тому же знал мой характер, был уверен, что я смогу разгрести старые нагромождения... имея определенный характер и мужество, смогу капитально поменять кадры»²³².

Поведение Ельцина в качестве кандидата в члены Политбюро сильно отличалось от его коллег — он не боялся высказывать свою точку зрения на различные проблемы, которая часто расходилась с общепринятыми партийными установками, спорить с уже дей-

---

²³¹ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: Ассоциация «Новый стиль», 1990. С. 52–53.

²³² Там же. С. 83.

ствующими членами Политбюро. «Я не помню, чтобы кто-нибудь хотя бы раз попытался выступить достаточно резко против. Но я все-таки встречал. Сначала, конечно, больше прислушивался, а потом, когда имел возможность изучать проекты, вносимые на Политбюро, начал подавать голос, вначале тихо, потом громче, а затем, видя, что вопрос решается ошибочно, стал возражать, и достаточно настойчиво»²³³. В это время начал формироваться электорат, или плебисцит (в терминологии Вебера), Ельцина. Росту популярности нового лидера способствовали также его отказ от благ коммунистической системы: спецпайков, права на пользование правительственными дачами, спецполиклиникой. В октябре 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС он открыто заявил об отказе от должности кандидата в члены Политбюро и, как следствие, был снят с поста Первого секретаря МКГК. Начался опальный период в жизни Ельцина-политика. Официальные СМИ блокировали информацию о нем, редкие интервью брали только представители западной журналистики. Так, он стал мучеником, жертвой системы в глазах миллионов простых сограждан, а следовательно, заручился еще большей поддержкой, которая дала о себе знать в ходе выборов в народные депутаты весной 1989 г. В своих мемуарах Ельцин вспоминает: «В конце концов настоящая народная реабилитация произошла на выборах в народные депутаты, за меня проголосовало 90% москвичей»²³⁴. Эта победа сделала Б. Н. Ельцина реальным конкурентом Горбачева на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а издание автобиографии «Исповедь на заданную тему», в которой он предстал перед читателями в качестве простого человека, расширило его электорат до масштабов всего СССР.

Летом 1989 г. Ельцин стал одним из организаторов Межрегиональной депутатской группы (МДГ). В ее состав вошло 388 человек, среди которых были А. Сахаров, Т. Гдлян, Ю. Афанасьев, А. Собчак и В. Волков. Это объединение оказало сильное влияние на формирование общей идеологии демократического движения в России. В 1990 г. Ельцин публично вышел из состава КПСС и стал лидером избирательного блока «Демократическая Россия», созданного при поддержке МДГ и приведшего его к победе во время выборов на должность Президента РСФСР. Харизма Ельцина как

---

²³³ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: Ассоциация «Новый стиль», 1990. С. 107.

²³⁴ Там же. С. 155.

политического лидера оппозиционных режиму сил достигла своего расцвета в 1989 г. и, продержавшись на той же высоте, сделала его двумя годами позже главой самостоятельного российского государства. Угасание этой харизмы сопровождалось формированием новых институтов власти и закреплением их в конституции Российской Федерации, принятой в 1993 г. Таким образом, идея Вебера о том, что современный харизматический лидер — это партийный лидер, в данном случае не выполняется, так как Ельцин использовал в качестве трамплина во власть не политическую партию, а общественное движение.

Следующей в типологии господства является категория легально-рационального господства, которая предполагает, что как руководитель, так и «штаб управления» действуют на основе закона, приоритет которого общепризнан. По Веберу, в рамках господства рационально-бюрократического типа можно подразделить чиновников на две такие категории, как политики (т. е. выборные чиновники) и назначаемые на должность чиновники (т. е. бюрократы). Обе категории должностных лиц руководствуются в своей деятельности легальными установлениями (законами, инструкциями), приоритет которых признается безусловным. Например, в современной политической системе Великобритании принято выделять политическое руководство страны и гражданскую службу (*civil service*). Однако деятельность должностных лиц Соединенного Королевства регулируется не только нормативно-правовыми актами, но и традициями, что отражает исторические особенности развития политической культуры страны. Так же как и у Вебера, здесь признается неравнозначный статус вышеупомянутых категорий. Так, в докладе комитета по реформе гражданской службы в Великобритании под руководством лорда Фултона сообщалось, что «гражданская служба работает под политическим руководством, и на ней лежит обязанность политической подотчетности»²³⁵.

Остановимся подробнее на характеристике особенностей обеих категорий британских должностных лиц. Итак, категория политиков в Соединенном Королевстве довольно обширна. Она включает в себя как пэров, так и выборных членов парламента, которые в свою очередь являются представителями соответствующей

---

²³⁵ Комитет был создан в начале 1970-х годов для проведения реформы государственной службы в соответствии с менеджеральной моделью, принятой в США.

щих парламентских комитетов, правительства, территориальных органов публичной власти. Нетрудно заметить, что все политическое руководство страны так или иначе связано с Парламентом, все три ветви власти переплетены здесь, и их разделение довольно проблематично. Несмотря на это исторически сложившаяся политическая система Великобритании функционирует слаженно, что подтверждается стабильностью британского общества и высоким уровнем жизни населения.

Парламент сыграл решающую роль в формировании британской демократии, превращении Британии в сверхдержаву и становлении современной системы государственного управления. Именно он, начиная с XIII в., постепенно стал осуществлять руководство страной, ограничив произвол монархов и создав альтернативное им правительство — Кабинет Министров. Парламент, как и конституционная монархия, по праву считается достижением британской политической культуры. «Эти институты (монархия и Парламент. — *О.И.*) развиваются и должны служить маяками, свет которых указывает путь последующим поколениям»²³⁶.

Впервые парламент («бешеный парламент») собрался в 1258 г. в Оксфорде в ответ на попытку Генриха III вернуть часть королевских земель, утраченных его отцом Иоанном Безземельным в ходе противостояния с баронами. Результатом этого конфликта стало подписание в 1215 г. «Великой хартии вольностей»: «Все те выше-названные обычаи и вольности, какие только мы соблаговолили признать подлежащими соблюдению в нашем королевстве, насколько это касается нас в отношении к нашим вассалам, все в нашем королевстве, как миряне, так и клирики, обязаны соблюдать, поскольку это касается их в отношении к их вассалам»²³⁷. Генрих III, воспользовавшись моментом, решил аннулировать хартию, однако встретил вооруженный отпор со стороны баронов и их рыцарей, которые разработали новую систему управления государством (Оксфордские и Вестминстерские провизии) и вынудили своего суверена, а позже и его сына Эдуарда I ратифицировать ее. Так появился Парламент. При этом Парламент 1295 г., в котором участвовали не только представители рыцарства, но и горожане, принято считать образцовым.

---

²³⁶ The Times, May 1, 2002.

²³⁷ *Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. С. 25.

Сегодня Парламент состоит из монарха, Палаты лордов и Палаты общин. Палата лордов возникла в XIV в. и поначалу обладала большими полномочиями, которые со временем были урезаны. В 2009 г. она перестала быть высшей судебной и апелляционной инстанцией в результате проведения реформы государственного управления Великобритании, направленной на приведение политической системы в соответствие с универсальным требованием разделения властей. Сегодня Палата лордов (780 членов, в том числе 667 пожизненных) занята только законодательством, имея право законодательной инициативы, доработки биллей, поступающих из нижней палаты Парламента, и право отлагательного вето. Количество пожизненных лордов, входящих в ее состав подлежит постепенному сокращению, с чем согласна и королева Елизавета II.

Палата общин (650 членов), наоборот, усилила свои позиции в вопросах государственного управления. Сегодня она обладает правом принимать законопроекты, объявлять вотум недоверия правительству и объявлять импичмент премьер-министру, а также является «кузницей» управленческих кадров, поставляя своих кандидатов как в кабинет министров, так и на пост премьер-министра. Так, в случае победы на выборах, политическая партия, набравшая большинство голосов, формирует правительство страны, а ее лидер становится фактическим главой государства.

Премьер-министр и кабинет министров — сравнительно молодые явления в политической жизни Соединенного Королевства. Они возникли только в XVIII в. с приходом к власти Ганноверской династии. При этом первым премьер-министром принято считать сэра Р. Уолпола, возглавлявшего правительство при Георге I и Георге II и щедро субсидировавшего их потребности в обмен на невмешательство последних в большую политику²³⁸. За верную службу суверены преподнесли Р. Уолполу особняк на Даунинг стрит, 10, который с тех пор считается официальной резиденцией всех премьер-министров Великобритании.

Сегодня власть премьер-министра часто сравнивают с президентскими полномочиями, и поэтому используют термин «президентский премьер», так как роль данного лица в управлении Великобританией велика. Так, премьер-министр является главным советником монарха, первым лордом казначейства (министром

---

²³⁸ *Матвеев В. А.* Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 171.

финансов), главой правительства, имеет право на использование королевских прерогатив и назначение министров с последующим утверждением их кандидатур монархом. В своей деятельности премьер-министр подотчетен парламенту, членом которого он и является. А в случае утраты доверия со стороны Палаты общин он обязан подать в отставку.

Кабинет министров также формируется из членов парламента. Прежде это был ключевой орган принятия решений исполнительной власти. Однако со времен премьер-министра Ллойд-Джорджа (начало XX в.) его влияние на политический процесс в стране заметно уменьшилось. Сегодня заседания правительства длительностью в 30 минут проходят раз в неделю и используются для формального одобрения решений исполнительной власти, принятых «карманным» кабинетом премьер-министра (т. е. его ближайшими советниками). Существование кабинета министров наряду с данью традиции обусловлено также наличием реальных государственных функций у самих министров, несущих ответственность за определенную сферу управления обществом и осуществляющих руководство штатом своих сотрудников (государственных служащих). Таким образом, политические деятели, представляющие собой высшую категорию государственных чиновников легально-бюрократического господства, представлены в современной Великобритании членами парламента, премьер-министром и правительством.

Вторая категория должностных лиц в соответствии с веберовскими представлениями о легально-бюрократическом господстве в политической системе Великобритании — государственные (гражданские) служащие, т. е. собственно бюрократы в терминологии Вебера. Как упоминалось выше, они играют подчиненную роль по отношению к политическому руководству страны и призваны оказывать ему беспристрастную и квалифицированную помощь. «Гражданские служащие обязаны хранить верность правительству, стоящему у власти, и добросовестно служить правительствам, придерживающимся разных политических убеждений»²³⁹. При этом соответствующий бюрократический аппарат есть как на государственном уровне (при Парламенте, правительстве и министерствах), так и на территориальном уровне (при за-

---

²³⁹ Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. С. 30.

конодательных и исполнительных органах власти Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии), а также на уровне местных властей. Исторически сложилось так, что сам этот аппарат не достиг гигантских размеров в виду жесткой экономии на его содержание со стороны Парламента. Например, в XIX в. «весь штат Форин офиса, от постоянного заместителя министра до младшего клерка, в 1820-е годы насчитывал 28 человек, в 30-е на десяток больше. Даже должность библиотекаря вводилась с санкции парламента, проявившего не то что экономию, а настоящую скардность при финансировании аппарата. Для сравнения — штат российского министерства был чуть ли не в десять раз больше»²⁴⁰.

Основы современной системы гражданской службы были заложены в Великобритании в середине XIX в., когда в результате реформы Норкота – Тревельяна была ликвидирована система патронажа государственных должностей (непотизм), введена система открытых конкурсных экзаменов, а персонал всех министерств был включен в единую гражданскую службу с общими правилами продвижения по службе, оплаты труда и назначения пенсий.

Новый этап преобразований в данной сфере связан с именем лорда Фултона и его комитета по реформе гражданской службы, созданного в 1970-е годы. В целях повышения эффективности работы государственных служащих Соединенного Королевства было принято решение заимствовать американскую менеджерскую модель организации, использующую рациональные методы ведения бизнеса. В результате на смену классам чиновников пришло их деление на три нижеперечисленные группы:

1. Группа старших политических и административных руководителей (постоянные секретари, их заместители и помощники), которые лично ответственны за руководство своей отраслью перед министром.

2. Административная группа (ученик администратора, старший исполнитель), которая осуществляет координацию деятельности государственного аппарата управления, руководство работой министерств и канцелярскими обязанностями.

3. Группа научно-профессиональных и технических специалистов (архитекторы, инженеры, ученые по вопросам образования и профессиональной подготовки чиновников, технические работники).

---

²⁴⁰ Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в Европейской дипломатии. // Новая и новейшая история 2006, № 5. С. 192.

В Великобритании доступ на государственную службу осуществляется на основании письменных тестов, составленных с использованием учебных программ Оксфорда и Кембриджа. Высокие требования к профессиональной квалификации чиновника обуславливают замещение государственных должностей в основном выпускниками ведущих университетов страны. На основании экзаменов формируется штат государственных служащих второй и третьей группы, в то время как представители первой группы назначаются министерством по делам государственной службы.

Современная система найма, обучения и продвижения по государственной службе направлена на создание администратора широкого профиля (чиновника-джереналиста), который может в доступной форме с учетом широкого контекста ситуации донести заключение эксперта (специалиста) до сведения министра. Сегодня дженералисты замещают 75% должностей государственной службы, в то время как специалисты в области экономики, права, науки, техники и т. д. составляют только 25% от общего числа.

По оценкам экспертов, несмотря на свою эффективность, менеджериальная модель государственной службы, предполагающая определенный компромисс между должностными обязанностями и взаимодействиями с внешними заинтересованными группами, привела к снижению этической планки британских чиновников. Это в свою очередь вызвало необходимость принятия в 1996 г. кодекса поведения государственного служащего, установившего порядочность, честность, объективность, беспристрастность в качестве ключевых ценностей и норм в работе гражданского служащего короны. В марте 2008 г. вступил в силу конституционный акт «Закон о гражданской службе в Соединенном Королевстве», превративший базовые принципы морального кодекса в общеобязательные законодательные установления, регулирующие поведение чиновников. Таким образом, модель рациональной бюрократии, созданная Вебером в рамках его концепции власти, находит свое подтверждение в административной системе современной Великобритании с небольшой корректировкой на то, что в качестве регуляторов деятельности соответствующих должностных лиц служат не только законы, но и традиции, а также моральный кодекс. Современная политическая система Вели-

кобритании²⁴¹, сочетающая в себе три типа господства, как и во времена Вебера, способствует эффективному управлению страной.

С момента объединения Германии (1871) легально-рациональное господство неоднократно видоизменялось: «канцлер – правительство» (Германская империя), «рейхсканцлер – бюрократия» (Веймарская демократическая республика), «бундесканцлер – бюрократия» (ФРГ). Современное государственное устройство Германии во многом напоминает политическую систему Великобритании, так как данная страна непосредственно участвовала в формировании ФРГ. Сегодня должность бундеспрезидента носит в Германии резервный характер, фактически повторяя функции британского монарха, поэтому главой штаба управления считается бундесканцлер, чьи полномочия действительно обширны (право директивной компетенции). Федеральный канцлер назначается на должность после парламентских выборов подобно кандидатуре премьер-министра Великобритании, однако в отличие от него бундесканцлером может стать не лидер победившей партии, а только представитель объединенной коалиции из-за особенностей политической системы ФРГ. Для современной Германии характерна «трехпартийная» политическая система, в которой представлены партии ХДС/ХСС, СДПГ и, в первые за много лет, прошедших со времен окончания Второй мировой войны, АдГ. Фракция партии «зеленых», преодолевшая на выборах 1982 г. пятипроцентный барьер, не является серьезной политической силой в бундестаге для образования правительственной коалиции с ее участием. В свою очередь бундесканцлер определяет персональный состав правительства, основные направления его политики и несет за них персональную ответственность перед парламентом. Вотум доверия или недоверия парламент адресует именно главе правительства со всеми вытекающими из этого последствиями для его членов.

Министерскую бюрократию (штаб управления), состоящую из выпускников юридических факультетов, формируют немецкие земли. Она настолько сильна (о чем писал в свое время Вебер²⁴²) что конкурирует за власть с представителями правительства. «Идеология чиновничьего корпуса считает действительным руко-

---

²⁴¹ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 243.

²⁴² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 514.

водителем министерства не министра, а статс-секретаря — истинного гаранта административной и государственной преемственности»²⁴³.

В отличие от Великобритании, в которой состав министерских чиновников мал и строго регулируется парламентом, бюрократия Германии представляет собой сильную статусную группу с собственной групповой динамикой и стремлением к политическому доминированию. «Чиновничество имеет тенденцию из якобы нейтрального управляющего государственным интересами превратиться во властный фактор сильного, политического единства, с едва ли контролируемой собственной динамикой»²⁴⁴.

В своей работе «Хозяйство и общество» Вебер подробно описывает феномен бюрократизации, который не утратил своей актуальности и применительно к политической системе современной Германии. Именно для этой страны характерно обожествление представителей государственной власти (харизма должности²⁴⁵). «Одобрение княжеской власти предполагало готовность повиноваться распоряжениям ее представителей, не важно, насколько ничтожно было их положение и надменными их манеры. Готовность немцев стерпеть самое оскорбительное поведение любого, кто носил униформу или официальные знаки отличия, была тем самым, что всегда удивляло гостей с Запада»²⁴⁶.

Ю. Хабермас в своей теории общества²⁴⁷, широко используя анализ рационализации мышления, проведенный Вебером, резко критикует господство формальной рациональности в западном обществе, которая не только воплотилась в капитализме и бюрократизации административной сферы, но и привела к духовному кризису, выразившемуся в приоритете материальных ценностей над духовными и формировании «одномерного» человека. Если сфокусироваться на бюрократизации системы, то, по мнению Ю. Хабермаса, во второй половине XX в. она вышла за пределы экономической и политической подсистем и вторглась в сферы ком-

---

²⁴³ *Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 247.

²⁴⁴ Там же. С. 247.

²⁴⁵ *Weber M.* Economy and Society: an outline of interpretive sociology. Berkley: University of California Press, 1978. P. 1148.

²⁴⁶ *Крейг Г.* Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 10.

²⁴⁷ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. С. 380.

муникативной рациональности (сферы культурной преемственности). Это угрожает нормальному развитию общества, так как деперсонафикация и инструментальная рациональность создают легко управляемую массу и препятствуют развитию творческой индивидуальности. Немецкий философ полагает, что данную тенденцию можно преодолеть через «идеальную реконструкцию» общества на основе коммуникативной рациональности.

Итак, независимо от оценок бюрократии М. Вебером и Ю. Хабермасом, сегодня легально-рациональное господство в ФРГ представлено властью федерального правительства и бюрократического штаба управления.

Подобно Германии, в современной политической системе России отсутствует традиционное господство, однако в отличие от вышеупомянутой страны Президент наделен здесь значительными полномочиями. Так, в соответствии с Конституцией 1993 г. и поправками к ней Президент является главой Российской Федерации с шестилетним сроком полномочий. Для управления государством он наделен обширными функциями, такими как: право назначать премьер-министра, судей Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов, Генерального прокурора, председателя Центрального Банка, дипломатических представителей Российской Федерации за рубежом; право роспуска Государственной Думы и отставки правительства; право формирования своей Администрации; право законодательной инициативы. Являясь верховным главнокомандующим вооруженных сил Российской Федерации, Президент формирует и возглавляет Совет Безопасности и утверждает военную доктрину. Как видно из вышеприведенного набора президентских полномочий, тенденция к воспроизводству самодержавия в России сохраняется и в условиях современности. Так, Пивоваров и Фурсов считают, что «почти все социальные слои и группы в России движимы инстинктом восстановления “русской власти” (т. е. самодержавия. – *О.И.*), тогда как акторы, против нее выступающие (бояре, верховники, декабристы, кадеты, диссиденты), безжалостно выбрасываются на свалку истории»²⁴⁸.

Премьер-министр является вторым лицом в государстве после Президента и возглавляет Правительство, срок полномочий которого ограничен либо периодом пребывания соответствующего Прези-

---

²⁴⁸ Дубровцев В. А., Розов Н. С. Природа “Русской власти”: от метафор - к концепции // Полис. Политические исследования. 2007, № 3. С. 22.

дента у власти, либо его решением о преждевременной отставке состава данного органа исполнительной власти. В соответствии с Конституцией премьер-министр определяет основные направления деятельности Правительства, организует его работу, разрабатывает и обеспечивает исполнение государственного бюджета, проведение единой финансовой, денежно-кредитной политики, а также единой государственной политики в области культуры, науки, здравоохранения, образования, социального обеспечения и экологии. Он также ответствен за осуществление мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности, общественного порядка, борьбе с преступностью, поддержанию обороноспособности страны и управление федеральной собственностью.

В соответствии с федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации» № 119 от 31.07.95 г. Президент, Премьер-министр, судьи и депутаты относятся к должностным лицам категории «А», что в нашей классификации совпадает с категорией «политики». Формально власть в Российской Федерации устроена в соответствии с требованиями теории о разделении властей на исполнительную, судебную и законодательную. Депутаты, работающие в Федеральном Собрании: — Государственной Думе (450 депутатов) и Совете Федерации (по 2 представителя от субъекта Федерации), составляют третью «ветвь» власти. Государственная Дума играет ключевую роль в процессе законотворчества, а также исполняет ряд других функций: дает согласие Президенту Российской Федерации на назначение Премьер-министра, решает вопрос о доверии Правительству Российской Федерации, назначает на должность и освобождает от должности Председателя Центрального банка Российской Федерации, назначает на должность и освобождает от должности Председателя Счетной палаты и половину состава ее аудиторов, назначает на должность и освобождает от должности Уполномоченного по правам человека. Также Государственная Дума обладает правом импичмента в отношении действующего Президента, однако обвинение должно быть подтверждено заключением Верховного Суда и соответствующим заключением Конституционного Суда о соблюдении его процедуры.

В соответствии с вышеупомянутым федеральным законом только должностные категории «Б» и «В» в Российской Федера-

ции квалифицируются как государственные служащие (или бюрократы в терминологии М. Вебера). При этом государственные служащие категории «Б» назначаются по представлению должностных лиц категории «А» и обеспечивают исполнение полномочий данной категории должностных лиц. Замещение должностей категории «Б» ограничено сроком пребывания у власти должностных лиц категории «А». Категория «В» подразделяется на пять разрядов, причем доступ к государственной службе на основе экзаменов и конкурса документов возможен только для замещения должностей второго, третьего, четвертого и пятого разрядов. Ответственность за проведение конкурса-испытания, аттестацию и переподготовку государственного служащего возложена на кадровую службу соответствующего органа государственной власти. Следовательно, в российской политической системе представлены обе категории чиновников, которые, согласно типологии М. Вебера, соответствуют легально-рациональному типу господства, — являются агентами/актерами в условиях легально-рационального типа господства.

На основании вышеизложенного очевидно, что во всех рассмотренных случаях (Великобритания, Германия и Россия) на современном этапе развития всегда присутствует легально-рациональное господство, следовательно, сегодня это — основная структура властных отношений, так как она является воплощением рациональности (базовой капиталистической ценности) на практике. В рамках данной системы действия политического лидера и административного аппарата регламентируются законом и правилами, что делает их максимально предсказуемыми и направленными на результат — эффективное управление обществом. Национальные отличия (сохранение института конституционной монархии в Великобритании и сильная президентская власть в России) объясняются, как показывает вышеприведенный анализ, особенностями политической культуры и исторического развития соответствующих обществ.

Таким образом, из разработанной М. Вебером типологии господства только легально-рациональный тип реализуется во всех трех случаях, так как именно этот тип представляет собой институционализацию идеи формальной рациональности капиталистического общества. Следовательно, веберовская типология власти сохраняет практическую значимость для описания и

объяснения современной структуры власти исключительно в контексте легально-рационального господства. Харизматический и традиционный типы господства, представленные в разделах сборника М. Вебера «Хозяйство и общество», не подходят для объяснения современной структуры власти, так как являются крайними выражениями соответствующих категорий: первое представляет собой «революционизирующую» силу, второе (в последней версии сословного государства) — абсолютную монархию. Однако, ввиду того, что сегодня основу структуры власти большинства развитых стран составляет легально-рациональное господство и их системы более и менее стабильны, то одновременное присутствие харизматического и (или) традиционного господства возможно в их «смягченных» версиях политика по призванию (партийный лидер) и конституционной монархии соответственно.

2.2. Анализ принципов реализации политической власти

М. Вебер полагает, что для эффективного управления государством необходимо выполнение таких принципов, как: сочетание разных типов господства, наличие развитой (активистской) политической культуры общества, доступ во власть экономически восходящего класса. Также в качестве приоритетных направлений политики он называет формирование национальной идентичности для поддержания порядка внутри страны и экспансионистскую территориальную политику для увеличения ее международного престижа государства. В настоящем подразделе мы попытаемся определить познавательную эффективность принципов реализации государственной власти, сформулированных Вебером, в современных условиях.

В отличие от Германии и России Великобритания до сих пор гармонично сочетает три типа господства: традиционное, рационально-бюрократическое и харизматическое. Традиционное господство представлено властью монарха, рациональное — парламентом, правительством и соответствующими органами территориальной власти, харизматическое — партийным лидерством. Сам Вебер не раз обращается к опыту этой страны, для того чтобы предложить способы переустройства современной ему Германии и методы эффективного управления государством. В отличие от

Великобритании властные отношения в Германии представлены легально-рациональным и иногда харизматическим типами господства. Традиционный элемент власти отсутствует в результате революции 1918 г., явившейся реакцией на поражение в Первой мировой войне и нежелание кайзера уменьшить свои политические амбиции. В свою очередь организация политической власти в Российской Федерации в принципе отвечает требованиям теории разделения властей. Функцию символической интеграции нации в России выполняет Президент.

По мнению Вебера, развитая политическая культура общества также является залогом эффективного государственного управления. В целом в политической культуре Великобритании и Германии преобладает активистский компонент, однако эти страны прошли разные пути для ее формирования. Если в Великобритании демократическая политическая культура развивалась эволюционно, то в Германии – под воздействием внешних сил, с участием США и Великобритании (после поражения во Второй мировой войне), с последующей сменой поколений.

Г. Алмонд и С. Верба обозначили политическую культуру Великобритании термином «гражданская»²⁴⁹, так как в ней помимо рационально-активистской составляющей присутствует и традиционный компонент. Возможно именно поэтому основной формой политического участия для британцев являются выборы (82,5% из них участвуют во всеобщих выборах, а 68,8% избирателей – в местных выборах)²⁵⁰, в то время как в основном (за исключением редких случаев) они проявляют определенную пассивность, доверяя своему правительству решение насущных государственных вопросов. Англичане «спорадически вмешиваются» в политику, когда правительство своими решениями ущемляет их права²⁵¹. Так было в случае введения М. Тэтчер избирательного налога, устанавливавшего имущественный ценз для избирателей независимо от доходов для пополнения местных бюджетов. Нововведение было негативно встречено британцами, вызвав массовые митинги протеста, и в результате новый премьер-министр Дж. Мейджор был

---

²⁴⁹ *Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. P. 45.*

²⁵⁰ *Осинова Е. В. Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. 1992, № 4. С. 100.*

²⁵¹ *Dowse R., Huges J. Sporadic interventionists // Political studies. 1977. Vol. 25, N 1. P. 84–92.*

вынужден отменить данный налог. Добившись восстановления своих прав и убедившись, что непосредственной угрозы его интересам больше нет, англичанин вновь возвращается в лоно частной жизни.

В целом следует отметить, что население Туманного Альбиона исторически демонстрировало довольно высокую политическую активность, когда дело касалось попыток ущемления его прав со стороны правителей. Введение парламента, приглашение «удобных» монархов, ограниченных в своих правах законодательными установлениями, «Великая хартия вольностей» — результат политической активности подданных этого государства. В свое время Н. Мандела дал следующую оценку политической культуре Великобритании: «Вы должны помнить, что я был отдан в английскую школу, а в то время Британия была домом всего лучшего в мире. Я не свободен от того влияния, которое Британия, ее культура и история оказали на нас. Мы воспринимали ее как центр мира... Вы также должны помнить, что Британия — это родина парламентской демократии»²⁵².

Феномен повышенного интереса к вопросам политики и способность отстаивать свои права во взаимодействии с властью можно объяснить историческими особенностями формирования британской нации, с одной стороны, а с другой стороны, причину нужно искать в особенностях религии²⁵³, обуславливающей специфику мировоззрения. Так, М. Вебер полагал, что именно религия определяет основные различия в поведении наций. «И лишь неодолимое воздействие религиозных движений — не только оно, но оно в первую очередь — создавало те различия, которые мы ощущаем и поныне»²⁵⁴.

Христианская религия в ходе римского завоевания Британских островов распространялась там двумя путями: направлением миссионеров и пленением местных жителей с последующим их воспитанием в Риме. Папа Григорий Двоеслов был сильно удивлен созвучию между названием жителей одного из племен Туманного

---

²⁵² James L. The Rise and Fall of the British Empire. L.: Abacus, 1995. P. 638–639.

²⁵³ Плетнев А. В. Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4 (24) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-anomii-v-religioznoy-sfere-zhizni-postsovetskogo-obschestva> (дата обращения: 12.01.2018)

²⁵⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 49–50.

Альбиона, англами, и библейскими ангелами и предсказал этой стране большое будущее, а также оказывал им посильное покровительство. Католическая версия христианства была господствующей в Англии до середины XVI в., когда в результате бракоразводного процесса Генриха VIII и его жены, испанской принцессы Екатерины Арагонской, в 1534 г. была введена королевская суперматия и англиканская церковь приобрела статус государственной. В целом она сохранила обряды и структуру, свойственные католицизму, но перешла из подчинения Папы в подчинение королю Англии.

Пуритане сыграли значительную роль в приходе Елизаветы I к власти и этим обусловили дальнейшую реформацию государственной церкви в духе протестантских религиозных ценностей. В 1571 г. был принят англиканский символ веры (39 статей), представляющий собой смесь католицизма, кальвинизма и лютеранства. Однако недовольные половинчатостью проведенных церковных реформ пуритане (пресвитериане), основную часть которых составляла зарождающаяся английская буржуазия, настаивали на продолжении реформации, требуя полного очищения церковной организации и символа веры от остатков католического влияния. Они требовали отделения церкви от государства, отмены института епископства, выборности церковных служителей, введения свободной проповеди, признания Библии единственным источником веры. Однако их чаяниям было не суждено воплотиться, и сегодня англиканство в общих чертах сходно с тем, что было достигнуто в результате преобразований королевы Елизаветы I.

Если говорить о влиянии религии на политическое поведение граждан, то в случае с Великобританией нужно отметить, что именно кальвинистский элемент англиканства (отсутствие права исповеди и необходимость доказывать свою избранность методическим трудом) в большей степени обусловил политическую активность ее населения, в то время как лютеранская составляющая, характеризующаяся созерцательностью мировосприятия и покорностью в отношениях с властями, стала залогом ее политической стабильности. Одно из положений лютеранства, заимствованных англиканством, гласит, что Бог установил на Земле два порядка, которым нужно следовать и подчиняться: «духовный строй, создающий милостью Христа и святого духа христиан и благочестивых людей, и строй светский, охраняющий от нехристиан и дурных

людей, пусть называющих себя “чистыми”, дабы они подчинились и смирились, хотя бы и против воли»²⁵⁵.

Таким образом, политическая культура общества, сложившаяся в ходе его исторического развития и находящаяся под сильным влиянием религиозного фактора, оказывает несомненное влияние на организацию государственного управления. Опыт Великобритании служит ярким примером этого утверждения. «Двухпартийная система, терпимая политическая культура, эволюционное историческое развитие, право правительства распустить палату общин, роль монархии — все они считались классическими механизмами обеспечения политической стабильности государства и управления страной в духе Британии»²⁵⁶.

По уровню развития современная политическая культура Германии приблизилась к Великобритании и, в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы, может быть обозначена как гражданская, однако во времена Вебера в ней преобладали подданнические образцы поведения. Пассивность политического поведения населения Германии можно, с одной стороны, объяснить особенностями господствующих здесь христианских конфессий (лютеранской и католической). Так, например, католицизм поощрял пассивное мировосприятие; по мнению Вебера, «большая “отчужденность от мира”, свойственная католицизму, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его приверженцах известное равнодушие к земным благам»²⁵⁷. С другой стороны, подобная пассивность обуславливается особенностями исторического развития немецкой государственности. В XIX в. западные наблюдатели писали о политической культуре Германии: «У всякого народа своя движущая сила. В Германии — это повиновение; в Англии — свобода; в Голландии — торговля; во Франции — почитание короля»²⁵⁸. Немецкий социолог К. Зонтхаймер пишет: «Нет никакой общей немецкой политической традиции, и нет исторической преемственности политических учреждений Германии. Существуют лишь элементы традиций, обладающие разной силой в различные периоды в зависимости от внешних

²⁵⁵ *Исаенко А. В.* Английская королевская реформация XVI в. Орджоникидзе: СОГУ, 1982. С. 50.

²⁵⁶ *Осинова Е. В.* Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. 1992, № 4. С. 104.

²⁵⁷ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 23.

²⁵⁸ *Крейг Г.* Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 20.

условий»²⁵⁹. К таким элементам традиций, по его мнению, влияющим на политическую культуру населения Германии, относятся этатизм, аполитизм, идеализм, конформизм и формализм. «Немецкое политическое мышление с середины XIX в. рассматривало несформированное общество как противоположность сформированному государству. Оно считало государство не политической организацией общества, а неприкосновенным инструментом обеспечения и упорядочения общественных отношений»²⁶⁰.

Наряду с нейтральными традициями в сознании немцев присутствуют и иррациональные, агрессивные тенденции, вызванные представлением об особой миссии германского народа (национализм) и способах ее реализации (милитаризм). ФРГ удалось подавить иррациональное в политическом мышлении и поведении своих граждан и развить созидательный потенциал своего общества на основе демократических ценностей Запада. Совсем иная политическая культура сложилась в ГДР: ее формальная часть совпала с марксистскими ценностями, а реальная часть соответствовала аполитическим традициям немецкого общества. «По оценкам наблюдателей, общество ГДР выглядело “более германским” и “более родным” для немцев, чем быстрее модернизирующаяся и подверженная американизации Федеративная республика»²⁶¹. После объединения Германии ответственность за политическую социализацию населения Восточной Германии легла на более развитую ее часть (ФРГ), так что немецкое общество постепенно движется в направлении гомогенизации своей политической культуры и развития активистских образцов поведения. По мнению К. Зонтхаймера, политическая культура современной Германии может оцениваться как гражданская, т. е. в ней наряду с активистскими элементами присутствуют традиционные и подданные, так что по этому показателю Германия также приблизилась к Великобритании. Следовательно, еще одно условие М. Вебера для эффективного управления государством — развитая политическая культура — выполняется.

В отличие от Великобритании и Германии в политической культуре современной России преобладают пассивные ориен-

---

²⁵⁹ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 141.

²⁶⁰ Там же. С. 144.

²⁶¹ Там же. С. 155.

тации по отношению к власти, так как население считает единственным способом выражения своего мнения голосование на выборах²⁶². Данный уровень развития политической культуры объясняется исторической памятью населения России и особенностями господствующей религии²⁶³. *Во-первых*, исторические особенности формирования российского государства обусловили наличие в поведенческой культуре, в том числе и в политической культуре большинства населения, архетипов опекунства и иждивенчества, поэтому тип нашей культуры часто называется патерналистским. Современный исследователь истории России Т. Ф. Ермоленко считает, что «к началу XIX века патернализм уже был культурным архетипом, закрепленным в русском характере в качестве нравственного ориентира и действующим на подсознательном уровне»²⁶⁴.

Патернализм здесь рассматривается в контексте опекунства. Дело в том, что он возник в рамках патриархальной семьи, где глава рода (отец) был гарантом физического выживания семьи путем обеспечения ей защиты и пропитания, обладая при этом правом надзора за поведением остальных членов и наказания их в случае надобности²⁶⁵. Например, Домострой (сборник правил по обустройству повседневной жизни) обязывал главу семьи быть строгим и чаще наказывать своих неразумных детей для того, чтобы из них выросли достойные отпрыски. Характер отношений внутри патриархальной семьи постепенно распространился на крестьянскую общину, а затем и на государство. «До Петра, как правильно замечает Ключевский, в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общезжитии домохозяин юридически сливается со своим домом»²⁶⁶. Бог и царь воспринимались крестьянами (основная часть населения

---

²⁶² *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ, 1998. 368 с.

²⁶³ *Плетнев А. В.* Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб. 2010. № 124. С. 354.

²⁶⁴ *Ермоленко Т. Ф.* Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1999. С. 23.

²⁶⁵ *Игнатьева О. А.* (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией Красненко О. А.) Типы господства в политической культуре России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 506.

²⁶⁶ *Алексеев Н. Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958. С. 14.

России до 1917 г.) в качестве единственных защитников. Жалость, опекуновство, да и наказание были ожидаемыми и одобряемыми нормами поведения со стороны более разумных и сильных членов общества. «Нравственный ориентир, вытекающий из патриархальных семейных и общинных отношений, требовал от сильных помощи и сострадания слабым, невзирая на их личные приязни и неприязни»²⁶⁷.

Ожидание покровительства рождало противоположное состояние, отражавшееся на мышлении и поведении людей, — иждивенчество. Т. Ф. Ермоленко в своем исследовании «Патернализм в России» утверждает, что лень, пьянство, драки, неразборчивые половые связи, нищенство были нормальным состоянием для крестьянской массы на Руси, источником информации служили слухи, на основании которых складывалось мифологизированное представление о мире. Ю. С. Пивоваров обозначил эту часть русской субкультуры термином «ночная», т. е. содержащаяся в разрушительном компоненте бессознательного. «Дневная» субкультура, с характерным для нее рациональным восприятием мира, стала развиваться в России только в результате реформ Петра I, который открыл путь западному просвещению в нашу страну. Носителями этой субкультуры стали передовые слои дворянства и интеллигенции. Однако «низовые формы средневековой культуры и ментальности, установки и способы поведения отличались необычной стабильностью, цепкостью, сопротивлениями к изменениям. Поэтому то, что называется “народной культурой” не было чуждо образованной части общества»²⁶⁸. Носители передовой, элитарной культуры, к сожалению, так и не стали подавляющим большинством в царской России. Накануне революции 1917 г. крестьяне были самым многочисленным социальным слоем в России. Большевики сделали ставку на «ночную субкультуру» и выиграли: «Прочнее всех овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и к деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии»²⁶⁹.

---

²⁶⁷ Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1999. С. 59.

²⁶⁸ Там же. С. 58.

²⁶⁹ Пивоваров Ю. С. Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 153.

Таким образом, опекуновство и иждивенчество — это две стороны одной медали, характеризующие дисбалансом прав и обязанностей. Наша политическая культура, к сожалению, содержит обе эти ипостаси и в соответствии с классификацией Г. Алмонда и С. Верба относится к подданныческому типу. «Патерналистский характер идеала государственной власти сделал самодержавие единой на всех этапах истории России социокультурной формой... адекватной особенностям русского менталитета и своеобразием социокультурной динамики России... Послеоктябрьский период — самодержавие в перевернутом виде»²⁷⁰.

Во-вторых, принятие восточной версии христианства также отразилось на дальнейшем развитии нашей страны²⁷¹. Х. Рюс, А. Шмеман, Г. Флоровский считали, что восточная версия христианства включила Русь в европейский, т. е. христианский мир, в то время как П. Я. Чаадаев и Р. Пайпс полагали, что она отгородила Русь от западного пути развития, обусловила ее изоляцию и отсталость. Мы полагаем, что обе точки зрения оправданы. Далее нам предстоит ответить на вопрос, каким образом православная религия повлияла на положение нашей страны в мировом пространстве, и как она повлияла на внутривластное устройство нашего государства и поведение его населения.

Итак, начнем с того, что в период формирования государственности на территории бывших восточнославянских поселений перед первыми русскими князьями остро стоял вопрос о выборе государственной религии, которая могла бы послужить «духовными скрепами»²⁷² молодого государства. Княгиня Ольга, колеблясь между западной и восточной версией христианства, даже приглашала для крещения Руси представителей католицизма. Однако после их неудачной миссии сама она приняла византийскую версию христианства. Ее внук — святой Владимир — также стоял перед выбором единой государственной религии, сделав его в пользу православия. Конечно, в основе данного выбора были не

---

²⁷⁰ Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1999. С. 36–37.

²⁷¹ Pletnev A. V. Development of anomie in the religious sphere of postsoviet society // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-20-1 / ISSN 2367-5659, 24 - 30 August, 2017, Book 3, Vol 3, P. 184, DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.024

²⁷² Панарин А. С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 296.

мировоззренческие причины, а в первую очередь интересы укрепления княжеской власти и международного положения молодой страны. «Из цветущей Византии осенило нас святое православие; а там еще в то время не отжила свой век мудрость эллинская...; там, сквозь затейливые мудрования греческого ума еще пробивался в гражданском законе высокий смысл римской; там нередко любомудрие украшалось венцом царским...; туда уже в то время проникла роскошь Востока и обвилась около жизни христианской; наконец, власть государственная... уже образовалась там почти в святыню, уготовила разведение Востока христианского с Западом христианским»²⁷³.

От Византии Русь восприняла ортодоксальное христианство (т. е. православие), что по сути означало выполнение требования беспрекословного следования священному тексту и наличие аскезы (монастырской или мирской) для осуществления этого православного идеала. Один из современных поборников православия А. С. Панарин с горечью отмечает, что представители западного христианства (как католики, так и протестанты) именно в православном вероисповедании видят причину отсталости современной России. Он приводит их точку зрения в своей книге «Православная цивилизация в глобализирующемся мире»: «Русские подчиняют жизнь тексту и в этой вымученной ортодоксальности теряют чувство реальности и способность адаптироваться к ней»²⁷⁴. Нельзя не согласиться, что в этом утверждении есть доля истины, однако интересным остается тот феномен, что, несмотря на пристрастие православных к текстам, богословская традиция, берущая свое начало от Фомы Аквинского в католицизме и от Лютера и Кальвина в протестантизме, так и не получила своего распространения в православии. Здесь не было попыток переосмыслить текст священного писания, подвергнуть его критике, выявить истину, здесь так и не встретились «Бог рыбарей» и «Бог философов» — священники и народ «пробавлялись» «одной только нерассуждающей верой или, того хуже, пустым ритуалом»²⁷⁵.

Схизма 1054 г., обусловленная отличиями в трактовках священного текста, в отправлении религиозных ритуалов, в способах

---

²⁷³ Чаадаев П. Я. Отрывок из исторического рассуждения о России // Избранные сочинения и письма. М.: Наука, 1991. С. 238.

²⁷⁴ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 7.

²⁷⁵ Там же. С. 280.

познания Бога, послужила началом христианской раздробленности, распадением единой церкви на западную и восточную, католицизм и православие. Так, путь к Богу в ортодоксальной традиции пролегал не через разум, а через чувства: «В признанной истинно православной поздневизантийской мистике — исихазме — энергия бога воспринималась зрительно в виде света, излучавшегося вокруг местонахождения в теле человеческой души»²⁷⁶. Именно исихазма как безмолвное, пассивное созерцание и восприятие трансцендентности Бога, а также несогласие с западным христианством по поводу исхождения Святого Духа от Бога-сына послужили основными причинами схизмы.

Глава новой восточно-христианской церкви — патриарх — переехал в Константинополь под покровительство императора Византии. Так произошло сращение духовной и светской власти, ибо теперь наставник православных христиан, находясь на одной территории с их светским властителем, не был столь же свободен в своих действиях и поступках, как Папа Римский и его представители по отношению к королям Западной Европы. Подчиненное положение церкви еще больше укрепило сильную централизованную власть византийского императора. Ее величие в глазах подданных и иностранных гостей обычно подчеркивалось внешними эффектами — золотым дворцом, тронем, грамотами василевса, пышными приемами при его дворе. Долгое время в средневековой Европе только правитель Византии имел право носить императорский титул. «Императорские грамоты называли василевса главой народов всей ойкумены, а константинопольского патриарха — отцом всех христиан. Византийцы в силу этого осознавали себя особым, избранным свыше народом, а остальных называли варварами»²⁷⁷. Однако императорская власть в Византии не была сродни восточным деспотиям, так как ее ограничивал сильный бюрократический аппарат, который периодически устраивал государственные перевороты, а в последние столетия существования Византийской империи, окончательно погряз в праздности, дублировании полномочий и nepотизме. Культ сильной власти противостоял слабому развитию византийского общества. Во времена правления династии Палеологов (XV в.) ставка делалась на поддержку власти феодальной провинциальной знатью, ставились искусс-

---

²⁷⁶ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 35.

²⁷⁷ Там же. С. 12.

венные препятствия развитию ремесленных городов, экспорт превышал импорт. Экономически слабая Византия не смогла оказать должного сопротивления давлению с мусульманского Востока и в 1453 г. оказалась завоеванной и разграбленной турками.

Цивилизация погибла, но ее культурные традиции, воплощением которых являлись религиозная идеология, государственное устройство, право, искусство, организация повседневной жизни, были переняты и стали неотъемлемой частью культуры (в том числе и политической культуры) России. «Церковь на Руси была организована по византийскому образцу. Она зависела от светских властей, и это очень устраивало князей, стоявших на пути упрочения власти»²⁷⁸. Московская Русь становилась духовной наследницей Византии, перенимала ее мессианскую идею, заключающуюся в защите истинной веры от покушений со стороны как западных, так и восточных религиозных идеологий, т. е. наше государство приобретало цель, выдвигавшую его в один ряд с ведущими мировыми державами своего времени. При этом власть царя Московской Руси считалась священной, помазание на царство и принятие пострига перед смертью служили подтверждением его богоизбранности к управлению государством. Православная церковь всячески поддерживала status quo, переход же патриаршества от Константинополя к Москве в 1591 г. поставил ее в такое же положение, какое она занимала при византийском императоре. «Но, соединив судьбу с одной линией, всячески поддерживая ее, церковь незаметно сама оказалась во власти этой линии, поставила себя ей на службу, перестала быть “совестью” государства, чтобы превратиться постепенно в опору и почти инструмент московского империализма»²⁷⁹. Итак, по византийскому образцу при поддержке церкви на Московской Руси начинала складываться сильная централизованная власть одного лица — царя, превратившая Россию XVIII в. в полицейское государство, установившее тотальный контроль над всеми сферами жизнедеятельности общества. «Византийское помазание на царство, т. е. посвящение земного царя в служение христианское, русская церковь теперь применяла по отношению к полицейскому государству, принявшему форму западного абсолютизма»²⁸⁰. Фактически власть правителя в России

---

²⁷⁸ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 49.

²⁷⁹ Пивоваров Ю. С. Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 39–40.

²⁸⁰ Там же. С. 64.

более не ограничивалась действием христианских нравственных заветов, а помазание на царство, потеряв свою суть, оставалось пустым ритуалом, данью византийской традиции.

По мнению Т. Ф. Ермоленко, «православие в России — религия традиционного общества. В ней отразились нормы поведения, свойственные аграрной культуре»²⁸¹. Оно не было теорией, а скорее «ритмом» повседневной жизни, ориентированным на ритуал, суеверия преобладали над религиозным мистицизмом, при этом народная масса (крестьяне) сохраняла довольно прагматичный подход к восприятию Бога. Ортодоксальная традиция оформила и закрепила повседневное поведение власти (ее всемогущество и безнаказанность) и рабскую покорность остальных подданных, в том числе в политической сфере жизнедеятельности общества. «Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти так характерна для русского народа и русской истории. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа»²⁸².

В России социальная жизнь была «скована узким спиритуализмом и встречала лишь монастырскую суровость и рабское повиновение интересам государя... В один прекрасный день одна часть народа очутилась в рабстве у другой просто в силу вещей, вследствие настоятельной потребности страны»²⁸³. Незрелость мышления, суеверия и православная исихазма у большинства населения обусловили и поддерживали его пассивную покорность в отношениях с властью. «Исихастская экзогетика и народная мораль во многом совпадают. Что такое народное долготерпение, как не эквивалент исихастского священнобезмолвия. Западный народ с его повседневной страстью к публичности — это народ городской площади. Восточный православный народ — это народ христианской молящейся общины, посылающей свои мольбы в таинственную высь»²⁸⁴.

С. Хантингтон выделяет следующие типы культур, которые затрудняют возможность демократизации политической системы.

---

²⁸¹ Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1999. С. 30.

²⁸² Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. С. 24.

²⁸³ Чаадаев П. Я. Философские письма // Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 306.

²⁸⁴ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 285.

Во-первых, это относится к бывшим республикам СССР и странам Балканского полуострова, которые исторически находились под управлением авторитарных политических режимов (царской и Османской империи) и были носителями православного и исламского религиозного мировоззрения. В западной политологической мысли сложилась традиция отделять страны, склонные к демократическим политическим ценностям, и страны, противостоящие им. Линия раздела «проходит между Финляндией и Россией, восточными границами Балтийских республик, через Белоруссию и Украину, отделяя западную католическую Украину от восточной православной, юг от запада Румынии, отрезая Трансильванию от остальной части страны и через Югославию, отделяя Словению от Хорватии»²⁸⁵.

Таким образом, православие (ортодоксальная религия) сыграло выдающуюся роль в формировании российской государственности. С одной стороны, это было положительное влияние, так как принятие восточной версии христианства делало молодое языческое государство не просто частью христианского мира, его окраиной, но наперсницей и в дальнейшем преемницей великой Византийской империи. Мессианская идея «Москва — третий Рим» (XVI в.) на долгие годы обусловила политические амбиции и внешнеполитический курс Российского государства. Но, с другой стороны, заимствование православия сильно отразилось на характере мышления и поведения населения нашей страны, в том числе и в политической сфере. К сожалению, влияние византизма на внутривосточную жизнь общества было скорее негативным, чем позитивным. «Раб!.. Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина?.. Откуда у нас действие религии наоборот? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся!»²⁸⁶.

Для стабильного функционирования демократической системы в России необходимо развитие политической культуры общества в направлении восстановления баланса взаимных прав и обязанностей, а для этого необходима политическая социализация и смена поколений. «Политическая социализация в широком смысле этого слова означает политически релевантный аспект об-

---

²⁸⁵ *Huntington S.* The third wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1991. P. 300.

²⁸⁶ *Чаадаев П. Я.* Философские письма // Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 60–61.

щей социализации, который возникает вследствие того, что между всеми подсистемами общества существуют определенные связи. Она выражается прежде всего в политической идентичности, либо в принципиальной конформности системе, либо в критическом отношении к ней»²⁸⁷.

М. Вебер полагал, что для успешного управления государством также необходимо, чтобы элита, стоящая у власти, соответствовала экономическому и политическому этапу развития данного общества, т. е. если общество является феодальным, то у власти должны быть феодалы, а если капиталистическим (индустриальным), то политическую элиту должны составлять капиталисты. Автор индустриально-технологической теории общества Д. Белл считает, что сегодня страны Запада достигли уровня развития постиндустриальных (информационных) обществ. Следовательно, их правящей элитой должны быть интеллектуалы. Анализ нынешнего состава правительства²⁸⁸ Т.Мэй по состоянию на июнь 2017 г. подтверждает эту позицию. Действительно, большинство членов текущего кабинета министров Великобритании являются выходцами из образованного среднего класса («белых воротничков», ученых), имеют ученую степень и ряд научных публикаций.

Требование Вебера о нахождении у власти экономически влиятельного социального класса как одного из решающих условий повышения эффективности управления обществом в случае с современной Германией оценить сложно. Однако это положение во времена немецкого ученого не выполнялось, так как при высоком уровне индустриального развития система управления немецким обществом носила архаический характер, т. е. у власти стоял класс юнкеров, переживавший в то время экономический упадок²⁸⁹. Современный отечественный исследователь А. И. Патрушев пишет, что во Втором рейхе «мощной и передовой экономической системе и соответствовавшей ей общественной структуре противостояла архаическая политическая система авторитарно-корпоративного типа»²⁹⁰. Несомненно, что сегодня по уровню экономического развития ФРГ находится на стадии постиндустриального общества,

---

²⁸⁷ Головин Н. А. Теоретико-методологические основы политической социализации. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2004. С. 30.

²⁸⁸ [Сайт правительства Великобритании]. URL: <http://www.cabinetoffice.gov.uk>

²⁸⁹ Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 36.

²⁹⁰ Патрушев А. И. Германия в XX веке. М.: Дрофа., 2004. С. 314.

а вот соответствует ли этой стадии состав правительства, т. е. входят ли туда дипломированные интеллектуалы, сказать сложно. Дело в том, что в отличие от Великобритании, где на сайте кабинета министров указывается подробная информация (биография) о каждом члене, информация о шестнадцати министрах, составляющих правительство ФРГ, крайне сжата — указывается только принадлежность к политической партии и занимаемая должность²⁹¹.

Современные исследователи политической элиты России Ю. И. Дроздов и С. И. Илларионов считают, что «элитарность людей в России сегодня определяется в основном их материальным богатством»²⁹². Согласно теории М. Вебера, эффективное управление государством возможно только в том случае, если тип правящей элиты соответствует типу общества, которым она управляет. Если Россия является частью глобализирующегося пространства, то ее общество является информационным, а следовательно, у власти должны находиться интеллектуалы (по формальному признаку — люди, обладающие научными степенями). В целом следует отметить, что данное положение теории М. Вебера является спорным, так как наличие ученой степени или принадлежность к династии интеллектуалов не всегда влияет на содержание политики, а суть капитализма остается неизменной во всех рассмотренных случаях.

Приоритетные направления политики национального государства, по мнению Вебера, — формирование общей национальной идентичности и расширение территории²⁹³. Как реализуются данные направления сегодня? Например, в Великобритании отсутствует государственная политика, направленная на формирование единой нации, так как англичане представляют собой довольно сплоченную этническую группу, складывание которой в целом завершилось к XI в. н.э., когда власть, а, следовательно, и элитные позиции в обществе захватили представители французских норманнов. Эта нация образовалась в процессе ассимиляции коренных жителей британских островов (пиктов и скоттов) с переселен-

²⁹¹ [Сайт правительства ФРГ] URL: <http://www.bundesregierung.de>

²⁹² Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. М.: РИЦ «Профэко», 2007. С. 166.

²⁹³ Игнатьева О. А. Особенности формирования национальной идентичности на примере Великобритании, ФРГ и России // Молодой ученый. 2017. №12. С. 478. [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/146/41040/> (дата обращения: 12.02.2018).

цами (кельтами) и завоевателями из северных областей Европы (англами, саксами и скандинавами). И сегодня ее представители демонстрируют перед представителями других этносов особую гордость за принадлежность к британской нации. «Англичане живут во всех частях земного шара... но во всех странах мира, от суровой Канады до роскошной Индии, англичанин ведет жизнь по обычаям своего отечества, везде он — английский патриот, и везде его помыслы и чувства сосредоточены на Англии»²⁹⁴.

Само понятие «британский» используется с начала XVIII века и выполняет ту же функцию, что «понятие “римский”... в условиях культурного и этнического разнообразия Римской империи»²⁹⁵, а термин «Британское Содружество Наций» введен в 1926 г. на имперской конференции доминионов, на которой было признано, что Великобритания и ее доминионы — «суть автономные государственные единицы внутри британской империи, равные по статусу, ни в каком отношении не подчиненные одна другой в каком бы то ни было смысле в их внутренних и иностранных делах, хотя и объединенные общим подданством короне и свободно объединившиеся в качестве членов Британского Содружества Наций»²⁹⁶. Международное единство британцев и их бывших доминионов поддерживается за счет английского языка, общности образования англоязычной элиты и религии. «Единство колонистов как протестантов не в меньшей мере, чем их единство как англичан, позволило создать Канаду и Австралию, Южно-Африканский Союз и Новую Зеландию».²⁹⁷

Однако сплоченность британского общества по этническому признаку как внутри Туманного Альбиона, так и за его пределами явление скорее кажущееся, нежели действительное. Дело в том, что взаимоотношения четырех ключевых наций (англичане, шотландцы, уэльсцы и ирландцы) британской идентичности не свободны от внутренних противоречий и конфликтов. Ситуацию обостряет и поток эмигрантов из стран Африки и Азии. Согласно переписи населения, проведенной в Соединенном Королевстве в 2001 г.

---

²⁹⁴ *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. С. 171.

²⁹⁵ *Оситова Е. В.* Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. 1992, № 4. С. 97.

²⁹⁶ *Мелкумов А. А.* Канадский федерализм: теория и практика. М.: Экономика, 2006. С. 169.

²⁹⁷ *Сухоруков А. В.* Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и Новейшая история. 2006, № 5. С. 84.

7,9% населения страны относят себя к группе национальных меньшинств. При этом почти 50% этнических меньшинств (индийцы, пакистанцы, темнокожие представители стран Карибского бассейна и Африки, уроженцы Бангладеша) проживают в Лондоне. Следовательно, сегодня понятие «британец» отражает не принадлежность к однородной этнической группе, а скорее носит мультикультурный характер. Понятие «этническая идентичность» не тождественно понятию этнического многообразия, следовательно, попытка «построить сплоченное общество, создать национальную британскую идентичность с помощью мультикультурализма, который в Британии предполагает расцвет этнического многообразия, затруднительна»²⁹⁸. Таким образом, формирование единой нации (англичане, британцы), осуществленное на ранних этапах становления британского общества, сегодня приобретает новые оттенки, связанные с необходимостью поиска компромисса между явлением мультикультурализма — являющимся «устойчивым атрибутом современных государств»²⁹⁹ — и однородной национальной идентичностью.

В Германии, наоборот, большое внимание уделяется вопросам национальной идентичности в силу исторических особенностей становления немецкой государственности³⁰⁰. Так, во времена Вебера формирование единой нации было насущной задачей в связи с недавним образованием единого немецкого государства (1871). Вновь созданная германская империя состояла из 25 самостоятельных политических субъектов (четырёх королевств, шести великих герцогств, четырёх герцогств, восьми княжеств и трех вольных городов — Гамбурга, Бремена и Любека), т. е. единой национальной идентичности в сознании немцев, переживших несколько веков разрозненного существования, не было. Ее отсутствие восполняла принадлежность к общностям, процветавшим в немецкой глубинке в XVIII–XIX вв.: «Их обитатели компенсировали изолированность от веяний и интересов более крупных

---

²⁹⁸ Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 221.

²⁹⁹ Там же. С. 215.

³⁰⁰ Игнатьева О. А. Влияние межэтнической коммуникации на национальную идентичность и внешнюю политику государства // Концепт (МГИМО). 2017. № 3 (3). [Электронный ресурс]. URL: http://concept.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=253&catid=95&Itemid=813&lang=ru (дата обращения: 12.01.2018)

обществ сильным местным самомнением, чувством единства и ... общительностью, что нашло выражение в их семейных радостях и совместных праздниках и развлечениях; вместе отмечали годовщины, справляли именины и участвовали в деятельности несметного числа организаций, членами которых они были: церковных обществ, хоров, музыкальных ансамблей, клубов любителей игры в скат и кегли и тому подобного»³⁰¹.

Отсутствие единой национальной идентичности, этническая раздробленность сохранялись в Германии и в период Третьего рейха. Быть может, идея немецких философов об особой миссии немецкого народа, перехваченная и популяризированная руководством НСДАП, была той самой попыткой компенсировать нехватку чувства единой нации и создать иллюзию таковой. Немецкий историк Р. Вагнер пишет: «В своей тоске по “немецкой славе” немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного реставрации Римской империи»³⁰². Поражение Германии во Второй мировой войне, как ни парадоксально, несколько облегчило задачу формирования единой национальной идентичности у немцев. Переселенцы со всех районов Германии, гонимые нуждой в промышленно развитые центры, создавали базу для национальной гомогенизации немецкого общества. «Миллионы беженцев стерли прежде еще довольно резко выраженные наследственные профили швабов или баварцев, нижнесаксонцев или гольштинцев и тем самым частично лишили германский федерализм его традиционной этнической базы»³⁰³.

Бурное развитие промышленности ФРГ в послевоенные годы породило тенденцию к приглашению временных низкооплачиваемых и зачастую низкоквалифицированных работников (гастарбайтеров) из менее развитых стран (например, Турции). Однако последним так и не удалось разделить единую национальную идентичность с коренными немцами. «Нельзя не заметить, что новая группа населения осталась в германском обществе более или менее чужеродным телом. Ее судьбой стало занимать наименее привлекательные рабочие места и жить в таком социальном окружении, которое не очень-то дружески настроено по отношению

---

³⁰¹ Крейг Г. Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. С. 21.

³⁰² Там же. С. 23.

³⁰³ Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 114.

к иностранцам»³⁰⁴. В целом немецкая политика по национальным вопросам в отличие от Великобритании не поощряет развитие мультикультуралистских тенденций и носит однозначный характер: «Ассимилируйся или уезжай!»³⁰⁵. Иностранцы, наряду с инвалидами, одинокими стариками и бездомными, в Германии относятся к маргинальным группам. Таким образом, положение Вебера о формировании единой нации как залого существования стабильного государства находит свое отражение в национальной политике современной Германии.

Задача формирования единой нации для эффективного управления государством, обозначенная М. Вебером в его концепции власти, для Российской Федерации приобрела особую остроту после распада Советского Союза в связи ликвидацией объединяющей коммунистической идеологии и, как следствие, обострившимися сепаратистскими тенденциями. Сегодня политика, направленная на сохранение общей национальной идентичности, реализуется посредством укрепления вертикали власти и принципа федерализма, однако поиски теоретической базы для укрепления национальной идентичности продолжаются.

В целом русская идентичность сложилась много веков назад из представителей разных этносов, населявших обширную территорию нашей страны. Быть русским не означает быть им по крови, но скорее отражает принадлежность индивида к российскому государству, т. е. в нашем случае национальная идентичность совпадает с гражданской идентичностью, и это объясняется несколькими причинами: общее имперское и советское прошлое, традиционный коллективизм.

Совместное проживание народов на общей территории в течение продолжительного периода времени — это только материальный факт, история же единой нации начинается тогда, когда появляется идея, отражающая ее призвание. «Настоящая история этого народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить, и когда начнет выполнять ее с тем настойчивым, хотя и скрытым

---

³⁰⁴ *Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 120.

³⁰⁵ *Антонова В.К.* Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 222.

инстинктом, который ведет народы к их предназначению»³⁰⁶. Православные ценности и мировоззрение, пришедшее из Византии, стали основным связующим звеном русского этноса и определили его назначение на ранних этапах становления государства Российского. «Наша идентичность в качестве Святой Руси и определилась в XV веке в форме народа-защитника православного идеала, который больше некому охранять»³⁰⁷.

Со временем русская национальная идея, отражающая предназначение нашей нации, периодически видоизменялась. В период правления Николая I она была представлена известной уваровской формулой «православие, самодержавие, народность», в советский период ее заменили идеей строительства «светлого коммунистического будущего», а на смену православной идеологии пришла коммунистическая. Однако после распада Советского Союза ушла и эта версия, оправдывающая существование российского общества, и в нем наметились сепаратистские тенденции³⁰⁸. В девяностые годы проблема поиска национальной идеи как совокупности ценностей, присущих определенному этносу, для Российской Федерации стала одной из ключевых. Национальная идея — «это идея территориальной общности, сформированной в рамках всего политически организованного общества. Это идея нации-государства. Ею не могут быть ценности какой-либо одной этнической общности»³⁰⁹. Сегодня концепция единой национальной идеи так и не сформирована, но существуют ее варианты. Остановимся на двух из них. Одни исследователи (А. Н. Вырщиков, К. М. Никонов) считают, что русская национальная идея, как связующий фундамент российского постсоветского общества, должна отождествлять гражданский патриотизм, основными ценностями которого являются державность, социальная ориентированность, духовность, просвещенность, историческая преемственность³¹⁰. Другой

---

³⁰⁶ Чаадаев П. Я. Отрывок из исторического рассуждения о России // Избранные сочинения и письма. М.: Наука, 1991. С. 234.

³⁰⁷ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 47.

³⁰⁸ Плешнев А. В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №6 (50), 2015. [Электронный ресурс] URL: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/6538/pdf_1085 (дата обращения: 12.01.2018)

³⁰⁹ Пак Г.Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов: Изд-во СГТУ, 1998. С. 75.

³¹⁰ Вырщиков А. Н., Никонов К. М. Российская национальная идея. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. С. 103.

исследователь — выдающийся российский социолог Г. В. Осипов полагает, что русская национальная идея должна состоять из идеи духовности как «приоритета нравственного начала в общественной жизни», идеи народовластия как «противовеса президентскому авторитаризму», идеи державности, как «подтверждения того, что Россия еще обладает творческим потенциалом»³¹¹. Таким образом, представители научного сообщества современной России уже третье десятилетие пытаются выработать универсальную национальную идею, которая поможет объединить наше общество, создать единую нацию из многонационального конгломерата и укажет направление социального развития в соответствии с историческим предназначением нашей страны.

Территориальная политика, по мнению М. Вебера, обязательно должна носить экспансионистский характер, однако содержание данной идеи является анахронизмом, так как в отличие от империалистической стадии развития капитализма, современный этап характеризуется глобализацией экономических процессов, поэтому вместо территориальной экспансии сегодня процветает экономическая и культурная. Так Великобритания с этой целью объединилась в союз с другими государствами — Содружество (Commonwealth), а также способствует развитию транснациональных корпораций. В целях защиты от внешнего врага Британия также входит в блок НАТО.

Британское содружество наций пришло на место Британской империи, с целью сохранения прежних социально-экономических связей. «Новое содружество должно было унаследовать широкий комплекс взаимосвязей, существовавших внутри империи, фактически империя должна была продолжить свое существование под изменившейся вывеской»³¹². В рамках этого объединения Лондон сохранил свой статус главного финансового центра, а для реализации совместных программ там же был создан фонд Содружества и органы его управления (конференция глав правительств, секретариат). В 1992 г. Дж. Мейджор подписал Маастрихтские соглашения, на основании которых Великобритания становилась членом Европейского союза (ЕС). Однако дальнейшая интеграция в данное объединение стран была заблокирована Лондоном, Соеди-

---

³¹¹ *Осипов Г. В.* Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 140.

³¹² *Субботин В. А.* Великобритания и ее колонии. Тропическая Африка в 1918–1960 гг. М.: Наука, 1992. С. 223.

ненное Королевство не вошло в единую валютную зону. В 2016 г. Великобритания и вовсе инициировала процесс выхода из ЕС, известный как Brexit.

Для распространения своего экономического влияния Британия также широко использует создание транснациональных корпораций (например, «Бритиш Петролиум», «Шелл» и «КПМГ ЛИМИТЕД»³¹³). Кроме того, экспорт английского языка и, как следствие, английской культуры давно стал статьей дохода для поданных Короны и привел к росту авторитета страны в международных масштабах. «Необходимость владения английским языком для представителей властной и экономической элиты сохранилась, так как английский язык благодаря последовательной гегемонии США и Великобритании в мировой экономике и политике стал языком делового, культурного, интеллектуального, политического общения»³¹⁴. Однако проблема территориальной защиты государства все же существует, и решается она посредством членства в разных военных блоках и международных организациях. Например, Великобритания является членом НАТО и ООН, при этом именно Североатлантический альянс, а также более тесные отношения с англосаксонскими странами (особые отношения) являются гарантом ее безопасности и стабильности.

НАТО был создан в 1949 г. как «трансатлантический форум» для проведения странами-участницами консультаций, затрагивающих жизненно важные интересы его членов и обеспечения сдерживания любой формы агрессии в отношении территории государства-члена НАТО или защиты от нее. Впервые данная миссия НАТО была реализована после террористической атаки на штаб-квартиру ВТО и другие объекты в США 11 сентября 2001 года. Сегодня Великобритания видит новую угрозу безопасности членам Североатлантического альянса со стороны России. После кавказских событий августа 2008 г. (распад Грузии), британская сторона выступила с инициативой создания постоянного трехтысячного военного контингента при НАТО с целью охраны территорий восточноевропейских стран.

Англосаксонские страны, имеющие общее историческое и культурное прошлое, связаны в рамках Североатлантического

---

³¹³ Международная финансово-аналитическая корпорация со штаб-квартирой в Лондоне.

³¹⁴ *Сухоруков А. В.* Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и Новейшая история. 2006, № 5. С. 84.

альянса более тесными отношениями друг с другом, чем с другими странами — членами НАТО. Впервые термин «особые отношения» был использован У. Черчиллем в 1946 г. для характеристики исключительно тесных связей между США и Соединенным Королевством в политической, дипломатической, культурной и исторической сферах, однако постепенно он охватил весь «союз англоговорящих». Главное место в «особых отношениях» занимало сотрудничество в сфере военного планирования, выполнения военных операций, разведки и разработки технологий ядерного вооружения. Характер особых отношений менялся в зависимости от личных отношений между политическими лидерами Великобритании и США. Своего расцвета они достигали во времена лидерства Г. Макмиллана и Дж. Кеннеди, а также М. Тэтчер и Р. Рейгане. Самыми плохими эти отношения были при Г. Вильсоне и Л. Джонсоне, когда Великобритания отказалась оказать США военную помощь во Вьетнаме, а также при А. Идене и Д. Эйзенхауэре, когда США не оказал поддержку Британии в урегулировании Суэцкого конфликта. Недавней демонстрацией особых отношений на практике была безоговорочная поддержка бывшим премьер-министром Великобритании Т. Блэром военного вторжения США в Ирак.

Исторический опыт агрессивной внешней политики Второго и Третьего рейха показывает несостоятельность теоретического положения Вебера о повышении международного престижа страны путем захвата территорий соседних государств. В первом случае результатом такой политики стало исключение Германии из Лиги Наций и принятие обязательств по выплате контрибуций. Во втором случае Германия потеряла государственный суверенитет и едва не превратилась в сырьевой придаток стран-победительниц. Исходя из этого, сегодня Германия предпочитает проводить мирную внешнюю политику, направленную на защиту внутреннего территориального суверенитета и на интеграцию в международные экономическое, политическое и военное сообщества. Так, ФРГ является равноправным членом Европейского союза (1957), ООН (1973), НАТО (1955), ОБСЕ, ВТО, МВФ и Большой семерки (1975). Таким образом, положение Вебера о необходимости территориальной экспансии на примере Германии не выполняется, так как ныне это государство проводит мирную внешнюю политику.

Российская Федерация также не проводит экспансионистской внешней политики, а решает задачи обеспечения территориальной безопасности и увеличения политико-экономического влияния посредством членства в ряде международных организаций и своей доктрины национальной безопасности. Она образует альянсы как с бывшими республиками СССР (СНГ, Союзное государство Российской Федерации и Белоруссии, ОДКБ, ЕАЭС), так с нейтральными государствами (БРИКС, ШОС), и с бывшими политическими оппонентами (ООН, ОБСЕ, Россия – НАТО, Постоянный совет партнерства Россия – ЕС).

Так, Содружество Независимых Государств (СНГ) было создано 8 декабря 1991 года после распада Советского Союза для сохранения исторически сложившихся связей между бывшими советскими республиками (за исключением стран Балтии). Его целями являются обеспечение безопасности (в том числе путем совместной охраны внешних границ), формирование и поддержание общего экономического, таможенного и культурного пространства, координация социальной и миграционной политики. «На начальном этапе после распада Советского Союза Москва рассматривала бывшие советские республики в качестве первоочередного приоритета. Она начала обеспечение российской экономической экспансии в страны СНГ в попытках приобрести высокодоходные активы и усилить свое политическое влияние»³¹⁵. Союзное государство в свою очередь является более тесным межгосударственным объединением, в которое входит Россия и Белоруссия. Фактически это конфедеративное объединение с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим и культурным пространством. ОДКБ (Организация Договора Коллективной Безопасности), включающая Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан, предназначена для координации и объединения усилий в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом, распространением наркотиков. Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС) представляет собой международную экономическую организацию, наделенную функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее государств (Белоруссия, Казахстан, Кир-

---

³¹⁵ Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. М.: РИЦ «Профэко», 2007. С. 188.

гизия, Россия, Армения), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и других составляющих функционирования общего рынка.

В 2001 г. Россия вошла в молодое и динамически развивающееся объединение БРИК наряду с Бразилией, Китаем и Индией. Общим для членов БРИК является наличие дешевых ресурсов в области сельского хозяйства (Бразилия), полезных ископаемых (Россия), интеллектуальных ресурсов (Индия), рабочей силы (Китай). В 2011 г. к объединению присоединилась ЮАР, и с тех пор оно стало именоваться БРИКС. По оценкам ряда международных экспертов к 2050 г. суммарный объем экономик этих стран сможет превысить суммарный размер экономик стран большой семерки, а, следовательно, это объединение будет серьезным конкурентом для стран «золотого миллиарда».

Шанхайская Организация Сотрудничества (Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан) создана в 1996 г. для формирования в Азии противовеса мировой политической гегемонии США. Ее члены сотрудничают в сфере обеспечения безопасности, совместного развития экономик путем создания зон свободной торговли и взаимного инвестирования.

В формировании ООН и ОБСЕ как органов, отвечающих за международную и региональную безопасность соответственно, непосредственное участие принимал СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация. Присоединение же России к крупным международным организациям, объединяющим бывших идеологических противников СССР, являлось инициативой Запада с целью развития нашей страны в духе демократических ценностей. «Присоединение России к G7 было сделано, чтобы связать Москву с Западом политически и сблизить их лидеров. Предполагалось также, что совет Россия – НАТО будет согласовывать вопросы безопасности и обеспечивать военные реформы России. Общие точки соприкосновения России и ЕС были созданы для того, чтобы привязать Россию к Европе экономически, социально и политически»³¹⁶. В связи с вхождением в 2014 г. Крыма в состав России членство Российской Федерации в Большой семерке, которая теперь называется снова Большая семерка и в объединении Россия–НАТО приостановлено.

---

³¹⁶ Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. М.: РИЦ «Профэко», 2007. С. 185–186.

Наряду с членством в международных организациях Российская Федерация уделяет немало внимания увеличению своего международного влияния в сфере экономики. Следуя общемировой тенденции, она также пытается создать свои транснациональные корпорации, пока преимущественно в нефтегазовых и других добывающих отраслях. «Российская элита стремится к тому, чтобы российские корпоративные гиганты стали транснациональными»³¹⁷. Сегодня российская компания «Газпром» является крупнейшим поставщиком газа в мире.

Баланс государственной власти в большинстве современных политических систем основан на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. До некоторой степени данный принцип совпадает с принципом организации власти посредством комбинирования веберовских типов господства, поскольку парламент, т. е. законодательная власть, по мнению М. Вебера, является единственным органом, способным сдерживать как бюрократический аппарат, так и государственного лидера при осуществлении ими управленческих функций. Его работа «Социализм», а также политическая практика стран Восточной Европы в XX в. подтверждают обоснованность его выводов о необходимости парламента для ограничения власти бюрократов. Однако далее взгляды Вебера расходятся с теорией разделения властей, так как в качестве следующих уравнивающих факторов он выделяет политического лидера, наделенного харизматическими качествами, и институт монархии.

Подводя итоги данного раздела, можно сделать вывод, что в Германии, Великобритании и России на рубеже XX–XXI вв. периодически возникает сочетание легально-рационального господства и «умеренной» версии харизматического лидерства, поскольку такая форма организации власти способствует эффективному управлению государством: лидер задает направления политики, а бюрократия их реализует. Институт конституционной монархии сохраняется из числа рассмотренных государств только в Великобритании, что объясняется особенностями ее политической культуры, а именно стремлением сохранять наиболее удачные политические традиции (депутатские сессии в Палате общин и институт монархии как символ единства страны). Вебер в свое время

---

³¹⁷ Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. М.: РИЦ «Профэко», 2007. С. 189.

также надеялся воспроизвести британское политическое устройство в Германии («Парламент и правительство в новой Германии»), однако революция 1918 г. помешала его планам. Несмотря на это, по мнению немецкого социолога К. Зонтхаймера, бундспрезидент выполняет те же представительские и третейские функции, что и британский монарх, за исключением права наследования должности. Следовательно, для описания и объяснения структуры власти в современном обществе полностью релевантным является только принцип сочетания легально-рационального с умеренной версией харизматического господства (партийное лидерство).

Актуальность принципа развития активистской политической культуры общества, выдвинутого Вебером в работе «Национальное государство и народнохозяйственная политика», подтверждается как политической практикой Великобритании и Германии, так и многочисленными исследованиями (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, С. Хантингтон и др.), посвященными данной проблеме, поскольку политическая культура влияет на стабильное функционирование демократической политической системы.

Принцип наличия экономически восходящего класса в правящей элите общества можно трактовать как идею о необходимости обновления ее состава (принцип циркуляции элит Г. Моска). В рассмотренных странах этот принцип выполняется, поскольку в правительстве присутствуют интеллектуалы, прогрессивный социальный класс информационной стадии развития капиталистического общества.

Политика, направленная на формирование общей национальной идентичности, проводится в Германии и России, что объясняется историческими особенностями развития этих государств, выраженными в их федеративном устройстве. В современной Великобритании активной национальной политики не проводится, так как британская идентичность была сформирована в период существования Британской империи. Сегодня она сознательно поддерживается большинством британцев, так как дает им определенные экономические преимущества по сравнению с представителями других стран.

Таким образом, познавательной эффективностью обладают принципы комбинирования типов господства (легально-рационального и харизматического), развития активистской политической культуры, обновления правящей элиты посредством экономи-

чески восходящего класса и проведения политики, направленной на поддержание единой национальной идентичности, поскольку они подтверждаются политической практикой современных стран на примере Великобритании, Германии и России. При этом экспансионистская территориальная политика, за которую ратовал Вебер, отражает империалистическую стадию развития капиталистического общества на рубеже XIX–XX вв., поэтому данное теоретическое положение является устаревшим. Международный престиж рассматриваемых стран поддерживается за счет членства в международных организациях, а также экономической и культурной экспансии.

2.3. Этические аспекты осуществления политической власти

Заслуга М. Вебера, несомненно, заключается в том, что он впервые ввел в научный оборот понятие об этике ответственности политической власти. Однако на современном этапе мирового развития его содержание значительно изменилось и оказалось трудносопоставимым с первоначальным: напомним, что выдающийся ученый возлагал ответственность за выбор цели и средств политики исключительно на одного человека. Сегодня проблема нравственной ответственности политической власти приобретает более весомый характер, чем во времена Вебера, — она выходит на глобальный уровень. Ныне целесообразно говорить как об этике ответственности национальной власти (т. е. государственной власти), так и глобальной этике ответственности международного сообщества за сохранение и развитие нашей общей среды обитания. Но если этика транснационализма находится на стадии разработки, то государственная этика ответственности уже сложилась и является частью повседневной политической практики. Например, на уровне отдельно взятого общества можно выделить формальную (наличие кодексов государственных служащих) и фактическую (наличие социальных программ поддержки населения) стороны этики политической ответственности. Попробуем оценить актуальность содержания этики ответственности власти, предложенной М. Вебером, с позиций современной политической практики Великобритании, Германии и России.

По мнению Вебера, выбор между целями и средствами политики в рамках этики ответственности, а также решение о воз-

возможности применения насилия как специфического инструмента власти – прерогатива политика по призванию. Политическая харизма должна подсказать государственному деятелю морально одобренные цели и средства политики, возможность использования этики ответственности или этики убеждения. Да и, по большому счету, направленность деятельности политика по призванию на благие цели – не самое главное, важно, чтобы тот служил со страстью и полной самоотдачей делу, пусть даже это дело не всегда является благом для общества.

Сразу следует отметить, что, например, граждане Великобритании не доверяют полностью харизме премьер-министра, и как только у последнего появляются тенденции к узурпации государственной власти и правлению во вред обществу, он рискует оказаться не у дел. Этому способствует как исторически сложившаяся система государственной власти (сильный парламент, монархия), так и активистская политическая культура населения. Недавним примером отставки харизматического политического лидера, инициированной как массовыми митингами протеста в Лондоне в 2006 г., так и парламентом, служит пример Т. Блэра. В целом для англичан вообще характерен прагматический подход к политике. Каждый раз, выбирая нового «властителя», они голосуют в первую очередь за предлагаемый уровень жизни (программу политической партии), а не за демагогический блеск и авторитет чьей-то харизмы. Так, «на всеобщих парламентских выборах в Англии в 1945 году национальный герой и лидер консервативной партии Уинстон Черчилль потерпел поражение и уступил место премьер-министра лидеру лейбористской партии малоизвестному Клементу Эттли. Избиратели предпочли избирательную платформу лейбористов с ее менее авторитетным лидером»³¹⁸.

Но проблема этически одобренных целей и средств политики, несомненно, существует и в Великобритании, она решается путем введения юридических и моральных ограничений на деятельность должностных лиц, а также учреждением соответствующих контрольных инстанций. Например, конституционные конвенции³¹⁹ вводят как индивидуальную, так и коллективную ответственность правительства. С одной стороны, министр, как член кабинета министров

---

³¹⁸ *Остапенко Г. С.* Парламент и империя в XX в. // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания / Под ред. Е. В. Гутновой. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. С. 183.

³¹⁹ В Великобритании отсутствует писаная конституция.

и руководитель определенного подразделения (государственного департамента), несет индивидуальную ответственность за свои действия и работу подотчетного ему министерства. В случае серьезной ошибки, допущенной его отделом или им самим, он должен подать в отставку. С другой стороны, члены Кабинета, являясь одновременно членами Парламента, подотчетны ему в своей деятельности. Принятие коллективных решений правительством Великобритании предусматривает коллективную ответственность, которая может приобрести форму вотума недоверия со стороны Палаты общин.

В 1990-е гг. в Соединенном Королевстве была принята серия этических кодексов для должностных лиц (министерский кодекс, кодекс поведения членов Парламента, кодекс гражданской службы) с целью повышения нравственной «планки» для тех, кто занят в сфере государственного управления. Эти документы вводили базовые принципы, которыми должны были руководствоваться должностные лица при выполнении своих обязанностей. Обратимся к некоторым из них.

1. **Бескорыстие** – лица, занимающие государственные должности, обязаны действовать в интересах общества и не использовать своего служебного положения для приобретения финансовых выгод для себя самих или своих близких.

2. **Принципиальность** – должностные лица не должны связывать себя финансовыми обязательствами с посторонними лицами, способными оказать на них давление.

3. **Беспристрастность** – вопросы назначения на должность, распределения государственных контрактов, рекомендации о награждении претендентов, льготах и пенсиях должны решаться исходя из реальных заслуг и достоинств соискателей.

4. **Подотчетность** – должностные лица подотчетны обществу за свои решения и действия и обязаны не препятствовать любой проверке, связанной с их служебной деятельностью.

5. **Открытость** – общественность должна иметь открытый доступ к информации о деятельности интересующих ее органов власти и государственных служащих (за исключением случаев, когда такой доступ может повредить долгосрочным интересам общества).

6. **Честность** – должностные лица обязаны руководствоваться интересами общества, а не личными интересами и в случае наличия последних при осуществлении какого-либо задания должны открыто заявлять о них.

7. Лидерство – лицам, занимающим государственные должности, следует служить инициаторами распространения выше-названных принципов, быть личным примером их воплощения.

«При кажущейся размытости названий принципов их содержание сформулировано достаточно конкретно, налагает на должностных лиц вполне реальные ограничения и позволяет вполне операционально контролировать их соблюдение. Причем, они в равной мере относятся и к политикам, и к чиновникам»³²⁰. Для контроля за выполнением должностными лицами вышеуказанных принципов созданы институты уполномоченных. Это и Управление уполномоченных по делам государственной гражданской службы, и должность парламентского уполномоченного по стандартам поведения.

Члены Палаты общин, как потенциально возможные кандидаты на замещение должностей в правительстве страны, подлежат наиболее тщательному контролю со стороны общественности и Парламента на предмет личной заинтересованности в результатах проводимой ими политики, поэтому в течение трех месяцев с момента получения ими депутатских мандатов они обязаны декларировать свое материальное положение, предоставить «реестр интересов». Данный документ содержит информацию о занимаемых депутатом должностях в реальном секторе экономики, видах осуществляемых им побочных работ, консультаций, клиентах, спонсорах, жертвователях средств в избирательный фонд депутата, получении им подарков в ходе исполнения служебных обязанностей, о зарубежных поездках, земельной собственности, акциях, материальном положении супруги (супруга) и детей.

Различия в государственных функциях политиков и чиновников обусловили введение в кодексе гражданской службы (1996) дополнительных базовых принципов и соответствующих им норм поведения государственных служащих:

1. Порядочность – выполнение своих профессиональных обязанностей без учета частных интересов в результатах деятельности.

2. Честность – правдивое изложение всех фактов, своевременное устранение ошибок, использование бюджетных средств только на общественные нужды, на которые они и были выделены.

3. Объективность – рекомендации и решения должны быть основаны на тщательном анализе фактов.

---

³²⁰ *Оболонский А. В.* Административная мораль на английском газоне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007, т. 1. № 1. С. 108.

4. Беспристрастность — работа должна выполняться добросовестно вне зависимости от политической направленности в правительстве.

«Эти ключевые принципы лежат в основе хорошего правительства и необходимы для достижения наивысших возможных стандартов в сфере гражданской государственной службы, что в свою очередь, позволит гражданской службе заручиться поддержкой и завоевать уважение министров, Парламента, общественности и населения»³²¹.

Первоочередная задача каждого государства создать условия для реализации творческого потенциала своих граждан. «Государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»³²². В этом контексте можно говорить о социальной ответственности власти, которая непосредственно стыкуется с этическими аспектами политической деятельности. В середине XIX в. Германия стала первой страной, продемонстрировавшей опыт социальной защиты рабочих, который затем был перенят рядом индустриально развитых стран. Концепция защиты нуждающихся слоев населения постепенно эволюционировала в модель социальной защиты У. Бевериджа, послужившей основанием предвыборной платформы лейбористов в 1945 г. Начиная с этого времени и до прихода к власти консерваторов во главе с М. Тэтчер, правительство Великобритании последовательно реализовывало основные принципы государства благосостояния (социального государства), суть которых заключалась в выполнении следующих требований:

1) высокие расходы общества на заработную плату населения (40-60% ВВП);

2) сбалансированные системы доходов граждан страны, которые позволяют предупредить их высокую дифференциацию (не более 1 к 10 по крайним группам);

3) развитая система социальной защиты, расходы на которую составляют не менее 20-25% ВВП;

4) бюджетные отчисления на здравоохранение должны составлять не менее 7-9% ВВП, а на образование не менее 4-6% ВВП.

³²¹ *Оболонский А. В.* Административная мораль на английском газоне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007, т. 1. № 1. с. 112–113.

³²² *Stein L.* System der Staatswissenschaft. Osnabrück: Zeller, 1964. S. 61.

5) предусматривается обязательное социальное страхование наемных работников с их частичным участием в этом процессе.

Сегодня ключевые характеристики государства благосостояния полностью реализуются только в Финляндии, Швеции, Канаде, Нидерландах и Германии. Отход от политики социального государства в Великобритании наметился в 1970-е гг. при правительствах консерваторов во главе с М. Тэтчер под давлением «культуры пониженных ожиданий», сформированной за годы правления лейбористов, и стагнирующей экономики страны. Однако и курс «железной леди», направленный на увеличение частного сектора экономики путем приватизаций бывших государственных предприятий и частичного распространения акций среди их работников, со временем породил резко негативное отношение со стороны населения Соединенного Королевства и стал одной из причин утраты легитимности власти М. Тэтчер и ее кабинета.

В середине 1990-х гг. Т. Блэр смог предложить альтернативный подход к решению проблемы социальной ответственности власти — концепцию «Третьего пути», или программу нового лейборизма. Она обусловила победу его партии (418 мест в Палате общин) на выборах 1997 г. со значительным перевесом по сравнению с тори (165 мест). В качестве ключевых ценностей неолейборизма признавались равенство возможностей, социальная включенность, взаимная ответственность государства и гражданина, демократизация и подотчетность. При новом правительстве государство по-прежнему гарантировало всеобщий доступ к традиционному набору социальных услуг (наследие государства благосостояния), однако частично перекладывало обязанности за их предоставление на другие плечи с целью облегчения бремени государственного бюджета. Так, например, обязанности по выплате «второй пенсии», трудоустройству граждан становились сферой ответственности частных работодателей под непосредственным контролем государства.

Таким образом, совокупность теоретических положений Вебера, обозначенных нами как этические аспекты политической власти, не находит своего подтверждения в политической практике Великобритании. Проблема же морально одобренных целей и средств их достижения решается путем повышения нравственных требований со стороны общества к тем, кто занимается государственным управлением. «В нынешнее время бурных перемен в самих основах государственной службы и поиска ее новой

модели, отвечающей современным требованиям и перспективам, ясно, что даже на “300-летнем английском газоне” люди не свободны от искушений злоупотребить в свою или чью-либо пользу предоставленными им властными полномочиями, хотя масштабы и характер этих злоупотреблений, конечно, несравнимы с тем, что мы видим в отечественной политической действительности»³²³. Для контроля за нравственным поведением политиков и чиновников, как упоминается выше, введены этические кодексы государственных служащих и учреждены специальные контролирующие организации.

В отличие от политической практики Великобритании с использованием этических кодексов деятельность административного аппарата Германии регулируется на основании общего закона о правовом положении государственных служащих (1971) и Законом о федеральных кадрах, в соответствии с которым на государственную службу принимаются только политически благонадежные граждане Германии, входящие в определенную возрастную категорию. При этом административные должности в министерстве замещаются выпускниками юридических, экономических и социологических факультетов. Штаб управления Германии на две трети рекрутируется из представителей высших и средних слоев населения – выходцев из семей крупного бизнеса, высшей и средней бюрократии, а оставшаяся часть формируется из представителей более низких социальных классов³²⁴. Помимо уже известных категорий правящей элиты в легально-рациональном господстве (политиков и чиновников), в бюрократическом аппарате Германии есть еще и неоплачиваемая должность «почетного чиновника» (выборный консул, присяжный). Представители управленческого аппарата должны выполнять регламентированные функции беспристрастно и объективно на благо общества. Контроль за деятельностью чиновников осуществляют административная юстиция и административные суды. В 1995 г. в ФРГ был принят Кодекс антикоррупционного поведения и Рекомендации по его соблюдению, регламентирующие поведение чиновников.

---

³²³ *Оболонский А. В.* Административная мораль на английском газоне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007, т. 1. № 1. С. 111.

³²⁴ *Василенко И. А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Vasil/14.php (дата обращения: 05.01.2018)

Связь между «этикой ответственности» Вебера и авторитарным режимом власти прослеживается в его концепции «плебисцитарной демократии», так как «плебисцитарный» лидер отвечает за свои действия сам, в то время как народ и партия не имеют права вмешиваться в его политику³²⁵. «Этика ответственности» Вебера, по сути, является репрезентацией ценностного релятивизма, так как, с одной стороны, предполагает отход от универсальной этики «этики убеждения», а с другой, произвольность в выборе терминальных целей политики: «в основном три качества являются для политика решающими... Страсть — в смысле ориентации на существо дела: страстной самоотдачи “делу”, тому богу или *демону*, который этим делом повелевает»³²⁶, т. е. политик может служить как добру, так и злу, но главное — с полной самоотдачей.

В истории Германии XX в. есть практическое воплощение идеи М. Вебера о «политической ответственности» харизматического лидера, который не должен делать различий между добром и злом, а лишь со страстью служить своему делу и ответственно относиться к последствиям своих действий, — А. Гитлер. Даже «Р. Михельс оправдывал свое решение поддержать Муссолини и итальянский фашизм ссылкой на Вебера»³²⁷. Ввиду разрушительного влияния политики лидера НСДАП на общество и на мировое сообщество в целом Германия больше не пользуется рекомендациями Вебера по данному вопросу. Представление о будущем Германии в контексте мирового господства нашло отклик в сердцах немецкого плебисцита, однако для реализации этой задачи новому рейхсканцлеру нужно было преобразовать внутреннее государственное устройство — началось срастание партийного аппарата с государственными органами рейха. Члены НСДАП не подчинялись в своей деятельности гражданским законам, а следовательно, не могли привлекаться к уголовной и гражданской ответственности; правосудие также вершилось членами данной партии, а ее идеология стала общегосударственной. В 1933 г. для контроля за населением Германии была сформирована тайная го-

---

³²⁵ Шпакова Р. П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1997. С. 202.

³²⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 517.

³²⁷ Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 134.

сударственная полиция (гестапо). Также были созданы имперские министерства, дублирующие функции министерств Веймарской республики, что усилило их дисфункцию и лишило возможности должного контроля. Так, было создано имперское министерство народного просвещения и пропаганды, которое в доступной форме доводило основные идеи нацизма до широких слоев населения и при этом частично дублировало функции МИД, МВД, министерства экономики, министерства транспорта и связи.

Новый рейхсканцлер обладал глобальным видением будущего Германии, однако его идеи носили иррациональный и вредный характер как с нравственной, так и с практической точки зрения. «Ночь длинных ножей», организованная Гитлером для устранения политических оппонентов, и «хрустальная ночь», направленная на массовое истребление немецких евреев, сформировали в глазах западной общественности образ немецкого лидера как носителя онтологического зла. После трансляции *Kristallnacht* нацистскими СМИ на Западе «было интерпретативно сконструировано культурное различие между заранее очевидной германской рациональностью — изображением добра в дискурсе американского гражданского общества — и его последующей демонстрацией жестокости и иррациональности, которое было взято как репрезентация антицивилизационного зла»³²⁸. Таким образом, идея этики ответственности политика по призванию, неподконтрольного в своих действиях силе закона и обществу, имеет негативные последствия не только для политической практики, но и для общества в целом, поэтому ее воплощение неприемлемо.

Современный немецкий философ К.-О. Апель, изучающий проблемы этики, полагает, что именно моральный релятивизм создал основу для процветания фашизма³²⁹. Нетрудно заметить, что «этика ответственности», отколотая от универсальной этики — «этики убеждения», является реверансом М. Вебера в сторону ценностного релятивизма. По мнению К. - О. Апеля, для избежания возможности повторения фашизма необходимо, чтобы нравственные ценности имели универсальный характер, а не приспособлялись к особенностям ситуации или служили побу-

---

³²⁸ *Alexander J.* On the social construction of moral universals: the “Holocaust” from war crime to trauma drama // *Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice.* Cambridge, 2004. P. 203.

³²⁹ *Игнатьева О. А.* Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // *Мир политики и социологии.* 2012. № 2. С. 74.

дительным мотивом к действию через историческую легитимацию. Например, это относится к апеллированию нацистов к чувствам долга, солидарности и патриотизма, основанным на великом прошлом Германской империи.

Как и в Германии, в России XX в. также есть опыт реализации политики харизматическим лидером (И. В. Сталин), последствия чего также негативно отразились на советском обществе. Так, например, в 2009 году ОБСЕ признал равнозначное влияние политики обоих правителей на судьбы европейских государств. Какова же была этическая ответственность советского лидера при осуществлении им политики? Он пришел к власти в СССР в 1926 г. и подчинял свою деятельность только одной цели — утверждению диктатуры. При этом его основными средствами были террор и геноцид. «Р. Конквест в своем известном исследовании утверждает: “Вопреки всем идеалам Маркса в Советском Союзе сталинской эпохи создалось положение, при котором экономические и общественные силы не определяли метода правления. Наоборот, центральным фактором были личные соображения правителя, которые вылились в действия, часто противоречащие естественным тенденциям этих сил... Общество было перестроено по его (Сталина — В. Б.) формулам. Оно не сумело перестроить самого вождя”».³³⁰

Пример ликвидации элиты польского общества в Катыни и последующий циничный ответ³³¹ вождя на запросы родственников погибших о судьбах их ближних свидетельствуют об отсутствии какой бы то ни было ответственности (этической или юридической) за свои действия у советского политического лидера. «Это был результат того самого иррационализма мышления, которым руководствовался Сталин... совершая геноцид в отношении собственного народа».³³² К сожалению, стремление к доминированию, абсолютной власти, не ограниченное ни морально-этическими нормами, ни общественным противодействием, ни действием закона, стало единственным мерилем правильности политики, осуществлявшейся советским вождем.

---

³³⁰ Бочаров В. В. Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Под ред. В. В. Бочарова. Т. 2. СПб.: Изд-во С-Петерб. Ун-та, 2007. С. 219.

³³¹ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 112.

³³² Там же. С. 137.

Пример Сталина, как и пример Гитлера, еще раз подтверждает наш тезис о том, что личная харизма не может служить нравственной мерой политики³³³, позволять выбирать нравственно оправданные цели и соответствующие методы для их осуществления, что Вебер заблуждался, разрабатывая положение об этике политической ответственности и возможности служения как Богу, так и дьяволу. Единственным верным средством решения этических проблем власти является повышение этических требований к тем, кто ее осуществляет и контроль за ними со стороны общества и соответствующих уполномоченных органов. Россия, руководствуясь общемировыми тенденциями в этом вопросе, также стремится выработать свой моральный кодекс для регулирования поведения государственных служащих подобно тому, как это уже сделано в ряде развитых стран (например, в Великобритании).

В 2008 г. группой ученых из российской Академии Государственной Службы при Президенте Российской Федерации (нынешний РАНХиГС) на рассмотрение экспертно-консультационного совета Государственной Думы был представлен модельный этический кодекс госслужащего РФ, назначение которого заключается в том, чтобы помочь госслужащему правильно ориентироваться в сложных нравственных коллизиях, ситуациях, обусловленных спецификой его работы. Данный документ предлагает подразделить нравственные принципы, которыми должны руководствоваться государственные служащие в своей деятельности, на нравственные принципы административной морали и на общие нравственные принципы. К первой группе относятся принципы приоритетного служения интересам государства. В проекте указано, что интересы государства, а через него общества в целом являются высшим критерием и конечной целью профессиональной деятельности государственного служащего. Далее принципы служения интересам общества, уважения личности, законности, политической нейтральности и лояльности. Согласно проекту кодекса государственный служащий не должен выступать в средствах массовой информации, давать интервью и выражать любым другим способом свое мнение, принципиально отличное от политики государства в целом и от политики государственного органа,

---

³³³ Плетнев А. В. Религиозная аномия как катализатор девиации в современном обществе // Современные исследования социальных проблем. (электронный научный журнал). №9 (53), 2015. С. 187-194 [Электронный ресурс] URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7456/pdf_1232 (дата обращения: 12.01.2018)

интересы которого он представляет как должностное лицо, как внутри страны, так и в особенности за рубежом». Вторая группа общих нравственных принципов отчасти дублирует первую, например по вопросу принципа приоритета прав личности, хотя и дополняется рядом существенно новых положений: принципами честности и бескорыстности при выполнении своих должностных обязанностей, вежливости, толерантности, развитого чувства долга и ответственности. Проект этического кодекса предусматривает также возможность добровольной отставки госслужащего, если его нравственные принципы разойдутся с общим политическим курсом государства или государственного органа, интересы которого он представляет. Для контроля за выполнением этического кодекса в повседневной службе предусмотрено создание этических комиссий при соответствующих органах государственной власти, формирующихся из сотрудников ведомства, профсоюзной организации, общественных деятелей, представителей культуры.

Вышеупомянутый проект этического кодекса несомненно имеет определенное сходство с проанализированным в данном подразделе этическим кодексом гражданской службы в Великобритании, однако в нем можно обнаружить и положения, отражающие специфику политической культуры России. В частности, в качестве первоочередного принципа, которым должен руководствоваться государственный служащий, выдвигается принцип служения интересам государства. Нужно отметить, что инициатива создания этического кодекса госслужащего в России возникла еще в девяностые годы двадцатого века, однако многие модельные кодексы, созданные за этот период, так и остались на стадии законопроекта.

23 декабря 2010 г. Президиумом Совета при Президенте РФ по противоборству коррупции принят типовой кодекс этики и служебного поведения государственных Российской Федерации и муниципальных служащих. Типовой этический кодекс носит рекомендательный характер³³⁴ для государственных органов и органов местного самоуправления по разработке этических кодексов соответствующего уровня. Принципы поведения государственного (муниципального) служащего можно подразделить в нем на должное поведение в отношении государства (добросовестное вы-

---

³³⁴ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 05.01.2018).

полнение своих обязанностей, противодействие коррупции) и на соответствующее отношение к населению (уважение к традициям и обычаям, корректность и беспристрастность). Также типовый этический кодекс регламентирует отношение государственных (муниципальных) служащих к средствам массовой информации.

Очевидно, что принятие типового этического кодекса является значительным шагом в регулировании деятельности чиновников. Так 22 июля 2011 г. на основании данного документа был принят кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих системы Министерства внутренних дел РФ. Также в период с 2011 по 2017 гг. кодексы этики и служебного поведения были приняты в большинстве субъектов Российской Федерации. Однако стоит отметить, что, по мнению автора, более эффективной мерой было бы принятие единого этического кодекса для государственных и муниципальных служащих с едиными требованиями к ним и правилами поведения, а также формированием единого контрольного органа, следящего за соблюдением данного кодекса в деятельности чиновников категории «Б» и «В».

В целом необходимо отметить, что государственная власть во всех рассмотренных странах в большей или меньшей степени оказывает социальную поддержку населению. Существуют пенсионное обеспечение, пособия на случай неблагоприятных жизненных обстоятельств. В Российской Федерации также успешно осуществляется программа, направленная на поддержание молодой семьи посредством материнского капитала или использования возможностей льготного ипотечного строительства. Это свидетельствует о фактической ответственности власти перед доверившим ей свою судьбу населением.

Современные конфликты и кризисы (экономические, политические, социальные) уже не являются проблемой одной страны, наоборот, глобальная взаимозависимость обществ выражается также и в глобальных кризисах, что очевидно на примере экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. и охватившего все страны мира, в том числе и западные. Следовательно, сегодня политика каждого государства более не должна носить замкнутый, эгоистический характер, она должна учитывать интересы своих соседей (ему следует находиться с ними в постоянном диалоге для поддержания солидарности, а для этого необходима единая универсальная система ценностей – «глобальная этика», которая должна

стать основой политической практики). Идея «глобальной этики» впервые была выдвинута в 1993 г. на съезде Парламента мировых религий (г. Чикаго), и ее суть заключается в том, чтобы изменить доминирующие в общественной мысли ценности — признать приоритет общего блага и справедливости над формальной рациональностью, господствующей в современных капиталистических обществах. Один из представителей данного движения, немецкий религиозный философ Г. Кюнг, считает, что «качественная сторона этического требования, его безусловное долженствование не может быть установлено человеческими существами, которые находятся под сильным влиянием своих страстей, но только тем, что является безусловным, т. е. абсолютным, который может обеспечить глобальную значимость и охватить как индивидов, так и общество. Это может быть только конечная, высшая реальность... которая является первопричиной, основной опорой и конечной целью всех людей и мира, и которую мы называем Бог»³³⁵. Таким образом, основой новой политической этики, разделяемой всеми странами, должны стать акосмические стандарты, а не чистая рациональность или ценностный релятивизм.

Начиная с Ф. Ницше и М. Вебера, большинство социальных мыслителей и политиков руководствуются идеями «интеллектуальной честности» и «рациональности» для обоснования должного поведения и управления, что отрицательно сказывается как на идеологии современных обществ, так и на их социально-экономическом положении. Например, по мнению американского философа М. Нассбаум, современный глобальный экономический, политический, экологический и социальный кризис, а также наличие расовых и социальных конфликтов обусловлен этой крайней рациональностью и прагматичностью политики национальных государств, замкнутых в своих частных сиюминутных интересах. Следовательно, необходимы альтернативные ценности, альтернативная космополитическая парадигма развития, которая «меньше зависит от рациональности и больше от общей солидарности... меньше от веры в прогресс и больше от признания человеческой брэнности и приоритета нравственных ценностей»³³⁶. По мнению философа, необходимо вернуться к пониманию идеи рациональ-

---

³³⁵ *Kung H.* Global Responsibility: In Search of a New World Ethics. NY: Crossroad, 1991. P. 51.

³³⁶ *Nussbaum M.* "Citizens of the World" in *Cultivating Humanity: a Classical Defense of Reform of Liberal Education*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 52.

ности в духе Канта и римских стоиков, суть которого заключается в том, чтобы преодолеть ограниченные контексты и традиционные интересы индивидов и обществ и увидеть рациональное зерно, которое будет являться благом для всех.

Г. Кюнг является автором идеи глобальной политической ответственности, ставшей основой Декларации глобальной этики, принятой на съезде Парламента мировых религий (1993). В своей работе «Глобальная ответственность: в поисках новой мировой этики» немецкий философ формулирует основные характеристики новой космополитической системы ценностей. Содержание концепции Кюнга находится под влиянием требований этики И. Канта, трансцендентального прагматизма К.-О. Апеля, универсального прагматизма Ю. Хабермаса и идеи «ответственности власти» М. Вебера. У Вебера заимствуется сама идея, что власть должна отвечать за свои действия в историческом контексте, но наполняется она не прагматическим, а нравственным содержанием Канта, категорический императив которого предполагает необходимость выбора цели и стратегии действия с точки зрения общего блага и справедливости. «Должно поступать» известным образом — это означает здесь скорее: поступать так справедливо и потому есть наш долг»³³⁷.

У К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса Г.Кюнг заимствует идею о том, что только intersubjectively понимаемое содержание нравственных ценностей является значимым и может служить руководством к действию. Так, например, в теории трансцендентальной прагматики Апель наряду с разумом выделяет язык как средство познания, поскольку, по его мнению, истина открывается только в процессе взаимодействия, в то время как пассивный наблюдатель лишается возможности быть понятым и постигнуть истину. «Трансцендентально-прагматическая теория К.-О. Апеля в целом является попыткой трансформации кантовской трансцендентальной философии субъективности в трансцендентальную философию intersubjectivity»³³⁸. При этом Апель выделяет модусы коммуникаций, которые делают взаимодействие между участниками возможным: когнитивный (содержательный), интеракционный (межличностный), экспрессивный (интенционный) и грамма-

---

³³⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Пер. с нем. М.: Наука, 1992. С. 14.

³³⁸ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа, 2002. С. 70.

тический (понятность). Экспрессивность предполагает искренние намерения участников интеракции по отношению друг к другу и в вопросах постижения истины. Таким образом, коммуникативные модусы становятся основаниями моральной оценки суждения и действия, «прокладывается мостик из семиотики (в частности, прагматики как ее раздела) в этику: прагматические требования к коммуникации, к речевому акту как структурной единице коммуникации становятся этически релевантными»³³⁹.

К.-О. Апель дифференцирует идеальное и реальное коммуникативное сообщество, полагая, что и в повседневной жизни моральный субъект должен руководствоваться принципами идеального дискурса и учитывать последствия своих действий в историческом контексте. Однако в отличие от сообщества ученых сообщество обычных людей предполагает коммуникацию для достижения своих целей посредством аргументации, при этом встречные требования также признаются обоснованными, если они могут быть должным образом доказаны. «Человеческие потребности являются этически релевантными в качестве межличностно сообщаемых требований; их следует признавать в той мере, в коей они могут быть межличностно оправданными при помощи аргументов»³⁴⁰. Понимая различие между идеалами нравственной жизни (долг, справедливость, добродетельная жизнь) и повседневной реальностью (рациональность, прагматизм, борьба за выживание), Апель вводит понятие «деонтологической морали», которая предполагает толерантное отношение к уже сложившимся жизненным формам и их постепенное совершенствование. «Точно так же не требуется заменять естественные традиционные институты и конвенции непосредственно аргументированным дискурсом. Скорее требуется постепенно наполнять их новым содержанием или сменять такими, которые благоприятствуют утверждению дискурсивного принципа. Этот процесс длится — особенно в Европе — уже столетие и в демократическом парламентском государстве находит вполне удачные формы»³⁴¹.

Немецкий социолог Ю. Хабермас, анализируя возможности применения практического разума в прагматическом, этическом

---

³³⁹ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа, 2002. С. 73.

³⁴⁰ Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии / Пер. с нем. М.: Логос, 2001. С. 325.

³⁴¹ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа, 2002. С. 111–112.

и моральном аспектах, также поддерживает безусловные требования нравственных принципов Канта, так как «лишь руководствующую моральной точкой зрения и потому целиком рациональную волю можно назвать автономной. Она очищена от всех гетерономных черт спонтанного действия (*Willkür*) или воли к специфической, всегда также аутентичной жизни»³⁴². Однако он считает, что предлагаемые максимы поведения не должны навязываться членам общества, а должны обсуждаться и проходить проверку на их универсальность, потому что «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды»³⁴³. Для моральной оценки целей и средств, по мнению Хабермаса, необходимы действительно универсальные стандарты поведения, которые учитывают интересы не только привилегированных слоев населения. «Тот, кто во имя универсализма исключает Другого, кто остается чуждым для Других, предаёт саму идею универсализма»³⁴⁴. В свою очередь универсализм практического разума поддерживается посредством коммуникаций, которые опосредуют перевод его идей в разумную коллективную практику.

По мнению Г. Кюнга, для преодоления современных глобальных и региональных проблем, для установления позитивного диалога между нациями и для дальнейшего гармоничного развития человеческого общества необходимо сформулировать глобальные стандарты поведения, единую этику политической ответственности, целью которой являются всеобщее благо и справедливость, а не эксклюзивные интересы отдельных государств. «Единый мир, в котором мы все живем, имеет шанс на выживание только при условии преодоления дифференциации, противоречий и даже антагонистической этики. Этот мир нуждается в единой базовой этике»³⁴⁵. В настоящее время наметилась тенденция перехода этики политической ответственности отдельных правительств перед своими гражданами к этике космополитической ответственности, которая способна преодолеть границы национального интереса на пути достижения всеобщего процветания.

---

³⁴² Там же. С. 17.

³⁴³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. С. 107.

³⁴⁴ Там же. С. 25.

³⁴⁵ Kung H. Global Responsibility: In Search of a New World Ethics. NY: Crossroad, 1991. P. 56.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на то что идея ответственности власти принадлежит Веберу, сегодня ее содержание отличается от первоначального. Вместо этики ответственности политика по призванию, современные государства (Великобритания, Германия и Россия) регламентируют поведение чиновников на основании специальных нормативно-правовых актов. Однако в отличие от Германии, в России, в Великобритании и других странах Содружества существуют этические кодексы государственных служащих, которые устанавливают ценностные ориентиры деятельности бюрократии. Однако, в Германии существуют специальные органы, осуществляющие контроль за исполнением служебных обязанностей чиновниками и за соответствием их деятельности нравственным категориям честности и справедливости. Содержательная сторона этики ответственности власти выражается в наличии социальных программ, направленных на поддержку нуждающихся слоев населения. В связи с глобализацией мирового пространства этические проблемы власти становятся актуальными для международного сообщества, поэтому сегодня ученые и политики занимаются разработкой глобальной этики, которая должна стать основой повседневной практики руководителей государств. Следовательно, трактовка этики ответственности, предложенная М. Вебером, является в современных условиях неактуальной, хотя сам термин, введенный этим немецким классиком остается востребованным и наполняется новым содержанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая монография посвящена реконструкции концепции политической власти М. Вебера и проверке ее теоретической и практической значимости в современных условиях. Полученные результаты позволят более полно использовать потенциал веберовской теории власти как в академических исследованиях, так и в политической практике России.

Для формулирования целостной концепции политической власти Вебера был проведен анализ реконструкции сложных теорий, имеющийся в работах Ю. Хабермаса, П. А. Сорокина, Г. С. Батыгина и Д. Г. Подвойского, и сформулирована авторская методология реконструкции как интерпретации текстов первоисточников посредством систематизации идей классика вокруг руководящего критерия с их последующим толкованием.

В ходе исследования выявлено, что влияние неокантианства на теорию власти М. Вебера отражается только на особенностях его социологической методологии: использование идеально-типических конструкций и «свободе от оценки». Содержательная же часть концепций построена на основе заимствования ряда идей у предшественников, например, бюрократия А. де Сен-Симона, их развития, а также на базе анализа политической практики (парламентаризм). В целом М. Вебер находится под влиянием социалдарвинизма и национализма, что отражается на содержании его представлений о власти.

Несмотря на выявленные противоречия в социологической методологии Вебера, на фрагментарный характер его политических идей, их можно объединить в целостную, логически связанную систему взглядов (концепцию) со следующей структурой: а) фундаментальные структуры власти (типология господства), б) принципы реализации государственной власти (объединение типов господства, обновление политической элиты, развитие политической культуры, национально-этическая и территориальная политика) и в) этические аспекты политической власти («этика ответственности»).

В ходе исследования было сформулировано основное содержание концепции, которое включает традиционное, харизматическое и легально-рациональные типы господства (фундаментальные структуры политической власти); результаты комбинирования основных типов господства; практические рекомендации М. Ве-

бера по организации власти; положения о кооптации экономически восходящего класса во власть, воспитании политической культуры, проведении национально-этнической и территориально-экспансионистской политики (принципы реализации власти); этический блок: «этика убеждения» и «этика ответственности», нормативные требования к субъекту власти (этические аспекты осуществления политической власти).

На основании анализа работ представителей веберизма и других социологов (например, Ю. Хабермаса) было установлено, что теоретические положения М. Вебера о легитимности власти, бюрократии и харизматическом лидерстве сохраняют наибольшее влияние на современную политическую социологию. При этом наименьшее значение сегодня имеют идеи Вебера об экспансионистской политике, этике ответственности и плебисцитарной демократии.

Сравнительный анализ концепции власти М. Вебера и современных концепций власти (М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Луман) позволил установить, что последние построены по принципу противопоставления классической теории. Однако, несмотря на это, существует некоторое сходство между идеями М. Вебера и воззрениями современных теоретиков: рациональность, дисциплина, власть как система эксплуатации (М. Фуко); определение власти и ее характер, бюрократия (П. Бурдьё); потенциальная репрессивность власти (Н. Луман).

Использование концепции власти М. Вебера для исследования организации политической системы современных обществ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, веберовская типология власти сохраняет свою практическую значимость для описания и объяснения современной структуры власти в контексте легально-рационального господства. Сосуществование с данным видом господства харизматического и традиционного возможно только в случае их «умеренной» версии «политика по призванию» (партийного лидера) и конституционной монархии (символ политической стабильности). Во-вторых, идеи экспансионистской территориальной политики и плебисцитарной демократии, предложенные Вебером, являются анахронизмом. В-третьих, понимание категории политической ответственности Вебером имеет негативные практические последствия, а, следовательно, неприемлемо. Также была выявлена ограниченность концепции

политической власти М. Вебера, связанная с отсутствием в ней положения о вхождении во власть через оппозиционное политическое движение. Данный феномен был обнаружен на основе анализа политической практики последних лет существования СССР.

Таким образом, концепция власти М. Вебера по-прежнему содержит эвристический потенциал в границах идей, посвященных типологии господства, принципам реализации государственной власти посредством сочетания легально-рационального типа господства с партийной харизмой и конституционной монархией, обновлению правящей элиты, развитию активистской (гражданской) политической культуры у населения и политики, направленной на поддержание единой национальной идентичности. Следовательно, в рамках данных идей концепция власти Вебера может быть применима в дальнейших академических исследованиях и в разработке конкретных направлений государственной политики. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в преподавании теории, истории, методологии социологии, политической социологии, спецкурсов и разработке пособий по ним, а также в качестве руководства в практической политике.

ЛИТЕРАТУРА

Аденауэр К. Воспоминания: в 2 т. / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1968. 293 с.

Алексеев Н. Н. Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958. 172 с.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–136.

Антонова В. К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 213–230.

Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии / Пер. с нем. М.: Логос, 2001. С. 263–336.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Под общ. ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1992. 608 с.

Байерс С. Третий путь // Международная жизнь. 2000. № 12. С. 42–46.

Байкова А. Н. Правительство Энтони Блэра, tred-юнионы и масс лейбористская партия (принципы взаимоотношения) // Россия и Британия. Вып. 2. / Под ред. В. Г. Трухановского. М.: Наука, 2000. С. 166–173.

Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. М.: Высшее Образование и Наука, 2007. 448 с.

Бачинин В. А., Сандулов Ю. А. История западной социологии. СПб.: Лань, 2002. 384 с.

Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 72–87.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. 1179 с.

Бочаров В. В. Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Под ред. В. В. Бочарова. Т. 2. СПб.: Изд-во С-Петербург. Ун-та, 2007. С. 218–242.

Бурдьё П. Социология политики. / Пер. с франц. М: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 1999. С.125–166.

Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдьё / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001. С. 107–140.

Бурлацкий Ф. М. Ленин. Государство. Политика. М.: Наука, 1970. 522 с.

Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Vasil/14.php (дата обращения: 05.01.2018).

Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. 656 с.

Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.

Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 130–134.

Вебер М. Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 343–393.

Вебер М. Избирательное право и демократия в Германии (март 1917) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 40–106.

Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 7–39.

Вебер М. Новая Германия (декабрь 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 394–398.

Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 107–299.

Вебер М. Рейхспрезидент (январь 1919 года) // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 399–403.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 529–548.

Вебер М. Основные социологические понятия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 453–484.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 485–528.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 19–186.

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 415–452.

Вебер М. Социализм // Политические работы (1895–1919). / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 107–299.

Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в Европейской дипломатии. // Новая и новейшая история 2006, № 5. С. 182–209.

Воронцов А. В. Теория капитализма Макса Вебера и ее методологическое значение // Социологические исследования. 2007, №1. С. 140–150.

Вуд Э. М. Британия и Россия: некоторые размышления британского дипломата // Международная жизнь. 1998, № 8. С. 13–22.

Вырщиков А. Н., Никонов К. М. Российская национальная идея. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. 108 с.

Вятр Е. Социология политических отношений. / пер. с пол. М.: Прогресс, 1979. 456 с.

Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.

Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл. / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

Головин Н. А. Теоретико-методологические основы политической социализации. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2004. 288 с.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Россия // Социологические исследования. 1992, № 3. С. 115–129.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. 510 с.

Давыдов Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 603–628.

Дзелепи Э. Конрад Аденауэр: Легенда и действительность. / Пер. с франц. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 184 с.

Дроздов Ю. И., Илларионов С. И. Политическая элита России. М.: РИЦ «Профэко», 2007. 576 с.

Дубровцев В. А., Розов Н. С. Природа “Русской власти”: от метафор - к концепции // Полис. Политические исследования. 2007, № 3. С. 8–23.

Дука А. В. Политическая культура – поиски теоретических оснований // Антропология власти: в 2 т. / Под ред. В. В. Бочарова. Т. 1. СПб.: Изд-во С-Петербурга. Ун-та, 2006. С. 103–115.

Здравомыслов А. Г. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам // Вестник Института социологии. 2010, № 1. С.179–202.

Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. 172 с.

Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 316 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юр. центр Пресс, 2004. 752 с.

Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М.: Ассоциация «Новый стиль», 1990. 191 с.

Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1999. 163 с.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 322 с.

Иванов А. Ф., Устименко С. В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Полис. Политические исследования. 2007, № 5. С. 56–67.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю: мемуары. В 2 т., Т. 2. М.: Гослитиздат, 1960. 455 с.

Игнатъева О. А. (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О.А.*) Типы господства в политической культуре России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 504-510.

Игнатъева О. А. (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О.А.*) Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 3. С. 180-189.

Игнатъева О. А. (Публикации до 2011 г. выходят под фамилией *Красненко О.А.*) Верификация концепции власти М. Вебера на примере политической культуры Великобритании и России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4. С. 125–130.

Игнатъева О. А. Реконструкция концепции власти М. Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. 2012. № 2. С. 67–73.

Игнатъева О. А. Автореферат на соискание ученой степени кандидата наук по теме «Эвристический потенциал концепции власти Макса Вебера» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/evristicheskiei-potentsial-kontseptsii-politicheskoi-vlasti-maksa-vebera> (дата обращения: 12.01.2018).

Игнатъева О. А. Особенности формирования национальной идентичности на примере Великобритании, ФРГ и России // Молодой ученый. 2017. №12. С. 477-480. [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/146/41040/> (дата обращения: 12.02.2018).

Игнатъева О. А. Влияние межэтнической коммуникации на национальную идентичность и внешнюю политику государства // Концепт (МГИМО). 2017. № 3 (3). [Электронный ресурс]. URL: http://concept.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=253&catid=95&Itemid=813&lang=ru (дата обращения: 12.01.2018).

Исаенко А. В. Английская королевская реформация XVI в. Орджоникидзе: СОГУ, 1982. 74 с.

Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т., Т 7. М.: Чоро, 1994. С. 5–56.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.

Козловский В. В., Шпакова Р. П., Эттрих Ф. Актуальность социологии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 5–7.

Кравченко Е. И. Макс Вебер. М.: Весь мир, 2002. 223 с.

Кокорев А. С. Проблемы общества и государства в социологии Б. Н. Чичерина и М. Вебера // Социологические исследования. 2009, № 2. С. 128–135.

Кодзима С. Восприятие работ М. Вебера в России начала XX в. и “Веберовский ренессанс” конца XX в. // Социологические исследования. 2009, №6. С. 121–131.

Кочетков А. П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 8–20.

Крейг Г. Немцы. / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. 378 с.

Лабутина Т. Л. Парламент Англии в правление последних Стюартов глазами просветителей // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. / Под ред. Гунтовой Е. В. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. 188 с.

Ландшир де К., Мидлхоф Ю. Роль личности в политике на примере Евросоюза // Полис. Политические исследования. 2011, №2. С. 25–35.

Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011, №9. С.3–18.

Лапина И. Е. Местное управление и территориальная организация публичной власти в Великобритании // Правовая политика и правовая жизнь. 2007, № 2.

Ледяев В. Г. Концепции власти: аналитический обзор // Антропология власти: в 2 т.: Под ред. В. В. Бочарова. / Т. 1. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2006. С. 82–102.

Лепсиус М. Р. Своеобразие и потенциал веберовской парадигмы // ЖССА. 2007. Т. VII, № 4. С. 51–60.

Лепсиус М. Р. Об институционализации критериев рациональности: исследовательская программа Макса Вебера // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2009. С. 59–68.

Лукин А. В., Лукин П. В. Мифы о российской политической культуре и российская история: в ч. 1. // Полис. Политические исследования. 2009, № 1. С. 56–70.

Луман Н. Власть. / Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. 256 с.

Макаренко Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. 2011, № 1. С. 42–65.

Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростун-та, 1988. 302 с.

Маккиндер Х. Дж. Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011, № 2. С. 134–144.

Мартъянов В. С., Фишман Л. Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. 2012, № 1. С. 63–75.

Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997. 87 с.

Масловский М. В. Неовеберовская историческая социология // Социологические исследования. 2008, №3. С.119–126.

Масловская Е. В., Масловский М. В. Социология права: классовые и современные теории. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 92 с.

Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 156–185.

Мелкумов А. А. Канадский федерализм: теория и практика. М.: Экономика, 2006. 222 с.

Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа, 2002. 381 с.

Оболонский А. В. Административная мораль на английском газоне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007, т. 1. № 1. С. 107-116.

Осипов Г. В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 311 с.

Осипова Е. В. Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. 1992, № 4. С.97–105.

Остапенко Г. С. Парламент и империя в XX в. // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания / Под ред. Е. В. Гутновой. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. 188 с.

Остапенко Г. С. «Всенародная бабушка» королева Елизавета II // Международная жизнь. 2006, № 6. С. 142–158.

Павенков О. В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс) // Общественные науки. 2011, № 2(91). С. 164–171.

Павлов Н. В. Германия на пути в третье тысячелетие. М.: Высшая школа, 2001. 367 с.

Пак Г. Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов: Изд-во СГТУ, 1998. 79 с.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобализирующемся мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

Панина Л. Н., Кочетков В. В. Типы господства и развитие демократии // Вестник МГУ. Сер.7: Философия. 1993 № 2. С. 57–63.

Парсонс Т. О структуре социального действия / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ, 1992. 208 с.

Патрушев А. И. Германия в XX веке. М: Дрофа., 2004. 434 с.

Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. 2011, № 3. С. 141–163.

Пивоваров Ю. С. Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994. 217 с.

Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. Политические исследования. 2006, № 1. С. 12–32.

Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011, № 2. С. 47–52.

Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 304 с.

Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. Немецкие политические традиции и нацизм. СПб.: РХГИ, 1997. 576 с.

Плетнев А. В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб. 2010. № 124. С. 353 – 357.

Плетнев А. В. Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4(24) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-anomii-v-religioznoy-sfere-zhizni-postsovetskogo-obschestva> (дата обращения: 12.01.2018).

Плетнев А. В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №6 (50), 2015. [Электронный ресурс] URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6538/pdf_1085 (дата обращения: 12.01.2018).

Плетнев А. В. Религиозная аномия как катализатор девиации в современном обществе // Современные исследования социальных проблем. (электронный научный журнал). №9 (53), 2015. с. 187-194 [Электронный ресурс] URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7456/pdf_1232. (дата обращения: 12.01.2018).

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий: логическое введение в исторические науки / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1997. 532 с.

Розов Н. С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. Политические исследования. 2011, №1. С. 29–41.

Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ, 1998. 366 с.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.

Серебрянников В. В. Ответственность власти // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996, № 8. С. 16–17.

Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т., Т.1., М.: Мысль, 1990. С. 47–548.

Сорокин П. А. Социологические теории современности / Пер. с англ. М.: ИНИОН РАН, 1992. 193 с.

Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 295–424.

Субботин В. А. Великобритания и ее колонии. Тропическая Африка в 1918-1960 гг. М.: Наука, 1992. 273 с.

Судейкин А. Г. Парламентские выборы и парламент Великобритании // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. 188 с.

Сунгуров А. Ю., Захарова О. С., Петрова Л. А., Распопов Н. П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России: Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. Политические исследования. 2012, № 1. С. 99–116.

Сухоруков А. В. Британское содружество наций: прошлое и настоящее // Новая и Новейшая история. 2006, № 5. С. 70–85.

Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 05.01.2018).

Тихонов А. В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Социологические исследования. 2011, № 6. С. 3–13.

Уильямс Ч. Конрад Аденауэр, отец новой Германии. М.: Изд-во АСТ, 2002. 472 с.

Фальпаль Т. Образование политических институтов в ходе европейской интеграции // Проблемы теоретической социологии. Вып. 7. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2009. С. 241–262.

Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX в. / Пер. с нем. М.: Аграф, 2001. 304 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. М.: AdMarginem, 1999. 480 с.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Пер. с нем. М.: Наука, 1992. 176 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. 379 с.

Чаадаев П. Я. Философские письма // Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 38–146.

Чаадаев П. Я. Отрывок из исторического рассуждения о России // Избранные сочинения и письма. Соч. в 2 т., Т.1., М.: Правда, 1991. С. 234–239.

Шебанова М. А. Международная бюрократия как слой транснациональных политических элит // Полис. Политические исследования. 2012, № 1. С. 136–148.

Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 2. С. 22–50.

Шмидт Г. На благо Германии. Пути выхода из кризиса / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1995. 374 с.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992, № 1. С. 37–67.

Шпакова Р. П. Типы лидерства в социологии Макса Вебера // Социологические исследования. 1988, № 5. С. 134–139.

Шпакова Р. П. Легитимность и демократия. Уроки Вебера // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1997. С. 200–212.

Шпакова Р. П. Легитимность политической власти // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1997. С. 190–199.

Шпакова Р. П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. 2003, № 3. С. 109–114.

Шпакова Р. П. Макс Вебер и Владимир Ленин: аграрный вопрос (1892–1893) // Социологические исследования. 2005, №11. С. 129–137.

Шпакова Р. П. Макс Вебер о бюрократии // Макс Вебер и современная социология: Памяти Риммы Павловны Шпаковой / Под ред. А. О. Бороноева, Г. С. Скворцова. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008. С. 26–36.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 25 т., Т. 21, М.: Политиздат, 1983. с. 28–178.

Aldenhoff R. Max Weber and the Evangelic-Social Congress // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 193–202.

Alexander J. On the social construction of moral universals: the “Holocaust” from war crime to trauma drama // Matters of Culture:

Cultural Sociology in Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 196–224.

Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. 562 p.

Arrendt H. Totalitarianism, and the Social Sciences. Stanford: Stanford University Press, 2010. 231 p.

Barrett S., Stokholm S, Burke J. The Idea of Power and the Power of Ideas: A Review Essay // American Anthropologist. 2001. Vol. 103, N. 2. P. 468–480.

Beck U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy. Cambridge: Polity Press, 2005. 352 p.

Beethem D. Max Weber and the theory of modern politics. Cambridge: Polity Press, 1985. 304 p.

Beethem D. Mosca, Pareto and Weber: A Historical Comparison // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 139–158.

Bell D. Power, influence and authority: An essays in political linguistics. N. Y.: Oxford University Press, 1975. 346 p.

Bendix R. Max Weber and Jakob Burckhardt // American Sociological Review. 1965. Vol. 30, N 2. P. 176–184.

Bendix R. Max Weber: An Intellectual Portrait. Berkley: University of California Press, 1978. 573 p.

Blair T. New Britain. My vision of a Young Country. L.: Forth Estate, 1996. 338 p.

Breiner P. Max Weber and Democratic Politics. N.Y.: Cornell University Press, 1996. 237 p.

Brown A. Ideology and Political Culture // Politics, Society and Nationality inside Gorbachev's Russia. L.: Westview Press, 1989. P. 1–40.

Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past // In the Dynamics of Soviet Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P. 337–351

Carrol W. The Making of a Transitional Capitalist Class: Corporate Power in the 21st Century // American Journal of Sociology. 2011. vol. 117, N 2.

Delanty G. Cultural Diversity, Democracy and the Prospects of Cosmopolitanism: a Theory of Cultural Encounters // The British Journal of Sociology. 2011. Vol. 62, N 4. P. 633–656.

Dow T. An Analysis of Weber's Work on Charisma // The British Journal of Sociology. 1978. Vol. 29, N 1. P. 83–93.

Dowse R., Huges J. Sporadic interventionists // Political studies. 1977. Vol. 25, N 1. P. 84–92.

Foucault M. The History of Sexuality I: An Introduction. NY: Pantheon Books, 1978. 168 p.

Foucault M. Two lectures // Power / Knowledge. NY: Pantheon Books, 1980. P. 78–108.

Freund J. German Sociology in the Time of Max Weber // A History of Sociological Analysis. London: Heinemann Educational Books, 1979. 717 p.

Friedland R., Mohr J. The cultural turn in American sociology / Matters of Culture: Cultural Sociology in Practice. NY: Cambridge University Press, 2004. P. 1–39.

Friedman H., Adler W. Moral Capitalism: a Biblical Perspective // The American Journal of Economics and Sociology. 2011. Vol. 70, N 4. P. 1014–1028.

Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976. 346 S.

Hathaway R. Great Britain and the United States of America: Special Relations Since World War II. Boston, MA: Twayne, 1990. 173 p.

Huntington S. The third wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1991. 386 p.

Ignatjeva O. Reconstruction of Max Weber's Conception of Power and its Methodological Meaning // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-20-1 / ISSN 2367-5659, 24 - 30 August, 2017, Book 3, Vol 3, P. 579-586, DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.076.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. L.: Abacus, 1995. 736 p.

Jennigs W., Bewan S., John P. The Agenda of British Government: the Speech from the Throne, 1911–2008 // Political Studies. 2011. Vol. 59, N 1. P.74–98.

Krüger D. Max Weber and the younger generation in the Verein für Sozialpolitik // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 71–87.

Kung H. Global Responsibility: In Search of a New World Ethics. NY: Crossroad, 1991. 158 p.

Lachmann R. States and Power. MA: Polity, 2010. 234 p.

Lukacs D. Die Zerstörung der Vernunft. Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. 758 s.

Mommsen W. The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxford: Basil Blackwell, 1974. 124 p.

Mommsen W. Max Weber and German Politics: 1890–1920. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 498 p.

Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 121–138.

Mommsen W. Max Weber's "Grand Sociology": The Origin and Composition of Wirtschaft und Gesellschaft: Soziologie // History and Theory. 2000. Vol 39, N 3. P. 364–383.

Nussbaum M. "Citizens of the World" in Cultivating Humanity: a Classical Defense of Reform of Liberal Education. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 352 p.

Oakes G. Weber and the Southwest German School: The Genesis of the Concept of the Historical Individual // Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J. London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 434–446.

Parkin F. Max Weber. New Haven&London: Routledge, 1993. 108 p.

Parsons T. On the concept of political power // Proc. Amer. Philos. Soc. 1963. Vol. 107, N 3. P. 232–262.

Pauwels T. Explaining the Success of Neo-Liberal Populist Parties: the Case of Lijst Dedecker in Belgium // Political Studies. 2010. Vol. 58, N 5. P. 1009–1029.

Pletnev A. V. Development of anomie in the religious sphere of postsoviet society // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, www.sgemsocial.org, SGEM2017 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-20-1 / ISSN 2367-5659, 24 - 30 August, 2017, Book 3, Vol 3, 181-186 pp, DOI: 10.5593/sgemsocial2017/33/S12.024.

Prewo R. Das Wissenschaftsprogramm Max Webers. Frankfurt a. M.: Suhkamp, 1979. 240 s.

Putnam R. The Beliefs of Politicians. Ideology, Conflict and Democracy in Britain and Italy. Cambridge, New Haven: Yale University Press, 1973. 309 p.

Roth G. Political Critiques of Max Weber: Some Implications for Political Sociology // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30, N 2. P.213–223.

Scaff L. Max Weber's Politics and Political Education // *The American Political Science Review*. 1973. Vol. 67, N. 1. P. 128–141.

Scaff L. Max Weber in America. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2011. 311 p.

Schluchter W. Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von Max Weber Gesellschaftsgeschichte. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1979. 280 s.

Spohn W. Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World // *Historicka Sociologie*. 2009, № 1. P. 9–27.

Stein L. System der Staatswissenschaft. Osnabrück: Zeller, 1964. 564 s.

Sterling J., Moore W. Weber's Analysis of Legal Rationalization: a critique and constructive Modification // *Sociological Forum*. 1987. Vol. 2., N 1. P. 67–89.

Strong T. Weber and Freud: Vocation and Self-Acknowledgement // *Max Weber and his Contemporaries / Mommsen W., Osterhammel J.* London: German hist. inst.: Unwin Hyman, 1987. P. 468–482.

Swedberg R. The Changing Picture of Max Weber's Sociology // *Annual Review of Sociology*, 2003. P. 283–306.

The Times, May 1, 2002.

Turner Ch. Modernity and Politics in the Work of Max Weber. L.: Routledge, 1995. 240 p.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 943 s.

Weber M. Economy and Society: an outline of interpretive sociology. Berkley: University of California Press, 1978. 1462 p.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1978. 579 s.

Weber M. Rationalisierung und entzauberte Welt. Schriften zu Sociologie und Geshichte. Leipzig, 1989. 374 s.

Weiss J. Das Werk Max Webers in der marxistischen Rezeption und Kritik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1981. 256 p.

Winckelmann J. Legitimität und Legalität in Max Webers Herrschaftssoziologie. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1952. 488 s.

Wolin S. Max Weber: Legitimation, Method, and the Politics of Theory // *Political Theory*. 1981. Vol. 9, N 3. P. 401–424.

Olga A. Ignatjeva

**MAX WEBER'S SOCIOLOGY OF DOMINATION:
HEURISTIC POTENTIAL**

SUMMARY

This monograph is devoted to the reconstruction of the concept of political power of the outstanding German sociologist Max Weber with an analysis of its subsequent influence on the development of sociology in general. The book not only provides a critical analysis of the ideas of the scientist from the point of view of representatives of Weberianism, but also a comparative analysis of the concept with the theories of contemporary influential researchers such as M. Foucault, P. Bourdieu and N. Luhmann.

The author's methodology for reconstructing the concept and its rationale is proposed in the work. The ideas of the classic are actualized on the basis of the political cultures of the leading countries of the West, as well as of Russia. The conclusions proposed in this research can be used to create courses on political sociology, the theory and methodology of sociology, as well as in the development of directions of domestic and foreign policy of the state

Игнатъева Ольга Анатольевна

СОЦИОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА МАКСА ВЕБЕРА:
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Монография

Научное издание

Ответственный редактор: Катаев Д.В.
Компьютерная верстка: Жигарева А.В.
Технический редактор: Помаз П.В.

Сдано в набор 12.02. 2018 г.
Подписано в печать __.02.2018 г. Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 10,75 п.л.
Тираж ___ экз. Заказ 0158.

Подготовлено к печати в издательстве ООО «Архей»
Санкт-Петербург, г. Зеленогорск, пр. Ленина, д. 44.

Отпечатано в типографии ООО «Архей»
Санкт-Петербург, г. Зеленогорск, пр. Ленина, д. 44.